Деды

дайджест публикаций о беларуской истории

выпуск 3

«ДЕДЫ»

Дайджест публикаций о беларуской истории.

На русском языке. Тираж ограничен

Любой из трех выпусков дайджеста «Деды» можно купить (или заказать, если в данный момент он отсутствует) по следующим адресам:

1) В магазине «Академкнига»: Минск, пр-т Независимости, 72 (с 10 до 19 часов) /станция метро «Академия наук»/ Тел. (017) 292-00-52, 292-50-43

2) В киоске в помещении управы БНФ: Минск, пр-т Машерова, дом 8 (с 10 до 19 часов) /станция метро «Площадь Победы»/

3) В киоске в помещении «Таварыства беларускай мовы»: Минск, пер. Румянцева, 13 (с 15 до 19 часов) /станция метро «Площадь Победы»/

4) У издателя Алеся Вараксина: тел. 670-55-39 (Velcom) Электронный адрес: *editpol@tut.by*

По почте наложенным платежом

5) У Алеся Евдахи: тел. 643-57-33 (Velcom), 556-23-23 (МТС) Электронный адрес: *wwwknihinet@gmail.com*

6) У Романа Цимберова: тел. 336-82-84 (Velcom), 755-50-41 (МТС) Электронный адрес: *skramasaks@inbox.ru*

* * *

Авторы научно-популярных статей и книг, посвященных вопросам истории Беларуси, написанных на беларуском или русском языке, могут обращаться с предложениями о публикации к редактору альманаха «Деды» А.Е. Тарасу.

При этом необходимо сообщать следующую информацию:

– Название работы.

– Аннотация (не более 10–12 строк).

– Содержание работы (оглавление).

– Объем в знаках или в авторских листах (один лист — 40 тыс. знаков). Для статей объем не более 60 тыс. знаков (1,5 а.л.).

– Число и вид иллюстраций (фото или рисунки). Иллюстрации к статьям обязательны.

Адрес для контакта:

А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь
Электронная почта: *AETaras@tut.by*

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 3

Минск
Издатель А.Н. Вараксин
2010

УДК 94(476) (059)

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. – Минск : А. Н. Вараксин, 2010. – 200 с.

ISSN 2075-5376

В третьем выпуске дайджеста помещены 17 статей, содержание которых охватывает события беларуской истории XX века. В том числе: идеологические искажения историографии, сталинские репрессии против народа, война с немцами, особенности тоталитарного коммунистического режима в БССР, вопросы культурного наследия. Все статьи публикуются в новой редакции и иллюстрированы уникальными фотографиями.

ISSN 2075-5376

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И БЕЛАРУСЬ

Андрей Портнов. Советизация исторической науки в Украине и Беларуси 4
Андрей Акара. «Северо-Западный край» или «крэсы всходние»? 12
Вадим Деружинский. Современные мифы западнорусизма 20

II. ВОЙНА ПРОТИВ НАРОДА

Анатолий Карасев, Юрий Глушаков. Акты отчаяния, а не «кулацкий мятеж» 34
Вячеслав Станишевский. Весь род — жертвы репрессий 44
Леонид Смиловицкий. Судьба семьи из Речицы 60
Олег Гордиенко. Несгибаемый беларус: Николай Николаевич Улащик 75

III. ВОЙНА 1941–1945

Валерий Булгаков. Война без цензуры 89
Владислав Гриневич. Миф войны и война мифов 92
Василий Матох. Эвакуация… на тот свет 112
Сергей Захаревич. Горела ли земля под ногами оккупантов? 126

IV. ТОТАЛИТАРИЗМ В БССР

Татьяна Протько. Достижения соцстроительства в зеркале спецслужб 142
Ирина Романова. Издержки небывалых успехов 152
Анатоль Великий. КПБ и национальный вопрос 160

V. ИЗ ИСТОРИИ НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ

Анатоль Тарас. 100 лет Красного костела 180
Алесь Белый. Земля Фердинанда Рущица 190
Анатоль Тарас. Бона Сфорца и конференция 196

I. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И БЕЛАРУСЬ

СОВЕТИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В УКРАИНЕ И БЕЛАРУСИ

Андрей ПОРТНОВ
(Днепропетровский университет)

ЧТО ТАКОЕ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ?

1917 год был священной датой для советской науки: история жестко разделилась на «до- и послереволюционную». Поэтому понятие «советская историография» охватывает все работы, напечатанные с 1918 по 1991 год (несмотря на то, что первые десять лет после революции выходило много исследований, написанных еще до нее).

Теоретическим основанием для советской историографии стал пресловутый «марксизм-ленинизм». Его важнейшие тезисы таковы:

– прямолинейное представление о стадийном (формационном) характере общественно-исторической эволюции;

– признание классовой борьбы движущей силой исторического процесса;

– утверждение жесткой зависимости сознания от социальных факторов («бытие определяет сознание»);

– трактовка исторического процесса как закономерного приближения к коммунизму.

Столь примитивное понимание истории позволяло «историкам-партийцам» разделять общественные явления и научные труды на «прогрессивные» и «реакционные». Более того, в событиях прошлого они искали обоснование и оправдание для современности. Известный историк Михаил Покровский (1868–1932), продавшийся большевикам, сформулировал это предельно цинично: «история есть политика, опрокинутая в прошлое». Поэтому при каждом изменении «линии партии» обязательно менялась и трактовка прошлого.

Например, автор статьи в одном из томов «Большой советской энциклопедии», изданном в 1936 году, отметил, что Богдан Хмельницкий в казацкой революции, которую он возглавлял, «сыграл роль предателя и лютого врага восставших казацко-крестьянских масс», ибо «способствовал закреплению колониального господства России над Украиной. Менее чем через 10 лет гетман оказался уже «самоотверженным борцом за воссоединение Украины с Россией». При этом попытка Михаила Брайчевского раскритиковать концепцию «воссоединения» с чисто марксистских позиций была квалифицирована как диссидентство, а сам ученый пострадал за свою смелость.

---

* Из журнала «Беларускі гістарычны агляд» (2000 г., том 7, сш. 2). Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Советская «наука» не останавливалась и перед «исправлением» исторических фактов. Утверждалось, например, что Петрика – лидера антигетманского восстания – убил агент Ивана Мазепы (на самом деле Петрик пережил старого гетмана и умер своей смертью); что Украинскую Академию наук основали большевики (на самом деле – Павел Скоропадский во время существования независимой «Украинской державы»); шляхтича Ивана Богуна-Федоровича объявили крестьянским сыном и т.д. Историки БССР российскую агрессию 1654–1667 гг. называли «освобождением» беларуских земель от «ига литовских и польских феодалов», а социальную историю беларуского народа сводили исключительно к истории крестьянства.

В общей эволюции советской историографии можно выделить три основных этапа:

(1) 1918–1934 гг. Время сосуществования «марксистской» и «буржуазной» науки, когда марксизм еще вызывал интерес ученых, изучавших социально-экономические аспекты исторического процесса;

(2) 1935–1954 гг. Утверждение сталинского тоталитарного режима и возрождение российского национализма при освещении прошлого. «Патриотизация» истории явилась отражением изменения партийной линии. Прежней ориентации на мировую революцию соответствовала «интернационалистская» установка изображения Российской империи «тюрьмой народов», а концепция построения социализма «в одной отдельно взятой стране» вызвала переход на позицию прославления российского прошлого.

(3) 1955–1991 гг. Господство догматического сталинизма (под названием «марксизм-ленинизм») и одновременно замаскированные проявления академической оппозиции к нему. Возникла тенденция использовать тезисы классиков либо для внешнего оформления работ, либо для подтверждения собственных смелых гипотез.

Попутно отметим, что границы академической свободы для российских историков и для ученых национальных республик существенно различались – в пользу первых. Отдельные дисциплины (например, востоковедение, византистика, историко-культурологические исследования) вообще были монополизированы учеными Москвы и Ленинграда.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(1) Определяющей чертой советской историографии стала государственно-политическая детерминированность ее развития. Отсюда – и плановость исследований, и тоталитарный институт ВАК, и бесчисленность запретных тем, имен, документов.

(2) Создание научных авторитетов («ведущих специалистов»), фактически монополизировавших разработку определенных тем (для соответствующих периодов истории такими авторитетами считались Б.Д. Греков, Н.М. Дружинин, М.В. Нечкина, Б.А. Рыбаков, А.Л. Сидоров, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин).

Историкам оставалась только разделиться согласно проблемно-хронологическому принципу и сплотиться вокруг наиболее влиятельных фигур, которые полностью контролировали разработку той или другой темы.

(3) Расцвет коллективных исследований, постепенная унификация научного стиля, когда отличить одного автора от другого стало почти невозможно, а понятие «творчество» перестало соответствовать научным работам (может быть, поэтому в СССР и различали интеллигенцию «научную» и «творческую»).

(4) Цитатно-иллюстративный способ изложения материала, «историографический пропагандизм», упадок источниковедческой культуры исследований.

Идти на компромиссы с «партийной линией» ученым приходилось даже при издании сборников документов. Так, И. Крипъякевичу и И. Буцичу при подготовке к печати сборника «Документы Богдана Хмельницького» (1961) пришлось включить письма гетмана к турецкому султану и крымскому хану в раздел «Сомнительные документы»; из сборника «Первопечатник Иван Федоров и его последователи на Украине» (1975) были изъяты 5 актов городских книг Луцка, которые представляли Федорова руководителем вооруженных стычек между враждующими группами крестьян, что якобы компрометировало первопечатника; во всех документах сборника «Класова боротьба селянства Східної Галичини» (1974) слово «жид» было заменено на «корчмарь»...

(5) Склочная терминология, заимствованная из выступлений большевистских лидеров. Так, в 1921 году Ленин назвал исследование известного экономиста П.П. Маслова «Крестьянское хозяйство» «насквозь буржуазной пакостной книжонкой». В 1922 году он в своей статье «О значении воинствующего материализма» навесил ярлыки «идейных рабов буржуазии» и «современных крепостников, прикрывающихся мантией учености» на крупных ученых – историка Роберта Виппера и социолога Питирима Сорокина.

Сталин в своем письме в редакцию газеты «Пролетарская правда» («О некоторых вопросах истории большевизма»; 1931 г.) заявил: «Разве не ясно, что Слуцкий просто клевещет на Ленина, на большевиков», ибо «никто не смеет отрицать истинность слов вождя». Выражение «разве не ясно» повторено в письме Сталина еще 4 раза, а объект критики – исследования Слуцкого – охарактеризованы им как «галиматья», «жульническое крючкотворство» и «троцкистский хлам».

Ленинско-сталинский стиль не только старательно копировался, но и считался даже образцом «научности»! Соответственно, культура научных дискуссий оставляла желать много лучшего.

(6) Уничтожение жанра рецензий.

(7) Кроме того, в союзных республиках проводилась политика максимального приближения национальных языков к русскому – ради упрощения трансляции идеологических штампов. Украинский и беларуский языки, лишенные множества якобы «националистических» терминов, обеднели и лексически, и фразеологически.

Насаждение комплекса перечисленных отличий и есть процесс советизации исторической науки. Процесс, имевший целью уничтожение независимого научного мышления. А всякое противодействие советизации являлось проявлением индивидуальности исследователя, попыткой его противостояния системе, самоуверенно говорившей от имени «мы».

СОВЕТИЗАЦИЯ УКРАИНСКОЙ И БЕЛАРУСКОЙ НАУКИ

Как украинская, так и беларуская историография в 1920-е годы пользовались академической свободой и имели отчетливо национальный характер, что поощрялось политикой «коренизации».

Но эта свобода была временной, ибо усиление советской власти сопровождалось усилением внимания к общественным наукам вообще, к историографии в частности. Сначала – к периоду истории революции и большевистской партии. В дальнейшем пришло время целенаправленного уничтожения национальной интеллигенции, начатого процессами над «Суполкой визволення України» и «Союзом освобождения Беларуси» (1930) и завершенного созданием в 1936 году подконтрольных партии Института истории Украины и Института истории Белоруссии.

Однако даже во времена, когда независимое мышление и личное достоинство могли стоить человеку жизни, поведение ученых в тоталитарном обществе было разным. Можно выделить несколько его форм:

(1) позиция нейтралитета – отказ от активной публикации своих исследований либо переход к идеологически нейтральной тематике (это свойственно отдельным ученым старшего поколения, получившим признание еще в дореволюционное время). Примеры – Митрофан Довнар-Запольский, Дмитрий Яворницкий;

(2) методологическая коллаборация – искренний либо вынужденный переход на марксистские позиции. Среди старой украинской профессуры первым публично заявил о принятии марксистского метода Дмитрий Багалий (1920 г.). В Беларуси – Владимир Пичета, хотя его коллаборация явилась следствием ареста и ссылки;

(3) убежденная приверженность марксизму-ленинизму и борьба с его платформы против академической традиции «буржуазного объективизма» (М. Яворский, В. Щербаков, П. Горин);

(4) сохранение возможности заниматься научной работой (часто и сохранение жизни) путем выезда за пределы Украины и Беларуси. Обычно из-за этого приходилось отказываться от любимых тем, но не всегда. Например, работая с 1948 года в Москве, Николай Улащик опубликовал там работы о беларуских источниках, издание которых в Минске было тогда невозможно;

(5) исследование национальной тематики в УССР и БССР, но ценой многочисленных реверансов перед господствующей идеологией. Примеры – Константин Гуслистый, Иван Гуржый, Всеволод Игнатовский.

Отдельно надо упомянуть Михаила Грушевского и Вацлава Ластовского – лидеров национальной историографии, вернувшихся из эмиграции на Родину в период «коренизации». Уже обращалось внимание на концептуальную аналогию «Украины-Руси» Грушевского и «Беларуси-Кривии» Ластовского – исторических схем, доказывавших самобытность украинского и беларуского исторических процессов, давней традиции национальной государственности. Показательно, что во время революции 1917–1920 гг. сами эти историки возглавили, соответственно, Украинскую и Беларускую Народные Республики.

С этих полуобразованных крестьян началась советизация беларуской историографии:

Василий Дружчиц (1886–1937)

Василий Щербаков (1898–1939)

Павел Горин (1900–1939)

Виталий Сербента (1895–1980)

Призвав Ластовского и Грушевского с целью временной легитимизации своей власти как «национальной», большевистская партия в дальнейшем уничтожила обоих. Ластовского в 1930 году лишили академических званий и выслали в Саратов, а в 1938 году расстреляли. Грушевский не потерял своих титулов, но после травли в печати и кратковременного ареста он при невыясненных обстоятельствах умер в ноябре 1934 года в Кисловодске, где находился на лечении.

1930-е годы – это время репрессий, интенсивного огосударствления науки, проявившего себя в ограничении ученых не только в плане идей и содержания работ, но и в формах произведений, в их стиле. Запретными стали даже некоторые термины. Так, если в первые послереволюционные годы было нормой определение ВКЛ как «литовско-беларуского государства», то в конце 1920-х оно исчезло.

Критика работ Митрофана Довнара-Запольского, Мацея Любавского, Антона Ясинского и ряда других историков «старой школы» стало «хорошим тоном» в публикациях 30-х годов. Ученых упрекали в академическом «объективизме и документализме», в отсутствии политической пропаганды и в политической «неактуальности» тематики, то есть именно в том, что присуще качественным научным работам. Правда, в дальнейшем оценки стали более взвешенными – в 1942 году В. Пичета характеризовал М. Любавского как «виднейшего специалиста по истории ВКЛ», а М. Довнара-Запольского как «крупного историка», хотя и критиковал ряд их утверждений.

Разрушение научных и этических основ рецензионного жанра происходило двумя путями – созданием научных авторитетов, работы которых критическому анализу не подлежали, и поиском «врагов», в критике которых не было места ни элементарной тактичности, ни историографической культуре. Неугодного автора провозглашали «петлюровским недобитком», «наглым реакционером», «клерикалом», «фашистом», «гетманцем» или «мелким буржуа», «переносящим в прошлое свою политическую программу желаемого будущего».

В 1930-е годы историческая критика превратилась в одно из средств репрессивной политики, переняла стиль и способы аргументации партийных лидеров. Но объектом критики все еще оставались «буржуазные» или «фашистские» уклоны в освещении соци-

ально-экономической истории. Проявления национализма (в том числе русского) по-прежнему считались «антимарксистскими».

Например, критикуя С.В. Бахрушина за шовинизм в его работе о завоевании Сибири, С.А. Пионтковский патетически заявил: «подменить историю народов СССР историей Великороссии так же не удастся, как не удастся заменить диктатуру пролетариата диктатурой буржуазии»*. Это был 1930 год. Вскоре «замена» произошла.

СОВЕТСКИЕ СХЕМЫ ТРАКТОВКИ ПРОШЛОГО

В период 1935–1954 гг. были созданы новые схемы для объяснения прошлого народов СССР. Их ключевые тезисы таковы:

(1) Нерусские народы не завоевывались и не покорялись, а «объединялись» или «воссоединялись» с Московским государством, Российской империей, СССР. Например, господство России над Украиной и Беларусью – это не результат «завоевания», а простое возвращение под царскую опеку, временно потерянную вследствие «происков» поляков.

(2) «Объединение» национальных окраин с Московией (Россией) давало в основном положительные результаты и, во всяком случае, было для них «меньшим злом» (то есть, для стран Центральной Азии было «лучше» присоединиться к России, чем к Турции или Британской империи).

(3) Аннексия Россией нерусских земель во все времена оказывалась «прогрессивным» явлением для местного населения в сферах экономики, культуры, внешней и внутренней политики;

(4) Нерусские народы на территории Российской империи (или СССР) не были способны создавать собственные независимые государства;

(5) «Великороссы» во все времена «по праву рождения» были «старшими братьями» или «учителями» для всех остальных народов;

(6) Национальная вражда между великороссами и нерусскими народами отсутствовала как в прошлом, так и в настоящем;

(7) Историю нерусских народов следовало рассматривать через призму подавления трудовых масс местными эксплуататорами, а постоянным союзником этих масс всегда выступали российское крестьянство, российский пролетариат и российская «передовая интеллигенция»;

(8) Национальных политических лидеров следовало оценивать в зависимости от их симпатий или антипатий к России и к ее правителям;

(9) Националистические выступления против власти Москвы (Петербурга) не отвечали устремлениям народов, которые во все времена мечтали о слиянии с российским «старшим братом»;

(10) Советский патриотизм по своей сути тождественен русскому патриотизму;

---

* Сергей Андреевич Пионтковский (1891–1937) – один из первых в России историков-марксистов. Зам. редактора журнала «Пролетарская революция». Автор монографий, составитель хрестоматий по истории революции и гражданской войны в России. Казнен как «враг народа.

Сергей Владимирович Бахрушин (1882–1950) – профессор МГУ (с 1909). Пионтковский критиковал его монографию «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.» (1927). – *Прим. ред.*

(11) Молдаване вовсе не этнические румыны, а отдельный этнос;

(12) Согласно версиям 1947 и 1954 годов, восточные славяне принадлежат к единому историческому сообществу, имя которого – «русский народ». Украинцы и беларусы не отдельные этносы, а всего лишь следствие разделения «древнерусской народности» на три ветви. Поэтому независимое государство для них – явление неестественное, которое может существовать только «временно», до «воссоединения» с Россией.

***

А вот каковы основные идеологические постулаты русофильской и проимперской официальной беларуской историографии (Л.С. Абецедарский, А.И. Залесский, Н.В. Каменская, П.Т. Петриков, И.И. Солодков, К.И. Шабуня и др.):

(1) Самоопределение беларусов связывается с восточнославянским пространством (прежде всего с Россией), а не с Европой. Роль беларусов в истории ВКЛ замалчивается. Тех, кто пытается ориентировать Беларусь на Россию, не интересует ни Вильня, ни беларуское наследие ВКЛ.

(2) Замалчивается преследование беларуского языка и культуры как царским режимом (например, ликвидация униатской церкви в 30-е годы XIX века, запрет беларуского языка в 1866 г.), так и советской властью (например, массовый террор в период 1930–1941 гг.).

(3) До 1919 года не было такой страны – Беларусь. Основы беларуской государственности заложены только в годы советской власти, в БССР;

(4) В Советском Союзе Беларусь была «младшей сестрой» России, а беларусы – младшими братьями русских;

(5) Россияне по отношению к Беларуси и беларусам во все времена были только «освободителями» и никогда – захватчиками.

(6) Беларусь была одним из наиболее «образованных», «культурных» и экономически развитых регионов СССР.

(7) К беларускому языку относятся свысока, как к деревенской речи («гаворке»). Если же коренной беларус полностью переходит на русский язык, то это считается признаком «прогресса».

***

Сравним указанную позицию с оценками современных украинских историков, а также с содержанием школьных учебников.

(1) Киевская Русь рассматривается либо как древнее украинское государство, либо как образование, на наследие которого украинцы имеют преимущественное право.

(2) Переяславльский договор 1654 года интерпретируется не как «воссоединение» двух ветвей одного народа, а как конфедерация равных. Украину принудило к союзу с Россией нежелание Польши признать Русь (Украину) третьим равноправным членом Польско-Литовского государства;

(3) Царская власть оценивается только отрицательно, ибо она принесла в Украину крепостное право, привела к исчезновению национальной элиты и к денационализации;

(4) Австрийское господство в Галиции изображается в более позитивном свете, так как позволило сформировать украинскую нацию.

(5) Украинская Народная Республика, Директория и Гетманщина в период 1917–1921 годов рассматриваются как законные попытки создания собственного государства;

(6) Период сталинизма – это период открытой жестокой войны против украинского языка, культуры, национальных кадров. А искусственно вызванный голодомор 1933 года – это целенаправленный геноцид украинского народа;

(7) Партизаны-националисты из Украинской Повстанческой Армии объявлены борцами и против нацистов, и против большевиков.

* * *

Таким образом, в СССР в период 1930–50-х годов императивом развития нерусских народов было провозглашено их стремление к «объединению» с Москвой, тогда как идеалы собственной государственности стали «реакционными» и «буржуазными».

Но, несмотря на комплекс задействованных системой механизмов, малейшее ослабление давления (например, во время хрущевской «оттепели») приводило к появлению талантливых, высокопрофессиональных исследований. Источниковедческие работы Ивана Бутича, Ярослава Дашкевича, Ярослава Исаевича, Николая Ковальского, Елены Компан, Олега Купчинского, Федора Шевченко, написанные в духе позитивизма, являются гордостью украинской историографии. Для Беларуси аналогичная фигура – Николай Улащик.

Все же, надо честно признать, большинство ученых как Украины, так и Беларуси усвоили этику и стиль советской историографии. Ее рудименты существуют в наших странах до сих пор в скрытых и открытых, сознательных и подсознательных, агрессивных и либеральных проявлениях.

«СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ» ИЛИ «КРЭСЫ ВСХОДНИЕ»?

Андрей АКАРА

Для поиска места Беларуси в «сакральном пространстве» восточноевропейской христианской цивилизации полезно сравнить беларуский исторический и религиозный опыт с украинским.

Вряд ли можно найти более близкие в типологическом отношении славянские культуры, чем украинскую и беларускую, несмотря на наличие достаточно существенных этнических различий между самими украинцами и беларусами.

Обе культуры в XIV–XVII веках имели общий ареал распространения – пространство Великого Княжества Литовского (причем эта единая культура сильно отличалась от культуры тогдашней Московии). Большинство церковных деятелей, а также писателей тогдашней эпохи и украинское, и беларуское культурное сознание рассматривают в качестве «своих». Официальный книжный язык того времени исследователи определяют как «беларуско-украинский» или «западнорусский» – различия между беларуской и украинской версиями незначительны, зато весьма ощутимо отличие от языка великорусских книжников.

В XIX веке становление национального самосознания обоих народов происходило сходными путями – через создание писателями-романтиками «консолидирующего» мифа. Авторами украинского «казацкого» мифа считаются Иван Котляревский (1769–1838), Кондратий Рылеев (1795–1826), Николай Гоголь (1809–1852), Тарас Шевченко (1814–1861), Николай Костомаров (1817–1885), Пантелеймон Кулиш (1819–1897), а беларуского «шляхетского» мифа – Ян Чечот (1796–1847), Ян Борщевский (1790–1851), Адам Мицкевич (1798–1855) и Винцент Дунин-Марцинкевич (1807–1888).

Власти российской империи боролись с формированием национального сознания и долгое время не признавали ни украинскую, ни беларускую культуру, навязывая местным жителям общеимперскую идентичность и «общерусский» язык. Ограничения были частично сняты только в начале XX века.

Оба народа, лишенные государственности и этнокультурной легализации, создали типологически сходные художественные литературы, изначально ориентированные на «домашнее потребление», два структурно идентичных языка, которые следовало употреблять в чрезвычайно ограниченных сферах.

Но в своем развитии украинская культура по времени и по интенсивности опережала беларускую. Поэтому беларуские «адраджэнцы» начала XX века (Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович, газета «Наша Нива»), понимая близость украинской культурной модели, перенимали в первую очередь украинский, а не российский или польский опыт.

Однако при такой близости культурного развития Украины и Беларуси есть немало принципиальных различий, которые касаются в первую очередь степени освоения этими странами и их народами византийского наследия.

---

* «Беларускі гістарычны агляд», том 7 (2000), сш. 1. Перевод и редакция А.Е. Тараса

Поиски беларуской национальной или цивилизационной идентичности почти во всех случаях приводят к мысли о неактуальности византийского дискурса для Беларуси (причем это касается как европоцентричного, так и москвоцентричного подхода к его пониманию)*.

Беларусы – единственный восточнославянский народ, имеющий собственную национальную версию римо-католичества. Если вся Украина признает восточный церковный обряд (пусть даже в рамках униатства, т.е. греко-католичества), то значительная часть беларусов – это римо-католики**. Для беларусов, например, является традиционным использование имен как из православных, так и католических святцев: по именам можно определить конфессиональную принадлежность и цивилизационный «уклон» его носителей.

Аналогичное несовпадение наблюдается и в философско-богословской сфере XVI–XVII веков: если в среде украинских интеллектуалов шла борьба приверженцев философии Аристотеля (католических схоластов из лагеря Контрреформации) со сторонниками неоплатонизма и патристики (из лагеря православия), то в Беларуси полностью доминировал аристотелизм.

Достаточно красноречивы различия в образах беларуского и украинского «Золотого Века», как их трактовали историки и мифотворцы периода национального возрождения.

«Золотой Век» для украинского сознания – это эпоха религиозных войн православных запорожских казаков против Польши, Крыма и Турции. Для беларуского сознания таким «Золотым Веком» является эпоха Великого Княжества Литовского – времена Николая Гусовского (ок. 1472–ок. 1534), Франтишка Скорины (1490–1551) и Льва Сапеги (1557–1633), литовских Статутов (1529–1588) и противостояния православному Великому Княжеству Московскому.

Литовское Княжество было многоконфессиональным государством, но «государственной религией» с определенного времени стало именно католичество, православное же население подавлялось. Лучшим

«Предтечи» беларуской идеи:

Ян Чечот

Ян Борщевский

Адам Мицкевич

* Объяснение терминов смотри в конце статьи.

** В настоящее время в Беларуси более половины населения – атеисты. Число православных примерно 2 млн человек; католиков – до 1,5 млн; протестантов всех направлений – около 0,5 млн (верующими в религиозных семьях считают и детей). – *Прим. ред.*

Винцент Дунин-Марцинкевич — поэт и драматург — был приверженцем идеи автономии Литвы, под которой он понимал Беларусь

средством социальной легализации (особенно для шляхты) считался переход из православия в католичество. Кроме того, Литовское Княжество было приютом для многочисленных ересей, реформационных и протестантских движений. Объединение Литвы и Польши в результате Люблинской унии (1569) привело к церковной Брестской унии (1596), что имело фатальные последствия для культурного и политического византизма и православия. Ибо к концу XVIII века униаты составили около 70 процентов, римо-католики – 15 процентов, а православные – только 6 процентов населения Беларуси*.

Наконец, есть и другие признаки, более значимые для уяснения византийских потенций Беларуси – это сакральная география и антиэлитаризм.

Для православного сознания всегда актуально пространственно-географическое измерение – геополитика и сакральная география, ибо православие не может нормально существовать вне православного государства (отсюда представление о качественной неоднородности земной территории). Любая православная страна может считать себя мистическим «центром мира» – Новым Римом, Новым Иерусалимом или, на крайний случай, «Срединной землей» – цитаделью в борьбе с мировым злом. Это судьба не только Константинополя и Москвы, но также Киева, Великого Тырнова, Белграда, Бухареста.

Беларусь же никогда не ощущала себя ни «центром мира», ни «Срединной Землей», но всегда «передним краем». В составе Великого Княжества Литовского или Речи Посполитой – передним краем Запада на восточном направлении; в составе Российской империи и СССР – «передовым рубежом обороны» от «западных агрессоров».

Беларусь – это «коридор», «мост» между цивилизациями, «край», страна на «стратегическом перекрестке», на «культурном пограничье», это, наконец, «сборочный цех» советской промышленности. Знаковые для беларуской литературы, кино и общественного сознания темы Великой Отечественной войны, Брестской крепости и партизанского сопротивления, а в последние двадцать лет еще и чернобыльские сюжеты тоже эксплуатируют архетип Беларуси – «переднего края».

Украина имеет свои сакральные центры – Киев, Почаевский монастырь, запорожскую Хортицу, могилы и курганы Причерноморья, наконец Херсонес –

* Этнография Беларуси. Энциклопедия. Минск, 1989, с. 66.

каменный след Константинополя и Византии. Символические же центры беларуской истории – Полоцк, Новогрудок, Вильня, Минск (точнее, Менск) – лишены сакральной харизмы. Только собор Святой Софии в Полоцке (у восточных славян всего три таких, еще два в Киеве и Новгороде) напоминает о возможном, но исторически не реализованном назначении этого города древних кривичей-беларусов.

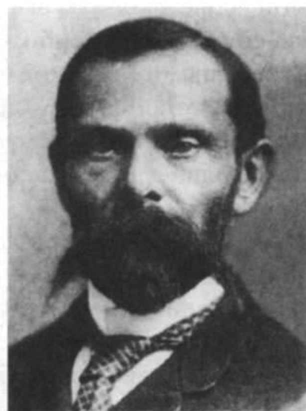
В свое время, в XIV–XV веках, византийские императоры и патриархи, предвидевшие неизбежный конец империи, выбирали между Московией и Литвой путь отступления Константинополя – стратегическое направление для «translatio imperia». Выбрали Москву, прежде всего из-за отсутствия там католической альтернативы. Татарское рабство московитов пугало византийцев меньше, чем латинское «цивилизаторство» в Литве и Литовской Руси. Именно тогда Великое Княжество Литовское ушло из византийской орбиты, византийская тема перестала быть актуальной для беларуского сознания. Даже современный беларуский панславизм (а тем более москвоцентризм) не апеллирует к образу исторической Византии, к византийским ценностям, к модели «Византии-после-Византии».

***

Отсутствие национальной элиты жреческого типа отмечают все исследователи в качестве важной специфической черты беларуского этноса. Данное обстоятельство определило многие психологические особенности народа и зигзаги его национальной истории.

Беларуская идентичность складывалась исключительно как крестьянская (или как производная от крестьянской), беларусов называли «мужицким народом», иногда с уважением, чаще – с презрением. Этот факт наглядно отразился в беларуской художественной литературе, которая в своем развитии пошла по пути не изысканного неоклассика Максима Богдановича, а мужицки грубых Якуба Коласа и Янки Купалы. Популярность президента Александра Лукашенко тоже в значительной степени объясняется соответствием его риторики, поведения и политики беларускому крестьянскому архетипу.

Даже известный российский монархист Иван Солоневич, беларус по происхождению, рассматривал Российскую империю сквозь призму своей национальной ментальности. Он воспринимал духовную и интеллектуальную элиту, да и сам принцип аристократизма («отбор лучших») лишь в негативном аспекте, а любого выдающегося монарха, «гения на троне» (например, Петра I) – как угрозу для естественного развития государства и народа.

Первый беларуский националист — Франтишек Богушевич

Высший универсальный смысл существованию любого народа придает только великая эсхатологическая идея. Но крестьянское мышление неэсхатологично в принципе, ибо оно ориентировано на календарный год с его цикличностью и повторяемостью. Отсюда логично следует антиэлитарный характер бе-

Так выглядела София в Полоцке на протяжении 650 лет, с 1050 до 1710 года, пока ее не взорвали русские солдаты

ларуской культуры. Она принадлежит к типу «неполных» культур и не может, по крайней мере на нынешнем этапе развития, заполнить все иерархические уровни культурных нужд беларусов, особенно урбанизированных городских жителей. Не случайно последние воспринимают беларускую речь в городе как нечто неестественное – либо как манифестацию национального сознания «озабоченного интеллигента», либо как «провинциализм» сельчанина, переехавшего в город.

Именно господство антиэлитаризма объясняет отсутствие глобальной беларуской национальной идеи, которая бы утверждала уникальность беларусов, их собственное место в мистической истории человечества.

Именно антиэлитаризм является еще одним обстоятельством, из-за которого византийская тема, в своей основе мистическая и эсхатологическая, не способна стать значимой для беларуского сознания.

Наконец, именно антиэлитаризм выявил причину слабости даже этнокультурного (т.е. локального, а не глобального) беларуского сознания. И дело тут вовсе не в малой численности беларусов (их в мире насчитывается не менее 10 миллионов), и не в отсутствии «критической массы» национальной интеллигенции*.

Беларуская национальная идентичность сложилась достаточно поздно, уже в рамках СССР. Именно поэтому современная Беларусь является едва ли не самой «советской» из всех республик бывшего Советского Союза. Раньше беларусы считали себя либо «недополяками», либо «недорусскими» – иначе говоря, «тутэйшыми («здешними», «местными»). «Тутэйшые» – это этнические беларусы без «консолидирующей» идеи, с низким уровнем национального самосознания. Но если раньше таковы были необразованные беларуские крестьяне, то в настоящее время таковы денационализированные и урбанизированные жители городов.

Янка Купала в запрещенной советскими властями трагикомедии «Тутэйшые» (1922 год) метафорически показал Беларусь как бы распятой между Россией и Польшей. Для одной она – «Северо-Западный край», для другой – «Wschodnie kresy polskie» (Восточные польские окраины). Беларуская интеллигенция выработала определение Беларуси как не-Польши и не-России, как чего-то особого

* Беларусов в республике Беларусь примерно 7,5 млн, в России – 1.14 млн, в Украине – 280 тыс., в Казахстане – 180 тыс., в Латвии – 90 тыс., в Литве – 41 тыс., в Эстонии – 20 тыс., а всего в бывшем СССР около 9 млн. В Польше – 200 тыс., в других странах Европы, в Канаде, США и Аргентине проживают до 200 тыс. беларусов. – *Прим. ред.*

и самостоятельного, но на следующую ступень не смогла подняться – в формулировке беларуской индивидуальной неповторимости и хоть какой-то общезначимой исторической миссии.

Но могло ли быть иначе, если религиозным идеалом для большей части национально ориентированной интеллигенции остается униатство (которое в Беларуси было ликвидировано еще в 1839 году)? А для католического сознания (неважно, «греческого» или «римского» типа) нет и быть не может другого сакрального центра, кроме города апостола Петра и другого лидера, кроме Папы Римского.

Дело тут не только в интеллигенции. Национальная идея – это не то, что придумывает культурная или политическая элита. Найти национальную идею – значит правильно оценить собственную харизму, интуитивно ощутить, духовно понять и рационально осознать свое историческое, геополитическое и мистическое назначение.

Возникает вопрос: возможна ли беларуская идея вообще? И если возможна, то какой она должна быть?

Беларусы – носители не своей собственной уникальной идентичности, а чужой. Для одних – московской, для других – европейской. По этой причине наиболее оптимальной культурной программой для Беларуси можно считать «неозападнорусизм».

«Западнорусизм» возник в беларуских губерниях Российской империи во второй половине XIX века как беларусофильское культурно-идеологическое течение. Его целью являлось сохранение народной культуры, фольклора, традиционного жизненного уклада, православных этических ценностей, но ни в коем случае не посягательство на целостность Российской империи, не идея воссоздания ВКЛ и возрождения униатства.

Идеологами этого движения, по мнению Александра Цвикевича (1929 г.) в первую очередь были гуманитарии: филолог Михаил Бобровский (1785–1848), историк Михаил Коялович (1828–1891), этнограф и филолог Ефим Карский (1860–1931), журналист Лукьян Солоневич (1866–1938).

На противоположных позициях стояли «краёвцы» виленской школы (Людвик Абрамович, Михаил Ромер, Роман Скирмунт, Эдвард Вой-

Кафедральный католический собор в Минске

нилович и другие), которые хотя и отвергали польскоцентричный взгляд на Беларусь как «Wshodnie kresy polskie», но утверждали уникальность беларуско-польско-литовского многовекового культурно-политического синтеза на основе католичества и польскоязычной «высокой» культуры.

Беларуский «западнорусизм», как и аналогичное ему украинское «малороссийство», – это сохранение своей культурной и языковой идентичности при признании доминирующей цивилизационной роли Москвы (точнее, Санкт-Петербурга, если говорить о временах Российской империи). «Малороссийство» и «западнорусизм» в принципе неэсхатологичны и не имеют ориентации на Конец Света – это культурническое явление, которое дополняет и делает разнообразным российский общеимперский универсум.

Свято-Николаевская церковь в деревне Дубно Мостовского района Гродненской области

«Украинство», в отличие от «малороссийства», – альтернативная идентичность. Оно противопоставляет российскому москвоцентризму (или петербургоцентризму) иное (не обязательно враждебное), киевоцентричное видение исторической перспективы, другую славянскую версию Апокалипсиса.

Украина, кроме западного направления (интеграция в «цивилизованное мировое общество») и направления промосковского (от просветительского «малороссийства» вплоть до полной ассимиляции украинцев) имеет еще и «третью альтернативу». Это осознание своей собственной исторической уникальности, осознание Киева как сакрального центра поствизантийского культурного пространства, как возможного в будущем геополитического лидера Восточной Европы.

Провиденциальность беларуской идеи не сложилась ни в прошлом, ни в современности. Не видно предпосылок для ее появления и в будущем. Поэтому Беларусь может исторически реализоваться, во-первых, как часть Запада, интегрировавшись в протестантско-католическую цивилизацию – вплоть до вступления в НАТО. Во-вторых, если говорить о ней как о части восточноевропейско-византийской Ойкумены, Беларусь может добровольно принять православную эсхатологическую идею: либо российскую москвоцентричную, либо менее вероятную на данный момент украинскую киевоцентричную идею.

Значит, Беларусь – это или периферийная часть «Великой Европы», или периферийная часть «Великого евразийского пространства» (не обязательно оформленного как единое государство) с центром в Москве или в Киеве. Третьего Беларуси не дано.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Апокалипсис – одна из книг Нового Завета, содержащая пророчество о грядущем «конце света».

Великое Тырново – столица славянского Тырновского царства на территории современной Болгарии. Царство пало в 1364–1393 гг. в ходе борьбы с турками-османами.

Византизм – понятие, охватывающее идеологическое (церковно-философское), политическое и культурное наследие Восточной Римской империи (Византии) и противопоставляющее его аналогичному наследию Западной Римской империи.

Дискурс – целенаправленное рассуждение, зафиксированное в письменном тексте. В переносном смысле – систематизированная точка зрения на какое-либо явление.

Идентичность национальная – понимание большинством членов этноса (народа) своего исторического, культурного и духовного единства.

Контрреформация – религиозно-политическое движение в Европе во 2-й половине XVI и в XVII вв., с целью восстановления позиций, утраченных католической церковью в ряде стран в 1-й половине XVI века.

Мистика – вера в сверхъестественные (божественные) силы и в возможность прямого общения человека с ними.

Неоплатонизм – направление в философии III–VI вв. Соединило учение Платона с идеями Аристотеля, оказало большое влияние на идеологию православной церкви в Византии.

Патристика – сочинения христианских мыслителей («отцов церкви») периода II–VIII вв. Пользуются большим авторитетом у теоретиков православной церкви.

Провиденциализм – толкование истории человечества как процесса осуществления божественного замысла.

Сакральное – священное, связанное с верой в Бога.

Схоластика – средневековая религиозная философия, характерная соединением слепой веры в догматы с методами рассуждений по законам формальной логики.

Харизма – особая притягательность отдельных людей или каких-либо учений, которым верят, не обращая внимания на критику их противников.

Элитаризм – признание ведущей и направляющей роли элиты (наиболее видных и влиятельных представителей общества, например, жрецов, аристократов, ученых и т.д.) во всех сферах человеческой жизни.

Эсхатология – религиозное учение о конце света и конечной судьбе душ всех людей за всю историю человечества.

СОВРЕМЕННЫЕ МИФЫ ЗАПАДНОРУСИЗМА

Вадим ДЕРУЖИНСКИЙ

«БЕЛАРУСОВ НЕТ»

Моя книга «Тайны беларуской истории» вызвала большой интерес у читателей, в том числе у таких, кто не согласен с мнением автора. Так, минчанин Сергей Каракаев (родился в 1953 году в Барановичах) пишет в своем письме:

«Книга «Тайны беларуской истории» очень хорошая, можно прочитать много интересных фактов, а ваше мнение и выводы всегда оригинальные. Вы пишите всегда интересно на любые темы, мне нравится».

Однако далее Каракаев критикует книгу с позиций западнорусизма, то есть концепции, разработанной идеологами царизма во второй половине XIX века. Он утверждает:

«Во-первых, вы путаете биологическую природу с этнической. А этнос тождественен культуре.

В средней полосе популяции формируются в бассейнах рек. Если вы побываете в Витебске, Бобруйске, Бресте, Гродно, то увидите, что жители этих городов формировались разными популяциями. Биологически они различны (антропологически, генетически).

Но этнически они относятся в данный момент К РУСИ. Русь характеризуется принадлежностью к Московской православной церкви, русскому языку, русскими именами и наличием отчества. У Руси русские кладбища и кацапский похоронный ритуал. Кацап – это название староверов Руси. Но по праву этим термином можно и нужно называть всех, кто идентифицирует себя по принадлежности к Московской церкви.

Этнонимом «русские» обозначают себя потомки самых разных народов, ассимилированных Русью. «Якутяне» (ассимилированные якуты), «Карымы» (ассимилированные буряты), «Затундренные крестьяне» (ассимилированные долгане) в этническом плане ничем не отличаются от других русских, например, от Владимирцев (ассимилированной муромы) или от Рязанцев (ассимилированной эрзи). Якутяне, Карымы, Затундренные крестьяне, Владимирцы, Рязанцы – это этническая Русь.

...Люди, усваивая чужой (другой) язык, религию и другие культурные традиции, меняют свою этническую природу. Так они переходят из одной этнической системы в другую, при этом они могут оставаться в одной и той же популяции и не менять своей биологической природы. Национальность (принадлежность к этнической группе) по наследству от родителей детям не передается.

...Ваш вывод о существовании биологических беларусов совершенно абсурден и антинаучен. Но именно такой вывод напрашивается после прочтения многих глав книги. Получается, что вы сообщаете людям ложные сведения.

Пользуясь даже теми фактами, которые приведены в вашей книге, можно сделать вывод: в XIX–XX веках на территории Литвы произошла смена этноса. Но вы почему-то такой вывод не сделали, хотя и подошли к нему вплотную. Подтверждается всеми фактами смена этноса, в результате которой Литва превратилась в Беларусь.

Беларусы – это этническая группа Руси – такая же, как и все другие. Беларусы, Якутяне, Карымы, Поморы, Волгари, Донские казаки, Кубанские казаки – все они разговаривают и пишут на русском языке, идентифицируют себя по принадлежности к Московской церкви (...). Дают своим детям одни и те же имена. Этнических различий между ними нет. Все это – разные группы Руси со своими региональными культурными (этнографическими) особенностями.

А вот проживающие вместе с беларусами католики Русью не являются. Для Белой Руси это иноплеменники-поляки, хотя биологически и те, и другие из одной популяции и даже из одного села и одного рода. А в недавнем прошлом и те, и другие входили в одну этническую систему (вернее, их предки). ...Беларусы (...) этнически никак не связаны со своими биологическими предками, тутэйшым народом.

...А беларуская мова – это придуманный в кабинетах академиками диалект простой мовы, максимально адаптированный к русскому языку. По существу, беларуская мова – это не мова беларусов. У беларусов всегда был русский язык.

...Ваша вторая главная ошибка – утверждение о том, что Московия не является Русью и якобы присвоила это название. ...Автор этой выдумки – Михаил Сергеевич Грушевский. Придумал он ее в начале XX века на австрийские деньги».

Вот такие суждения. Давайте разберемся с ними.

О ТЕРМИНАХ

Начну с того, что выдумку «беларусы-литвины – это Русь» – придумали придворные идеологи царизма и ЦК КПСС, которые уж точно отрабатывали заказ властей. Заявление о том, что Грушевский «отрабатывал австрийские деньги», – не аргумент, а жупел. Аргументов в доказательство тезиса, что «Московия – это Русь», автор письма не привел ни одного.

Между тем, общеизвестна древняя фраза: «Киев – Матерь городов Русских». Почему же автор письма не считает Киев «русским», а украинцев – «русскими»? И куда у него делась принадлежность Руси к греческой вере Киева – вовсе не Москвы?

И как можно «русифицировать» Киевскую Русь?! Это то же самое, что сластить сахар! Ясно уже на этом примере, что под «русификацией народов» Караваев понимает московизацию. Например, в старину русины Киевщины говорили на чистом славянском языке, а в результате целенаправленных действий властей Московии (затем Российской империи) в их язык вошли целые пласты татарской и финской лексики, ибо татарская и финская лексика составляет базу «русского» языка. Например, наиболее употребляемые слова, связанные со сферой торговли и одежды (товар, товарищ, деньги, хозяин, хозяйство, кафтан, халат, кабак и т.п.). А еще язык московитов (в современном понимании – русских) очень многое взял из грамматики финских языков.

Если копнуть глубже содержание такой «русификации», то в ней нет ничего «русского», а только финское и тюркское. Это и лексика, и фонетика (например, оканье), и грамматика, и бытовая культура (ныне выдаваемая за «славянскую»). Например, финские лапти, гусли и матрешка (символ идола «Золотая Баба»), балалайка... Это финские и татарские национальные блюда, выдаваемые за «русские» (то есть, за «славянские»), красно-синие цвета народной одежды и многое прочее. А главное – ордынский менталитет с его обожествлением власти монар-

ха и покорностью населения деспотии, чего никогда не было в исконной варяжской Руси – обществе военной демократии, с его вечевым строем.

То есть, под «русификацией» Сергей Каракаев на самом деле понимает московизацию.

Он также защищает принципиально ошибочную концепцию, согласно которой этнос – это не биология, а только культура. Ошибка тут в том, что «абстрактной культуры» не существует – сам этнос и создает собственную культуру. Например, так называемая «русская культура» в действительности является культурой московизированных народов Орды.

Поэтому «русификация» населения Киевской Руси (т.е. нынешней Восточной Беларуси, Восточной и Центральной Украины) заключалась в искоренении там ВСЕГО РУССКОГО и ЗАМЕНЕ НА ОРДЫНСКОЕ. На то, что считали «истинно русским» царские идеологи. Вацлав Ластовский писал в своей «Краткой истории Беларуси» (1910 г.): царизм объяснял Западу, что он всего лишь вернул исконные Русские земли, но при этом царские чиновники посылали туда циркуляры с требованиями скорейшей «русификации» этих территорий.

Сей парадокс идеологи Российской империи пытались (пытаются и сегодня!) объяснить тем, что, мол, «украинцев и беларусов испортило польское влияние». Однако те же идеологи и самих поляков называли «древними русскими ляхами». Они даже создали теорию о том, что в древности и земли ляхов, и даже Пруссия были «частью Русского Государства» – под которым опять-таки понимают Московию. Выходит, что «польское влияние» – это «русское влияние», а полонизация – это русификация.

Из сферы абсурда нас выводит понимание того, что понимали под «Русью» в своих концепциях теоретики западнорусизма. Это никакая не «культура Руси», как фантазирует Каракаев, а только и единственно ПОЛИТИЧЕСКАЯ принадлежность территории Российской империи*. Вот и вся суть «Руси». Входит Польша в состав царской России – идеологи придумывают ей «древнерусское происхождение», не входит – никто не занимается такой чепухой.

Прекрасная тому иллюстрация – недавний сюжет в «Новостях» на канале РТР о юбилее Астрахани. Дикторы многократно называли этот город «древним русским православным городом». Хотя даже школьник обязан знать, что это столица Астраханского ханства Орды.

В «Советской исторической энциклопедии» (том 1, Москва, 1961 г., с. 910) ясно сказано:

> «Первые известия об Астрахани относятся к XIII веку, когда среди **татарских** поселений упоминается деревня Аштархан, находившаяся на правом берегу Волги (выделение мое – *Авт.*)... В 1459–60 гг. становится резиденцией ханов вновь образованного Астраханского ханства, просуществовавшего до присоединения его к Русскому государству» (1556 г.)»

Как мы видим на примере Астрахани, «Русью» и «русским» называют Орду и ордынское вследствие политической подчиненности Москве. Нет такого подчинения – автоматически нет и «Руси».

---

* Кстати говоря, фамилия Каракаев абсолютно не беларуская, и даже не славянская, а скорее всего тюркская. – *Прим. ред.*

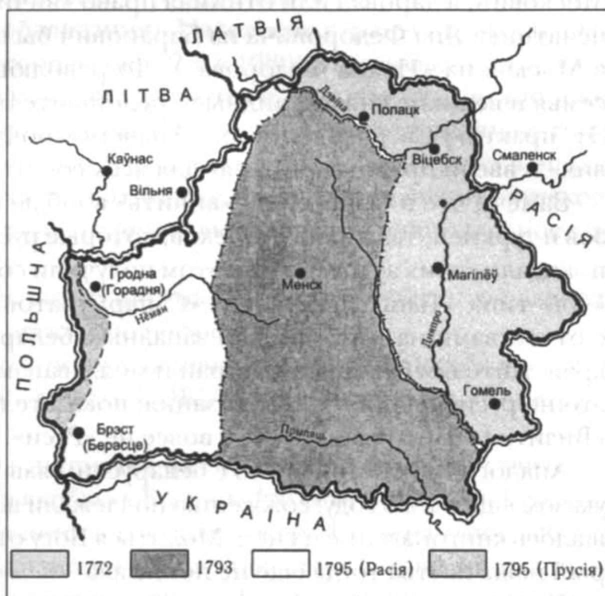
«РУССКОЕ» ИЛИ «СОВЕТСКОЕ»?

Вторая огромная ошибка автора письма — полное игнорирование им 70-летнего советского периода, как будто его не было вовсе. Однако в Советском Союзе не было «русских якутов», они имели свою автономию в составе РСФСР — Якутскую АССР.

Кроме якутов, свои национально-государственные образования в РСФСР в виде автономий имели башкиры и татары, марийцы и мордвины, удмурты и чуваши, калмыки и коми, буряты и тувинцы... Существовали также автономные области и округа, созданные именно по этническому признаку. Следует напомнить в данной связи, что такое автономия: это право населения определенной территории в составе государства самостоятельно осуществлять власть в пределах, указанных конституцией данного государства.

УССР и БССР обладали равными правами вместе с РСФСР и никто не говорил, что одна из республик — якобы часть этноса другой республики.

Напомню также, что в СССР не было никакой «культуры Руси». Была советская культура, и руководство КПСС планомерно добивалось «слияния» всех этносов (народов и народностей) Союза вовсе не в «этнос Руси», как выдумывает Каракаев, а в новую историческую общность под названием СОВЕТСКИЙ НАРОД.

Карта захватов беларуских земель Россией в XVIII веке

Советская культура — совершенно иное явление, чем «культура этноса Руси». Это культура городской жизни и глобализации, интернациональная по своей сути. Яркий пример — имена. Автор письма заблуждается, когда говорит, что «беларусы стали называть своих детей русскими именами». Ничего подобного! Это СОВЕТСКИЕ имена, вовсе не русские.

Еще в 1970-е годы журнал «Русский язык» поместил исследование московских лингвистов, где констатировалось, что в городах РСФСР перестали называть детей русскими именами. Русские имена (в смысле — языческие и православные) такие как Иван, Петр, Никодим, Мария, Ульяна и подобные им, сохранились в русских деревнях. А в городах РСФСР уже тогда преобладали такие как Анатолий, Валентин, Виктор, Марат, Сергей, Валерия, Марина, Светлана, Юлия и прочие, из них большинство — нерусские (то есть, отсутствовавшие в XVII–XVIII веках в списках Русской православной церкви). Напомню, напри-

мер, повесть Аркадия Гайдара «Тимур и его команда»: то есть «Тамерлан и его команда». Очень по-русски! То же самое, что «Батый и его команда»...

В БССР беларусы не называли детей русскими именами; в селах были свои (Алесь, Алеся, Якуб, Ян, Янина и т.п.), в городах свои (Марины и Валентины) – советские, но не русские и даже не православные. То есть, в проблеме имен отчетливо видно влияние советской глобализации, но не влияние «русской культуры». Весьма существенно то, что это влияние в первую очередь себя проявило именно в РСФСР, а не в союзных с ней национальных республиках. Так что тезис о «русских именах» – выдумка.

Ошибается Каракаев и в вопросе «русских отчеств». Это не «русское», а советское изобретение. До революции в царских документах не было отчеств на «-ич»: например, в дореволюционных документах Ленина указано «Владимир Ильин Ульянов», Сталина – «Иосиф Виссарионов Джугашвили».

Суть тут в том, что с XVI века московские бояре заимствовали от литвинов (предков беларусов) фамильное окончание на «-вич» для оформления ОЧЕНЬ РОДОВИТОГО отчества. «Вичились» только самые знатные князья и бояре Московии, а даровал или отнимал право «вичиться» царь (например, фамилия печатника Яна Федоровича из Баранович была изменена во время его работы в Москве на «Ивана Федорова»). До революции «вичились» только царская семья и великие князья, видные представители аристократии царской России. Эту практику Свердлов и Троцкий нашли «уродливым пережитком великодержавия» и ввели право «вичиться» для всех советских граждан.

Замечу, что в СССР стали «вичить» вообще всех: кавказцев и казахов, киргизов и туркмен, таджиков и узбеков, которые русского языка не знали, никогда не покидали своих аулов, но при этом получили советские паспорта с отчеством на «-ич» типа «Тынгизович» или «Сапармуратович». А в 1939–40 годы паспорта с отчествами на «-ич» выдали западным беларусам и украинцам, евреям этого края, жителям балтийских стран и молдаванам. Понятно без лишних слов, что это не русификация, а советизация: показатель не «русскости», а советскости. «Визитная карточка» СССР, а вовсе не «Руси».

Аналогично обстоит дело с беларуским языком. Царизм его запретил своим указом еще в 1839 году: сожжению подлежали все Библии на нашем языке, запрещалось книгоиздание на нем. Молиться Богу отныне следовало по-русски, который наша паства тогда еще не понимала.

И все же народ не отказался от своего языка! Отказ происходил только в период сталинизма и только в городах. Это было связано с борьбой московских властей в 30-е годы против пресловутых «национал-демократов». Где тут «естественный путь отношения народа к своему языку», хотя такую видимость создает в своих рассуждениях Каракаев. Уверен, что если ему приставят пистолет к виску, то он запросто перейдет на китайский или арабский язык, но при чем здесь «внутренняя тенденция жизни этноса»? Это открытое насилие.

Когда в 1953 году умер Сталин, три четверти населения БССР составляли селяне, которые продолжали говорить на беларуской «мове». Тут оказался бессилен даже сталинизм. Однако ситуация кардинально изменилась в следующие 30 лет. Хрущев «отпустил» крестьян из колхозов, и они стали массово оставлять село. Наступил величайший КРИЗИС СЕЛА: за 20 лет в города БССР мигриро-

вала половина Беларуси, пропорция изменилась в противоположную сторону – при Машерове в городах жило уже две трети населения республики. Они там старались походить на горожан, поэтому без указки сверху и какой-то «русификации» переходили на язык горожан. КАКОЙ? Вот ведь вопрос!

Это вовсе не «русский язык», а СОВЕТСКИЙ ЯЗЫК – язык именно советской глобализации, а не мифической «культуры Руси». Для сравнения: точно так же «советскоязычными» стали жители Ташкента и Самарканда, Баку и Алма-Аты, Ашхабада и Бишкека, хотя там до Хрущева тоже преобладали местные языки. Так что суть проблемы заключается в советизации населения, а не «русификации».

Напомню, что в 1920–30-е годы произошла культурная революция, в ходе которой традиционная российская культура (и традиционные национальные культуры в республиках вне РСФСР) заменялась на советскую. Это и внедрение огромного массива новой лексики (типа рабкрин, сельпо, управдом...), и нового образа жизни (где Бога заменил усатый «Хозяин», портреты которого висели в красных углах хат, ранее заполненных иконами).

А в 1960–70-е годы в СССР произошла «вторая культурная революция» – урбанистическая (фактически – глобализация). Население страны превратилось из аграрного (70% в 1955 году) в городское (70% в 1980). Поскольку хранителями традиционной национальной культуры являются крестьяне, эта метаморфоза означала полную смену культуры страны. Если же применить концепцию тождества культуры и этноса (изложенную Каракаевым), то выходит, что в эпоху Хрущева родился новый («советский») этнос горожан, отрицавший «русское содержание» в той же степени, как он отрицал любое другое национальное содержание.

Почему этого не хочет видеть автор письма? Видимо потому, что увлечен своей идеей «этноса Руси», а все остальное не воспринимает.

И, наконец, после распада Союза беларусы ментально ощущали себя вовсе не частью России – а частью СССР, то есть СОВЕТСКИМИ людьми, но не русскими.

Современные западнорусисты пытаются выдать желаемое за действительное: тягу беларусов к СССР за тягу якобы «к России» (то есть к Москве). В реальности «особость» беларусов объясняется только их особой толерантностью, то есть аполитичностью, индивидуализмом и внутренней стеной от внешних проблем: «я не трогаю вас – вы не лезьте в мою жизнь». Толерантность беларусов исключительно местный феномен, которого нет у соседей и который создан спецификой нашей многовековой истории. Западнорусисты явно не поняли сути беларуской толерантности и поспешили с выводами о том, что на просторах бывшего СССР «одни беларусы не предали Россию», хотя беларусы «не предали СССР», вовсе не Россию. Да и то они из-за своей толерантности лишь более длительно проходят этапы смены ментальных установок по сравнению с тем же Кавказом или Украиной.

То есть, если беларусы мучительно долго расстаются с советским прошлым, это вовсе не показатель, что они «ментально россияне» («этнически», как понимает автор письма). На самом деле беларусы всегда в этом вопросе были такими «медлительными» и точно так же мучительно долго отходили от ментальной

связи с Речью Посполитой. Беларский народ «при коммунистах» был частью не «Великой России», а Советского Союза, где формально заявленное равноправие народов хорошо вписывалось в толерантный менталитет беларусов. Это важный момент: русские «державники» понимают СССР как «Русскую Империю», а беларусы видят в СССР совсем иное.

Подведу итог: Сергей Каракаев в своих суждениях говорит вовсе не о «русском содержании» в беларусах, а о «советском». Но «русское» и «советское» – разные реалии.

И вот еще вопрос: куда подевал автор письма «СОВЕТСКИЙ ЭТНОС», который обязан был существовать, согласно его представлению об этносах как культурах? Почему нет ни его, ни даже намека на советский период нашей истории? Полагаю, потому что советский народ никак не вписывается в узкие рамки концепции западнорусизма, разработанной задолго до создания СССР.

О РЕЛИГИИ БЕЛАРУСОВ

Для Каракаева наши католики – поляки, а православные – русские. Это чисто колониальный подход, в римском духе «разделяй и властвуй». Однако вот ведь проблема: более половины беларусов – вовсе не католики и не православные, но атеисты. Они не ходят в церковь, не молятся Богу, не крестят детей, ни разу в жизни не исповедовались. Так к кому их относить – к полякам или к русским? Может быть, к немцам-протестантам?

Таким образом, суждения сторонников западнорусизма о якобы «этнической сути религиозной принадлежности» – чистой воды спекуляция. Они имели определенный смысл только в царское время, когда насаждение православной религии московского образца служило важным инструментом колониальной политики царизма. Однако в советское время в Восточной Беларуси православие было ликвидировано еще в довоенный период, а в Западной Беларуси католичество продолжало существовать, поэтому формально с 1939 года католиков в БССР было намного больше, чем православных. Так неужели беларусы от этого превратились в поляков?!

В основе религии россиян со времен Орды лежит обожествление верховной власти, ибо в своих основах РПЦ – типичное несторианство. А вот наша страна в XV веке была ПРОТЕСТАНТСКОЙ, в отличие от Украины, Польши и Жемайтии (Летувы). Почему наши предки массово восприняли идеи Реформации? Да потому что они наиболее полно отвечали извечному духу нашей толерантности, к тому же литвины не считали церкви Кракова и Киева (и тем более Москвы) этнически своими – им нужна была «своя» вера. Ею стало протестантство в форме кальвинизма. Правда, затем иезуиты его у нас победили, обращая литвинов-протестантов (вовсе не православных, как врали в царской России!) в католиков. Ну да ничего: в настоящее время темпы распространения протестантизма в независимой Беларуси превосходят темпы распространения католицизма, а он, в свою очередь, уверенно обгоняет православие.

Наша религиозная традиция заключается в ином, чем у россиян-московитов отношении к вере. Отсюда вполне нормальные отношения между католиками и православными (с 1596 года – униатами), это соответственно 15% и 69% веру-

ющих населения ВКЛ до российской оккупации 1795 года, спокойное отношение к иудеям (8%), староверам – беглецам из России (1%), православным РПЦ (6%), протестантам (0,5%), мусульманам (0,5%).

Каракаев пишет, что наши католики и униаты – это не беларусы, а беларусами, дескать, были только 6% православных РПЦ. Но, во-первых, эти 6% – как раз не беларусы, а беглые российские крестьяне, удравшие из крепостной России в Великое Княжство Литовское, где не было крепостного права.

Во-вторых, в то время православная вера «по-московски» автоматически означала верность главному российскому феодалу – царю. По этой причине у нас формально не было ни одного адепта РПЦ, ибо все наши жители были подданными Великого Князя Литовского, Русского и Жемайтского (с 1569 года – еще и короля Польского). Напомню, что во время каждой очередной войны против ВКЛ и Речи Посполитой московские оккупанты пытались насильно перекрестить наших предков в свою веру, рассматривая этот акт именно как присягу московскому правителю. Но как только их выбрасывали назад, литвины-беларусы возвращались к своей вере. Более того, после агрессии Ивана IV в конце XVI века РПЦ московского толка ряд лет вообще была запрещена в ВКЛ.

В-третьих, во времена советской власти в СССР торжествовал атеизм. Согласно концепции западнорусистов выходит, что уже только поэтому «беларусы исчезли»! Впрочем, как и русские, как и украинцы. Ибо атеист «этнически» не принадлежит к «святой Руси».

СУТЬ ЗАПАДНОРУСИЗМА

Суть западнорусизма – это отрицание права беларусов на свою государственность. Западнорусисты используют ряд псевдонаучных спекуляций, направленных на «доказательство» факта «несуществования беларуского этноса». А это позволяет им обосновывать «права Москвы» на Восточную Беларусь, тогда как западную часть Беларуси они легко «дарят» Польше или Летуве – им без разницы.

Видным деятелем западнорусизма был Михаил Коялович (1828–1891), окончивший в 1855 году православную Духовную академию в Санкт-Петербурге. Это он, отрабатывая подачки своих хозяев из Третьего (жандармского) отделения императорской канцелярии, в 1863 году выпустил книгу «О расселении племен Западного края России», в которой безудержно фантазировал об «исстари русском характере края». За ней последовал ряд других. Во всех своих сочинениях Коялович утверждал, что беларусы – это часть русского народа, которая приобрела некоторую специфику исключительно в результате контактов с литовцами (жамойтами) и поляками, а также окатоличивания в период XIV–XVIII веков. Он требовал принять решительные меры к тому, чтобы беларусы и украинцы забыли свои языки, начали говорить и думать только по-русски.

Но Каракаев проходит мимо того факта, что переход беларусов на русский язык – вовсе не «нечто естественное», а реализация целенаправленного плана, впервые заявленного Кояловичем в 1860-е годы и тогда же принятого к исполнению губернатором-вешателем Николаем Муравьевым.

Михаил Бобровский

Михаил Коялович

Ефим Карский

Лукьян Солоневич

Вот они — наши идеологические «янычары» — теоретики и практики западнорусизма

План этот был основан не на научных фактах, доказывающих «единство беларусов и украинцев с русскими», а на политическом заказе царизма: идейно подавить национально-освободительное движение и закрепить захваченные земли в составе России путем ассимиляции населения в «российский этнос».

Подводя итоги колониальных усилий за 10 лет (с 1831 по 1841 годы) виленский генерал-губернатор Миркович докладывал Николаю I:

«Твердость и решимость принимаемых мер... заложили твердую основу слиянию этого края с Россией. Десять лет постоянной системы работы двинули уже русскую народность в этих губерниях на полстолетия. Перевод дворянства в однодворцев, уничтожение многих католических соборов, закон, чтобы при свадьбах православных с иноверцами все дети оформлялись как православные, введение русского языка в судопроизводство и образовательные учреждения... ликвидация... Литовского Статута останутся навсегда значимыми памятниками теперешнего царствования».

Это — значимые памятники этноцида.

Сам западнорусизм есть АМОРАЛЬНАЯ идеология сотрудничества с оккупантами, мазохистское по своей сути желание быть ассимилированными. Аморальность очевидна, ибо методологические схемы западнорусизма равно оправдывают и обосновывают Турецкое иго над народами Балкан (Болгарии, Греции, Румынии, бывшей Югославии), а также Немецкое иго над славянами и балтами Полабья, Поморья и Порусья (Пруссии).

В обоих регионах оккупанты тоже прилагали титанические усилия для ассимиляции населения, которое, как и у нас, этнически не имело ничего общего с захватчиками. И в обоих регионах появилась масса коллаборационистов, которые пытались обосновать «правильность» ассимиляции своего народа оккупантами — используя те же приемы, что и западнорусизм.

Пожалуй, наиболее одиозное выражение такого коллаборационизма — янычары. Их набирали из детей в порабощенных странах, воспитывали в духе турецкого великодержавия и воинствующего ислама, а затем использовали для искоренения сепаратизма в краях их родителей. Западнорусисты аналогичны янычарам: выполняют ту же функцию.

С 1860-х по 1980-е годы западнорусизм опирался на басню о якобы «общем предке беларусов, украинцев и русских» – фантастическом «древнерусском народе». Эту басню уже давно полностью разоблачили ученые – как противоречащую научно установленным фактам истории и археологии, антропологии и генетики, сравнительной лингвистики, культурологии, социологии.

Напомню, что Екатерина II (кстати говоря, чистокровная немка-лютеранка, вдруг превратившаяся в русскую православную царицу) поручила созданной ей Комиссии по «упорядочиванию истории России» разработать концепцию о том, что население Московии было не финским и татарским, а якобы исконно славянским.

Вторым этапом разработки этого мифа стали поиски «доказательств» того, что поляки, литвины (беларусы) и русины (украинцы) якобы лишь «отпочкование от московского народа». А в советское время, особенно при Сталине, это стало уже догмой (правда, поляков из списка убрали, так как они не входили в состав СССР). ЦК КПСС поддерживал и поощрял западнорусизм, поскольку он помогал подавлять желание беларусов и украинцев обладать своей собственной государственностью.

Казалось бы, мы живем в период полного краха теории и практики западнорусизма: он не только разоблачен наукой как вымысел царских идеологов для «туземцев», но и утратил смысл после обретения Беларусью и Украиной реального суверенитета.

Ан нет! Судя по письму Каракаева, западнорусизм все еще жив. Только теперь он опирается не на научные факты (ибо разоблачен наукой), а на «достижения» политики западнорусизма. Дескать, беларусы, подобно якутам или башкирам в самом деле не имеют ничего антропологического, генетического и исторического общего с «Владимирцами» (ассимилированной муромой) или «Рязанцами» (ассимилированной эрзёй). Но, мол, это и не важно, так как у беларусов с ними один этнос благодаря общей религии, языку и культуре.

Аналогию можно найти в истории Османской империи: многие боснийские идеологи (этакие балканские «западнорусисты» на свой манер) утверждали, что боснийцы переняли от турок ислам, а имамы Боснии учатся в Турции. Поэтому незачем боснийцам отрываться от «истоков» и выдумывать свое государство, надо воссоединиться с Турцией – ведь боснийцы с давних пор и поныне «часть турецкого народа», а не «вражеского» сербского (у нас вместо сербов – поляки).

Однако – НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ, и вот этот главный нюанс коллаборационисты сознательно скрывают. А в результате целенаправленной политики оккупантов с целью ассимиляции местного населения во всех аспектах. В итоге получается парадокс: результаты этой ассимиляции коллаборационисты (янычары) представляют как АРГУМЕНТЫ для ее обоснования. Мол, наш народ стал в результате ассимиляции другим этносом – а потому, дескать, поставьте крест на этносе старом.

Или, как пишет Каракаев, «ваш вывод о существовании биологических беларусов совершенно абсурден и антинаучен. (...) Получается, что вы сообщаете людям ложные сведения».

Но все это уже было! Точно так же в ФРГ в XX веке (уже после разгрома нацизма!) говорили, что существование этноса лужичан — совершенно абсурдно и ненаучно, ибо на самом деле они давно стали немцами.

ЛУЖИЧАНЕ И БЕЛАРУСЫ

Вот пример, который, как мне кажется, расставляет все точки над «і». Юрий Брезан — самый известный писатель лужицких сербов, он лауреат двух Государственных премий ГДР. В книге Брезана «Избранное» (Москва, 1987 г.) во вступлении сказано:

«Когда волна немецкой колонизации, возглавляемой саксонским герцогом Генрихом Львом и маркграфом Альбрехтом Медведем, разметала поселения полабских и поморских славян, когда на смертном «пиру» между Лабой и Одрой полегли дружины бодричей и лютичей, на вытоптанной нашествием равнине чудом сохранился островок славянства. Уцелели те, кто сумел пригнуться, «поднырнуть» под волну.

/Читая это, невольно вспоминаешь и о толерантности беларусов, и о западнорусизме. – *Авт.*/

«Лужичане», «сербье», «сербский люд» — так и по сей день зовут себя потомки тех, кто восемь столетий назад намертво вцепился в супеси прилабских пустошей в неистребимой надежде переждать, перебедовать лихую годину, выжить».

/Опять не могу без комментария — восемь столетий! А у нас только 122 года царской оккупации. — *Авт.*/

«В этом забытом Богом уголке Германии, «Лужицкой марке», подобно вымороченному поместью переходившей от одного хозяина к другому, пока Венский конгресс 1815 года не поделил ее между Саксонией и Пруссией, ветер и реки, поле и лес продолжали говорить по-лужицки. Мягкое звучание славянской речи продолжало убеждать маленький народ, зажатый между Горным краем на юге и Шпреевальдом на севере, что земля, на которой он живет, — его древняя родина. Здесь еще звучали старинные, исконно славянские названия местных городов и деревень, здесь люди еще помнили, что Люббен — это «по-настоящему» Любин, Губен — Губин, Деберн — Дербно, Ритчен — Речицы, Бауцен — Будишин, Дрезден — Дрезно, а Лейпциг — Липск».

/Полная аналогия с Беларусью, где тоже исконные топонимы изменены на польский, московский или жемайтский манер: Берестье — на Брест, Менеск — на Минск, Вильня — на Вильнюс, Ковно — на Каунас, Вицьбеск — на Витебск, Гомей — на Гомель и т.д. — *Авт.*/

«В 30-е годы лужицкие писатели — и прежде всего М. Новак-Нойман (р. 1900), Я. Веля (1893–1969), Я. Скала (1889–1945) — вступили в прямую борьбу с нацистской политикой «окончательного решения» лужицкого вопроса. Немецкий фашизм предпринял последнюю — и самую опасную — попытку стереть с лица земли культуру, язык, самосознание лужицкого народа. Гитлеровцы разработали проект выселения лужичан в «генерал-губернаторство», на территорию оккупированной Польши».

/Как видим, лужицкий вопрос есть аналог «беларуского вопроса» в концепциях западнорусизма. Только наши «теоретики-практики» выступают не за переселение, а «слияние» с Россией. — *Авт.*/

Справка: Лужичане, или лужицкие сербы (самоназвание – serbski lud, немецкое название – Sorben, Wenden) – славянский народ, живущий в восточной части Германии (округа Дрезден и Котбусс). Численность в 1961 году составляла около 100 тысяч человек.

Лужичане используют два языка: верхнелужицкий (близок чешскому) и нижнелужицкий (близок польскому). Все они также говорят и пишут по-немецки. Преобладающая религия – лютеранство, есть также католики. Основное занятие населения – сельское хозяйство.

Лужицкая письменность возникла в первой половине XVI века. В 1912 году лужичане создали свою культурно-просветительскую организацию «Домовина». В период нацизма лужичан объявили немцами, говорящими по-лужицки, а «Домовину» в 1937 году закрыли. В ГДР в 1949 году был принят закон об охране лужицкой культуры, действовавший до объединения страны с ФРГ (1989 г.)

Когда в ГДР Юрия Брезана наградили Государственной премией, в ФРГ возмутились многие великодержавники. Они гневно заявляли в средствах массовой информации ФРГ, что все лужичане-сербы давно растворились в немецкой среде, стали немцами, АССИМИЛИРОВАЛИСЬ. А потому, дескать, Брезан и наградившие его «товарищи» из ГДР «сообщают людям ложные сведения», ибо этот этнос вовсе не сербы, а натуральные немцы.

Крайне интересен тот факт, что у Брезана и его коллег-писателей самые распространенные лужицкие имена аналогичны беларуским: Якуб, Янка, Янина, Алеся и прочие. А язык лужицких сербов близок и родственен именно и только – кому?... Беларуской «мове»! Выходит, что лужичане и беларусы – ОДИН ЭТНОС. Вот ведь загадка! Не сохранила история точных сведений о миграции лу-

№ 118 Суббота 22 Марта 1903 г. ГОДЪ XVII Суббота 22 Марта 1903 г. №

СѢВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ

ВЫХОДИТЪ въ Минскѣ ЕЖЕДНЕВНО

МАЛОРОССЫ. Минскій Городской Театръ. ХМАРА, Квитки Украины

...нскій Коммерческій Банкъ

2 руб. 50 коп.

Велосипеды

Магазинъ А. Г. Гуревичъ

У барона Ригера

Ежедневная общественно-политическая и литературная газета «Северо-Западный край» выходила в Минске в 1902–1905 гг. Именно она в 1905 году напечатала стихотворение Янки Купалы «Мужык» — его первое печатное произведение на беларуском языке

жичан в наши земли. Есть только гипотезы. Например, польский историк Т. Лер-Сплавиньский в 1962 году доказывал факт миграции носителей лужицкой культуры из области между Лабой (Эльбой) и Одрой (Одером) в западную часть Беларуси.

Беларусы и лужичане – не только этнические близнецы, но и судьба у них похожая: одних пытался ассимилировать германский сосед, вторых – российский. К счастью, беларусы смогли сохранить свой уникальный этнический облик, потеряли свою государственность только на 122 года пребывания (а лужичане более восьми столетий не могут ее вернуть).

Мне кажется, что борьба лужичан за свою национальную идентичность – в контексте проживания в богатой и преуспевающей Германии (не продали ведь свое национальное за «германские житейские блага»!) – это великий пример патриотизма для нас.

РЕАЛИИ ДНЯ

Идеология западнорусизма – калька идеологии полонизма. Полонисты абсолютно теми же методами и спекулятивными приемами отрицают право беларусов на свою государственность. Различие только в том, что Беларусь, по их мнению, должна подчиняться не Москве, а Варшаве. В этом плане было бы полезно провести сравнительный анализ концепций западнорусизма и полонизма – чтобы показать их полное сходство на концептуальном уровне.

В 1914 году Антон Луцкевич в газете «Наша Ніва» констатировал крайне слабое национальное самосознание беларусов – вследствие чудовищной ментальной агрессии с Востока и Запада. С Востока нас душила РПЦ Москвы, навязывавшая представление о том, что «православные беларусы – это русские», а с Запада душил Польский Костел, навязывавший идею, что «католики-беларусы – это поляки». В результате никаких беларусов «не оставалось»: только московиты или ляхи. Поэтому Луцкевич написал, что «пока костел и церковь в Беларуси не сделаются беларускими, народ наш всегда будет делиться на две части». (Кстати, эту важную цитату приводит сегодня наш учебник истории для 8 класса – что весьма существенно для воспитания нового поколения беларусов.)

Согласно оценкам историков, беларусы в 1914 году делились ментально так: примерно по 45% – западнорусисты и полонисты, лишь около 10% являлись сторонниками независимой Беларуси, в основном представители разночинной национальной интеллигенции, которая одна и проявляла активность в этом вопросе.

Сегодня ситуация совершенно иная. 3 декабря 2009 года агентство БелаПАН сообщило о результатах исследования национальной идентичности беларусов. Его провели Беларуский институт стратегических исследований (БИСС) и аксиометрическая лаборатория «Новак».

Как сообщил на пресс-конференции руководитель БИСС Виталий Силицкий, большинство беларусов считают себя «отдельным народом». Такое мнение высказали 51,8% опрошенных лиц. А 41,9% респондентов считают, что беларусы – «триединая славянская нация». Всего лишь 1,5% опрошенных заявили, что беларусы – это русские, и 1,1% – что беларусы – это поляки.

Таким образом, по сравнению с 1914-м годом мы видим крах идей западнорусизма (их разделяют только 1,5%) и полонизма (1,1%). Однако не следует забывать, что почти 42 % еще бредят какой-то «триединой славянской нацией» (как будто поляки – не славяне, а ведь так и думают, не считают поляков славянами). То есть, налицо ментальный рудимент западнорусизма, который всем нам вбивали в головы под новым соусом уже в СССР. Есть, правда, весьма существенное различие: тезис о «триединой славянской нации» уже не противоречит праву беларусов на свое Национальное Государство. Он лишь указывает на желание более тесных отношений с Украиной и Россией, чем с Польшей, – но не более того. Это уже не западнорусизм в его чистом виде.

По мнению Силицкого, такая статистика свидетельствует, что небольшими шагами, но все-таки происходит «политическая самоидентификация беларусов».

А иначе и быть не может: проживая почти 20 лет в суверенном национальном Государстве и выстраивая его своими руками, беларусы начинают его ЦЕНИТЬ. Тем более, что страна, нами самими созданная – великолепна, и во многом лучше как России, так и Польши. Идеи западнорусизма и полонизма уже потому «вымерли», что не соответствуют реалиям нынешнего дня.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Вадим Владимирович Деружинский (1965 г.р.) — редактор и соиздатель популярной газеты «Секретные исследования». По образованию — филолог, по профессии — журналист, по интересам — историк. Большим успехом в нашей стране пользуется его книга «Тайны беларуской истории», вышедшая в свет первым изданием в октябре 2009 года.

II. Война против народа

АКТ ОТЧАЯНИЯ, А НЕ «КУЛАЦКИЙ МЯТЕЖ»

(Восстания в Корме и Рогачеве весной 1919 г.)

Анатолий КАРАСЕВ, Юрий ГЛУШАКОВ

Восстания в Корме и Рогачеве в феврале – марте 1919 года в советской литературе получили однозначную трактовку как «антисоветские кулацко-эсеровские мятежи». Именно так, к примеру, характеризовал выступление в Корме А.Г. Хохлов, известный своими панегириками в адрес «красных жандармов» – войск ЧОН (1).

К сожалению, подобная оценка перекочевала и в статьи, опубликованные уже в независимой Беларуси (2). Углубленное исследование тех событий не проводилось. Между тем они находятся в одном ряду со многими другими крестьянскими выступлениями против большевиков в период Гражданской войны.

1

Следует заметить, что некоторые современные историки отвергают сам факт гражданской войны в Беларуси, и все события того времени связывают лишь с иностранной оккупацией. Однако факт в том, что Рогачевский уезд значительно пострадал не только от действий интервентов, но и в результате вооруженных столкновений, типичных для ситуации именно Гражданской войны.

Во время Февральской революции 1917 года в Кормянской волости большевиков не было, а наибольшим авторитетом среди крестьянства пользовалась партия социалистов-революционеров, организовавшая здесь разоружение царской полиции и разгон старой администрации. Влияние большевиков в волости стало ощущаться позже, когда с фронта стали прибывать распропагандированные там солдаты.

В начале 1919 года Кормянское волостное объединение РКП(б) превратилось в центр власти, претендовавший на монополию. Масштабы присвоенных им полномочий были весьма впечатляющи. Например, кормянские большевики додумались даже обложить население особым партийным налогом. Те жители, которые отказывались такой налог вносить, подвергались репрессиям: после того, как крестьяне О. Блусенков, С. Калиновский, А. Ковалев, Н. Короткевич, И. Спасенков и другие не уплатили этот новый налог, милиция получила приказ принять меры.

Кормянский старший милиционер М.А. Ильюшенко обратился (19.02.1919 г.) к начальнику Рогачевской уездной милиции Лисовскому с запросом, «имеет ли право партия налагать и производить взыскание налога». Ответ был отрицательным. Несмотря на это, партийный налог был собран. Как сказано в одном из со-

хранившихся документов, он был «взыскан самими коммунистами, так что услуги милиции не нужны» (4).

Один из «отказников» (Онуфрий Блусенков) вступил в сельхозартель, но это не спасло его от очередной реквизиции. 31 мая 1919 года он направил в Кормянское волостное объединение РКП(б) письмо:

«Покорнейше прошу членов партии отменить назначенную сельским советом корову для отвода ее в г. Рогачев, так как я состою в с/х артели «Новая жизнь» и назначенная корова считается артельным достоянием» (5).

2

Кормянский исполком в те дни тоже возглавляли большевики, но он был достаточно лоялен к крестьянству. Это противоречило намерениям местной ячейки РКП(б), обратившей внимание на «слабую и преступную деятельность волостного исполнительного комитета – хотел быть популярным среди крестьянства, потворствовал ему и не принимал мер к взысканию чрезвычайного налога и проведению других реформ из центра».

Противостояние стало нарастать. Во второй половине февраля состоялся волостной съезд Советов, на котором присутствовал представитель уездного комитета РКП(б) Шведов. Члены исполкома отвергли все его предложения по ужесточению политики в отношении крестьянства, после чего съезд был распущен, а вся власть в волости перешла к ревкому. Его возглавил К.М. Антоненко – единственный член прежнего исполкома, кто был «признан надежным». Кроме него членами ревкома стали М.А. Ильюшенко, А.В. Агеев и И. Абатуров. Председателем волостного исполкома к моменту его роспуска был К.Д. Науменко, в то время являвшийся членом компартии.

Отказ подчиниться директивам центральных органов власти расценили как «контрреволюционную акцию». Специфической особенностью этого события было то, что возглавляли «акцию» члены партии большевиков (точнее, своеобразные «крестьянские коммунисты»). Однако в официальную историю вошла другая версия. Большевики, естественно, не могли признать разногласия в своих рядах и усердно искали иные корни «мятежа». Такие корни были найдены – они «оказались» эсеровскими.

Дело в том, что секретарем исполкома был Г.И. Шпаков, перешедший в РКП(б) из партии эсеров. В 1917 году он был председателем Кормянской земской управы. Из сохранившихся воспоминаний А.В. Агеева следует, что члены исполкома А. Кодуцкий и Ф.П. Короткевич тоже являлись эсерами (по анкетным данным они беспартийные), и именно они оказывали сильное влияние на председателя волостного исполкома К.Д. Науменко (6). Как бы то ни было, но взгляды членов Кормянского исполкома на политику центральной власти в отношении крестьянства не совпадали с установкой партии большевиков на безжалостное выкачивание ресурсов из деревни.

Подлинной причиной восстания стали не противоречия между эсерами и большевиками, а недовольство крестьян тяжелыми поборами государства. Определенную роль в развитии событий сыграло и то обстоятельство, что активисты исполкома и партячейки принадлежали к разным местным кланам, тра-

Карта Кормянского района

диционно существовавшим в местечке и возникшим на основе семейно-родственных связей.

3

После того, как волостной комитет был распущен, его бывший председатель (К.Д. Науменко) разослал по всем населенным пунктам предписание «прислать людей для сдачи дел коммунистам». Как утверждалось в докладе Рогачевского укома партии Могилевскому губкому, на обратной стороне приглашений делалась приписка о том, что нужно «прислать людей побольше» (7).

Таким образом, был инициирован некий «сход» (по другим данным, это было делом рук большевиков, которые намеревались утвердить на нем состав нового ревкома).

Около 10 часов утра 25 февраля 1919 года у здания Кормянского волостного правления собралось до тысячи человек, прибывших сюда из всех деревень волости. По отношению к большевистской власти крестьяне были настроены враждебно: чрезвычайный и партийный налоги, продразверстка, бесконечные поборы и реквизиции – все это давно уже стало невыносимым. Роспуск большевиками официального органа советской власти – волостного исполкома, стал «последней каплей, переполнившей чашу терпения».

Собравшиеся крестьяне были уверены, что вслед за роспуском исполкома последует новое, еще более беспощадное ограбление деревни. Эта мысль звучала во всех выступлениях. К толпе вышел член ревкома И. Абатуров, который сделал попытку успокоить собравшихся и отправить их по домам. В ответ раздались крики: «Ваша власть кончилась!» Толпа стала напирать и вскоре захватила здание волостного правления.

Члены ревкома попытались скрыться. Абатуров спрятался в одном из соседних домов, но один их крестьян (И. Березовский) бросил туда ручную гранату. Тяжело раненого ревкомовца вытащили на улицу, где на него набросилась толпа. Попытка начальника милиции Ильюшенко и трех милиционеров разогнать крестьян закончились тем, что их стали бить кольями. В завязавшейся схватке один из милиционеров выстрелом из винтовки убил старика-крестьянина. После этого разъяренная толпа убила Абатурова и двоих милиционеров (Ильюшенко и Давыденко), а двое других милиционеров (Ильюкевич и Гайков) были тяжело ранены.

По всему местечку начались поиски большевиков. Группа крестьян (К.А. Кузнецов, Л. Ксензов, Н. Ксензов, И. Свириденко и др.), вооруженные винтовками, захватили местный клуб. В это время большевик К.М. Антоненко, который сумел убежать из местечка, добрался в Довск, связался по телефону с Рогачевом и сообщил о случившемся.

На следующее утро из Рогачева в Кормянскую волость прибыли карательные части ЧОН. Один взвод провел операцию в деревне Литвиновичи, где располагалась одна из групп повстанцев. По воспоминаниям одного из бойцов взвода (Е.И. Зборовского), часть взвода во главе с командиром отделения Я.К. Братенковым вошла в деревню под видом плотников. Основные силы двигались поодаль. Разоружив охрану, стоявшую у штаба повстанцев, «плотники» ворвались в дом и, угрожая оружием, арестовали всех находившихся там — 26 человек (8).

4

Во время этих событий в Корме была расквартирована одна из рот 10-го пограничного полка, находившегося в Рогачевском уезде. Во время восстания красноармейцы заняли нейтральную позицию и в события не вмешивались. После того, как в местечко вошли верные большевикам части, пограничников отозвали в Рогачев.

Организованного сопротивления кормянские повстанцы оказать не смогли, в этом отношении само восстание мало чем отличалось от других крестьянских выступлений. Всего были арестованы 66 человек, которых каратели сочли активистами (Д. Березовский, В. Дорошенко, М. Дорошенко, С. Дорошенко, Л. Дроздов, И. Жук, И. Игнатенко, С. Кириенко, М. Ковалев, Л. Ксензов, В. Лазаренко, Т. Лещенко, И. Максимов, М. Мироненко, Г. Молчанов, К. Певнев, С. Поляков, Д. Потапенко, И. Самусенко, А. Свириденко, Ф. Свириденко, Ф. Тимошенко, И. Ходонович, Д. Хролов и другие). К ним позже добавились те, кому первоначально удалось скрыться.

Беларуские мужики 1918–1920 гг.

Большевистская пропаганда того времени, а потом и официальная советская историография однозначно характеризовали восстание как кулацкое.

Сразу после волнений кормянские большевики в своем докладе губернскому комитету РКП(б) отмечали враждебность по отношению к себе со стороны зажиточного крестьянства, но одновременно отметили и «пассивно-недоверчивое отношение бедноты».

Те сведения о материальном положении участников восстания, которые уда-

ется сегодня восстановить, позволяют утверждать, что люди эти принадлежали к беднякам и середнякам. Так, Герасим Молчанов платил чрезвычайного налога 1000 рублей, Василий Тимошенко – 600, Кондрат Игнатенко – 350, в то время, как в целом сумма чрезвычайного налога колебалась в пределах от 100 руб до 2000–3000 рублей (в отношении кормянской еврейской буржуазии сумма доходила до 7000–10.000 рублей) (9). От произвола властей страдали все слои населения, но беднейшие страдали от государственных налогов и поборов относительно более других.

«Беспредел» со стороны кормянских властей после подавления восстания продолжался. О порядках, установившихся в местечке, может свидетельствовать, например, приказ комиссара ЧК от 26 мая 1919 года. В нем он запрещал местному Совету и Кормянской партячейке самостоятельно отправлять вооруженные отряды для проведения обысков на пристани, в ходе которых открывалась беспорядочная стрельба, присваивалось конфискованное имущество, отмечалось «пристрастное» отношение к спекулянтам – евреям по национальности (10). Грабежами при этом занимались и солдаты состоявшего при ЧК отряда ЧОН. Так, по заявлению продавщицы ситро Л. Ящиной, они под видом обыска ограбили ее, а после того, как она явилась с жалобой в ЧК, угрожали ей «револьверами и поркой» (11).

Тем не менее, кормянской ячейке не удалось превратиться в полновластных хозяев волости. Зато самостоятельной ветвью власти стали чекисты, чьи позиции в ходе репрессий значительно укрепились. Так, если местная следственная комиссия приговорила к смерти 7 человек (И. Березовского, А. Лещенко, К. Науменко, Ф. Петроченко, В. Тимошенко, З. Худолеева, И. Шаферова), то Могилевская ГубЧК – 20 человек.

Красногвардейцы (они же бандиты) из Чаус (1918 г.)

Пантелеймон Лепешинский (1868–1944), председатель Кормянской волостной парторганизации (будущий организатор Института истории партии, председатель ЦК МОПРа, директор Музея революции в Москве. – *Прим. ред.*), ходатайствовал о замене для части приговоренных смертной казни трудовой повинностью под надзором комячейки. Но ГубЧК, демонстрируя свои полномочия и ни о чем не уведомив Лепешинского, расстреляла всех, о ком он ходатайствовал.

После этого П.Н. Лепешинский в своем письме в Могилевский губком от 11 апреля 1919 года написал пророческие слова о том, что если ЧК не будет прислушиваться к голосу партийных работников, «у нас будет огромная масса ненужных политических казней» (12).

5

Кормянский Совет спустя некоторое время был переизбран, но статус его резко понижен. Многие его прежние властные полномочия, в том числе и вожделенный сбор налогов, теперь оказались сосредоточены в руках большевистского партийного комитета. 4 апреля исполком Кормянского местечкового Совета депутатов ходатайствовал перед волостным комитетом РКП(б) о возвращении ему права «расклада» чрезвычайного налога, о снижении суммы и отсрочке его выплаты.

Впрочем, вскоре и для кормянских партийцев настали тяжелые времена. После «4-го съезда партии Кормянского района», в июне 1919 года Рогачевский уездный комитет вынужден был признать, что резолюции этого съезда несуразны и даже абсурдны. Выступления делегатов Антоненко и Бацанова уком квалифицировал как «анархическое неподчинение центру», за которое выступавших надо немедленно снять с должности и отправить на фронт. П.Н. Лепешинскому было предложено немедленно распустить кормянскую организацию.

Бандиты-убийцы из Гомельской ЧК:
трое братьев Кочуро

Сразу после волнений Рогачевский уездный исполком и Комитет Кормянского волостного объединения РКП(б) выпустили «Воззвание к гражданам Кормянской волости». Констатировав совершение «темной погромной толпой, подстрекаемой кулацкой сволочью» «позорного, злого дела», воззвание обращалось к совести и здравому смыслу всех жителей волости:

> «Кому же нужна была эта кровь коммунистов? Кто остался в выигрыше от чудовищного преступления? Неужели тот несчастный, у которого в «клети хоть шаром покати», которому нечем заткнуть голодные рты своих ребятишек, у которого жалкая коровенка или последняя кляча подыхают от бескормицы – неужели он заинтересован в том, чтобы кулакам удалось уничтожить в нашей Советской республике партию революционного пролетариата, то есть партию коммунистов?».

Далее авторы воззвания смещают акценты, уводя читателя от цели восстания – прекращения произвола местных большевиков, и пытаются ставить вопрос глобально:

«В тысячу раз правы граждане одной из деревень Кормянской волости, откровенно сказавшие по поводу Кормянских событий чистейшую правду: «Мы пошли и совершили преступление не против одних, как нам казалось, товарищей коммунистов, но мы также опозорили нашу Советскую Россию, – ту, которую наши сыновья и братья защищают как от внешних, так и от внутренних врагов революции».

Заканчивалось воззвание весьма эффектно:

«Граждане Кормянской волости, если вы хотите смыть с себя позор недавних событий, не затыкайте ушей и не закрывайте глаз на этот позор. Сделайте из этих событий все надлежащие выводы... Протяните к нам свои братские руки с искренней готовностью смыть с них предательские пятна крови и изъявите желание идти вместе с нами по пути к обетованной земле, которая уже вон там, на краю горизонта, виднеется и манит к себе исстрадавшееся человечество» (13).

Однако после того, как «предательские пятна крови» троих убитых большевиков-беспредельщиков были смыты кровью более чем 20 расстрелянных крестьян, многие «братские руки» снова взялись за оружие. Немало крестьян, участвовавших в восстании перешли к партизанским действиям.

6

События в Корме в скором времени получили свое продолжение в Рогачеве. Расквартированные здесь части (караульная рота, 2-й батальон 10-го пограничного полка, 2-й легкий артиллерийский дивизион) по донесению от 31 января 1919 года, были настроены антисемитски. В состав 10-го пограничного полка входило много участников так называемого «Демидовского отряда», действовавшего на Гомельщине в 1918 году и отличившегося грабежами и насилиями в отношении населения. По воспоминаниям председателя Ветковского ревкома левого эсера И.Г. Малеева, после прихода отряда Демидова («Лозгуна») в Ветку только наличие у ревкома боеспособной дружины удержало демидовцев от бесчинств, а при приближении к Ветке немцев они тотчас разбежались (14). Впоследствии демидовцы, неся пограничную службу, прославились грабежами пересекавших границу спекулянтов.

Следует учитывать, что вооруженные формирования повстанческого характера, имевшиеся в Красной Армии, были склонны к банальной уголовщине. С другой стороны, многие из бойцов пограничного полка являлись уроженцами окрестных деревень. Видя произвол большевистских властей, творившийся у них на глазах, они принимали близко к сердцу судьбу своих родных и близких. Скорее всего, это и стало причиной того, что пограничники, расквартированные в Корме, отказались подавлять восстание.

Выведенные в Рогачев, они принесли в казармы полка повстанческие настроения. Через заведующего столовой укома – уроженца Кормянской волости, была установлена связь с некоторыми скрывшимися от ареста повстанцами. Напряжение в полку возросло после получения известия о предстоящей отправке батальона на фронт и о готовящемся расстреле участников восстания. Морально пограничники были уже готовы к выступлению, которое (по версии ЧК) готовили командир батальона, бывший офицер царской армии Иванов, эсеры Молотков и Пахтарев, а также несколько находившихся в части «авторитетных бандитов». У комиссара полка В. Циммермана возникли на этот счет по-

дозрения, о которых он сообщил Рогачевскому укому партии, однако запрошенная помощь прислана не была.

В ночь с 11 на 12 марта в Рогачеве намечалось расстрелять 7 участников Кормянского восстания. Но около полуночи проходившего мимо казарм пограничников председателя Рогачевского укома РКП Шведова задержал и избил караул. После этого устраивать казнь большевики не решились. Вооружив часть партийцев и комсомольцев (на всех не хватило оружия), они заняли оборону в помещении взвода ЧОН (15). На следующий день, 12 марта, в годовщину Февральской революции, всякие праздничные мероприятия в городе, во избежание возможных беспорядков, были отменены.

Рогачевский повет в XIX веке

Комиссар полка намеревался лично выехать в Бобруйск для вызова надежных частей, которые должны были разоружить пограничников и арестовать наиболее опасных из них. Но вечером 13 марта В. Циммермана и члена железнодорожной ЧК Плинера задержали на вокзале и избили солдаты пограничного полка. Через некоторое время Плинера они отпустили, а Циммермана увели с собой. Тогда же в полку была арестована часть большевиков, остальные «коммунисты» спрятались кто где мог. На следующий день повстанцы отправились в город, где занимали советские учреждения и искали большевиков. В уездном военкомате они избили комиссара ЧК Наумова-Стража.

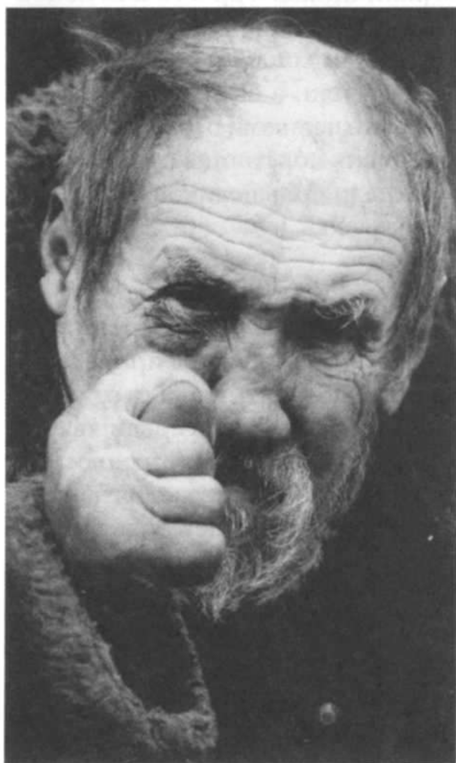
7

Сопротивление мятежу организовали члены уездного комитета партии. Укомовцы заняли оборону в здании взвода ЧОН, но их было мало для проведения активных боевых действий. Тогда они применили хитрость: отправили со «спецзаданием» девушек-комсомолок. «Красные девицы» прогулялись среди кварталов, прилегавших к казармам бывшего 159-го Гурийского полка, где находились пограничники, распуская слухи о том, что из Могилева в Рогачев якобы движется артиллерийская часть, которая расстреляет казармы из пушек. Были также напечатаны несколько десятков листовок-обращений к повстанцам.

Тем временем в Рогачев из Могилева прибыл отряд ГубЧК под командованием Калюжного. Повстанцы выдвинули часть своих сил навстречу чекистам и, вступив в бой с ними районе станции Тошица, приостановили их продвижение. Именно на этом участке оказалась группа активистов восстания. В их распоряжении был пулемет, создававший огневой перевес, но вскоре его захватили бойцы взвода ЧОН под командованием Братенкова. Поздно вечером того же дня после оживленной перестрелки повстанцы отступили к казармам.

Ночью в Рогачев прибыл отряд ГубЧК, казармы были окружены, и повстанцам предъявили ультиматум, угрожая в случае невыполнения его артиллерийским обстрелом. Эта угроза являлась блефом, поскольку пушек у большевистских частей не было. Но для имитации артиллерийского огня чекисты бросили несколько ручных гранат, после чего восставшие сдались. Большинство их заперли в помещении кинотеатра «Рекорд». После этого казармы обыскали, и в одном из хозяйственных помещений нашли труп военкома Циммермана с множественными ранами, причиненными холодным оружием (16).

Убийство комиссара Циммермана не было случайным. Этот молодой латыш сравнительно недавно приехал из Москвы. Комъячейку полка, состоявшую из батальонных и ротных комиссаров, а также из москвичей, в части определенно не любили. Большевики отделились от остальных военнослужащих, организовали свой клуб и проводили там собрания, вечера и т.д. Ячейка вела себя весьма независимо от уездной парторганизации. На митинге красноармейцев Рогачевского гарнизона, состоявшемся 28 января, речь Циммермана, как было позже отмечено в телеграмме уездного военкома Куликова, содержала «нетактичные выражения, вызвавшие брожение» среди собравшихся. Куликову вместе с командиром артдивизиона пришлось даже объезжать батареи для разрешения конфликта. Незадолго до восстания Циммерман арестовал за пьянство несколько красноармейцев. Не прибавило ему популярности и участие в арестах участников Кормянского восстания.

«Вось вам дулю, камісары!»

Местная милиция во главе со своим начальником Купревичем во время восстания заняла нейтральную позицию. В ходе вооруженного столкновения не обошлось без жертв, но их было немного: в отряде ГубЧКа пострадали 2 человека (1 убит, 1 ранен), у повстанцев – тоже 2 (ранены).

После подавления восстания пограничников был приведен в исполнение приговор участникам Кормянского выступления.

16 марта 1919 года в Рогачеве произошел еще один инцидент. В город прибыл 2-й Полесский полк, ранее участвовавший в боях на беларуском и украинском Полесье против немцев, гетманцев и петлюровцев.

Полесский ревком в те дни находился в руках левых эсеров (А.С. Карась, И. Русанов, К. Русанов, А.С. Лепешко, Г.М. Островский, А.Ф. Резанович, В.А. Созанович и др.), и вскоре председатель Пинской ЧК Роттер и уполномоченный РВС Западного фронта Гуревич раскрыли «левоэсеровский заговор». (17).

2-й Полесский полк вошел к тому времени в состав 17-й дивизии Красной Армии и испытывал серьезные перебои в снабжении. Во время передвижения по железной дороге бойцы полка потребовали обеспечить их всем необходимым. Возникла опасность солдатского мятежа. Полк перевели в Рогачев, пообещав удовлетворить все требования. Однако по прибытию в город красноармейцев под предлогом митинга заманили в здание учительской семинарии, после чего силами отряда ГубЧК и взвода ЧОН разоружили, а зачинщиков «мятежа» арестовали. Полк переформировали и снова отправили на фронт.

Жестокие репрессии не помогли большевикам решить проблему крестьянского сопротивления. Карательные меры придали ему лишь новый импульс, надолго перевели в фазу вооруженной борьбы. В 1919–21 гг. Кормянская волость, как и другие территории, была охвачена крестьянской «малой войной». Только изменение экономической политики компартии в отношении села (НЭП) помогло сбить накал партизанской войны.

Уже в 1933 году следователи НКВД сфабриковали дело о «Контрреволюционной повстанческой организации Кормянского района», якобы входившей в состав «Белорусского национального центра». По этому делу были репрессированы бывший эсер Г.И. Шпаков, а также В.И. Толкачев, И.И. Рыжиков, Аношко и Малькевич (18).

***

Анализ причин и хода выступлений в Кормянской волости и во 2-м батальоне 10-го пограничного полка в Рогачеве заставляет отвергнуть прежнюю официальную версию о якобы имевшем здесь место контрреволюционном заговоре. Эти восстания, как и множество им подобных, являлись стихийной реакцией крестьянства на произвол и притеснения со стороны большевистских властей.

ИСТОЧНИКИ

1. Хохлов А.Г. Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии в 1918–1925 гг. Мн., 1981, с. 34.

2. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Том 4, Мн., 1997, с. 117.

3. В боях и походах. Минск, 1972, с. 70.

4, 5. Гос. архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф. 227, Оп. 1, Д. 3, лл. 30, 33, 34; л. 60.

6. Фонды областного краеведческого музея (ФОКМ), Ф. 5, д. 184, л. 4.

7. ГАООГО, Ф. 98, Оп. 1, 16, л. 147.

8. Гос. архив Гомельской области (ГАГО), Ф. 3531, Оп. 1, д. 20, л. 1–9.

9, 10, 11, 12. ГАООГО, Ф. 227, Оп. 1, д. 3, лл. 19, 77, 74, 228.

13. Там же, д. 3, л. 1

14. ФОКМ, Ф. 5, д. 195, л. 23.

15. ГАГО, Ф. 3531, Оп. 1, д. 20, лл. 1–3.

16. ФОКМ, Ф. 5, д. 33, л. 35.

17. ГАООГО, Ф. 52, Оп. 1, д. 4, л. 44, 45.

18. Архив Управления КГБ по Гомельской области, архивно-следственное дело № 13624.

ВЕСЬ РОД — ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ

Вячеслав СТАНИШЕВСКИЙ

У моего прадеда Андрея Станишевского было пятеро взрослых детей, 30 внуков и 93 правнука. Из 123 его внуков и правнуков в начале 30-х годов 117 (95 %) были «раскулачены» и сосланы в места отдаленные! Такова картина репрессий всего лишь по одному роду беларуских крестьян из многих десятков тысяч. Жертвами сталинской войны против тружеников села стали представители четырех поколений Станишевских. Самые старые среди них — Евдоким (1853 г.р.) и Ириней (1855 г.р.), самая юная — Екатерина Павловна (1947 г.р.).

РОДОНАЧАЛЬНИК

Андрей Юркович Станишевский (1824–1910) в три года остался без родителей. Когда ему было 9 лет, умер дед по отцовской линии. Вместе с младшей сестрой Анной его воспитывал сосед Лукьян Ломако, зятем которого был дядя моего прадеда — Павел Станишевский, отданный в рекруты в 1822 году, еще до рождения Андрея. Община крепостных крестьян не дала погибнуть сироте.

Прадед был парень трудолюбивый и смышленый. Научился читать по-русски и по-польски. В 1844 году он женился на Ульяне Грамович из соседней деревни, с которой нажил в браке восьмерых детей (трое из них умерли детьми).

В 1850 году княгиня Иоанна Радзивилл перевела прадеда в деревню Кайково и назначила старостой. Княгиня ежегодно проводила совет старост всех деревень своего обширного поместья, обсуждала с ними вопросы хозяйства, выслушивала советы. Однажды Андрей Юркович посоветовал какое-то поле засеять овсом в определенное время — урожай выдался отменным. В благодарность княгиня выделила полволоки неусобицы, велела удобрить навозом и отдала ему в личное пользование.

После отмены крепостного права княгиня назначила Андрея старостой Пятиевско-Аннопольской волости. Прадед служил в этой должности более 20 лет. От княгини он имел коня, бричку и 120 рублей в год. На этот доход он в 1883 году купил землю в двух фольварках — в Погуляйке, где на хуторе Старина поселился его младший сын Евдоким (участок в 56 десятин) и в Вицковщине (участок в 47,5 десятин), где прадед жил с другим сыном — моим дедом Иваном Андреевичем.

В «Списке землевладельцев Минской губернии за 1911 год» значатся уже внуки Андрея Юрковича: Станишевский Никита Иванович (45 десятин) в деревне Черкассы и Станишевский Александр Иванович (33,5 десятины) на хуторе Бруморовщина. В деревне Беламутовичи жила дочь прадеда — Анна Андреевна (по мужу Шкурдюк) с супругом Иваном Васильевичем на 35 десятинах собственной земли*.

В деревне Вицковщина до 1930 года на дедовой земле трудились внуки Константин и Николай Станишевские. В деревне Кайково на своей земле жили вну-

* Одна десятина — 10,9254 кв. м.

ки Георгий, Василий и Павел Станишевские. На хуторе Старина жил Евдоким Андреевич с сыновьями Иваном, Семеном и Александром, а его сын Сергей с многочисленными детьми жил в деревне Березина, что возле Михановичей. Ефросиния – единственная дочь Евдокима, была замужем за Ильей Сенькевичем и жила в Минске. Дочь прадеда Хведося Андреевна была замужем за Данилой Сенькевичем и проживала в деревне Курковичи.

О МОИХ РОДИТЕЛЯХ

Моя мать Антонина Юлиановна Станишевская (по отцу Улащик) родилась в 1898 году в деревне Вицковщина и была четвертым ребенком в многодетной семье. За ней шли еще четверо детей – Вера, Оля, Евгений и Лида. В том же году братья Улащики купили в застенке Острово, в полутора километрах от Вицковщины, 26 десятин земли, и мой дед по матери Юлиан Улащик перебрался жить на этот хутор.

Справка: Улащик Юлиан Фелицианович. Родился в 1860 г., д. Долматовщина Новогрудского уезда Минской губ.; беларус; образование начальное; крестьянин-единоличник. Проживал: Минская обл., Самохваловичский р-н, д. Остров. Арестован 22 октября 1929 г. Приговорен: ОСО 13 января 1930 г., обв: ст. 72 УК БССР – а/с деятельность. Приговор: 3 года высылки. Реабилитирован 19 июля 1989 г. Прокуратура БССР. Номер дела: КГБ РБ – 29033-с.

Испытания характера и становление личности моей мамы происходили в экстремальных условиях мировой и гражданской войн. Жизненные невзгоды закалили ее, выработали чуткость к соседям и друзьям по несчастью. Мама была оптимисткой, обладала чувством юмора и «острым языком».

Зимними вечерами 1939–43 годов в бараке города Котласа она много рассказывала о своей жизни на хуторе и в деревне Вицковщина. Мир ее воспоминаний разительно отличался от окружавшей нас среды. По этим рассказам складывалась следующая картина.

Когда ей надо было идти в школу, отец серьезно повздорил с попом, да так, что тот запретил детям Юлиана Улащика посещать церковно-приходскую школу в Вицковщине. Ему пришлось за 7 верст возить дочерей – Тоню и Веру – к родственникам в Вязань. Там они учились только две зимы. В остальное время приходилось помогать родителям вести хозяйство.

Юлиан Фелицианович Улащик, дед Вячеслава Станишевского по матери (фото 1920-х). Умер в ссылке

В 1915 году умерла мать, оставив 17-летнюю Тоню за хозяйку в доме, так как старшие сестры уже были замужем. Ей помогали младшие дети. Отец хотел жениться второй раз, но она делала все для того, чтобы он не привел в дом другую женщину.

Прошло четыре года. Однажды в начале лета 1919 года у них на хуторе появился Николай Станишевский из Вицковщины с дюжиной яиц в лукошке, символом сватовства. Старшая сестра Елена была замужем за Никитой Станишевским, и семьи хорошо зна-

ли друг друга. Как быть? Возраст 21 год, идет гражданская война, польская оккупация.

Во время войны с немцами в Вицковщине стояли донские казаки, один из них очень нравился маме. Но бросить дом, хозяйство, сестер, больного брата – и уехать с казаком на Дон она не решилась. Теперь же откладывать устройство своей личной жизни не стала и дала согласие Николаю. Как она позже говорила нам, уже взрослым сыновьям, под венцом на вопрос батюшки: «Согласна ли...», сжав зубы, ответила: «Да». Мне кажется, что она считала Николая Ивановича слишком мягким и нерешительным, хотя и трудолюбивым. Главенствовала в семье моя мама. К тому же, первое время на 47 десятинах общими хозяевами были свекровь и женатый брат Константин. Николай после революции вернулся домой со строительства железной дороги возле Оренбурга «гол как сокол».

Когда поляки отступали в 1920 году, они реквизировали лошадей у крестьян. Забрали кобылу с жеребенком и у Станишевских. Антонине пришлось сесть в повозку и сопровождать поляков, в надежде сбежать вместе с конями. После двух дневных переходов, уже за Столбцами, ближе к Барановичам, она вызвалась напоить и покормить своих лошадей. С ними перешла речку, потом через подлесок незаметно удалилась от ночного привала поляков. Мама позже говорила, что была удивлена тем, что животные вели себя тихо, будто все понимали. Через неделю она вернулась домой. Тогда маме было 22 года и она была в положении.

Справа налево, сидят: Антонина Юлиановна Станишевская (Улащик) с дочерью Лизой и жена брата (Юлия) с сыном и дочкой. Стоят: Станишевский Николай Иванович, отец Вячеслава (погиб в ссылке); его брат Константин и брат Юлии (1920-е годы)

В конце 1920 года родилась дочь Лиза. Весной 1922 года Лиза заболела, да так сильно, что пришлось везти ее на санях в Минск, к доктору. Бедняжку не удалось спасти. Мама возвращалась домой вместе с двоюродной сестрой Сашей Улащик. После деревни Прилуки, когда осталась четверть пути до дома, надо было переехать реку Птичь, на которой уже начался паводок. Вода шла поверх льда. Что делать? Объезжать это место, возвращаясь к Минску, а затем двигаться через Волч-

ковичи или Самохваловичи? Мама решила форсировать речку. Встала на сани и сильно стегнула лошадь. Лошадь рванулась вперед. Сделала несколько шагов по льду, затем лед проломился, но лошадь энергично работала в воде ногами, зацепилась передними копытами за дно возле противоположного берега. Гробик с саней потихоньку съехал и поплыл по течению. Мама схватила его. Тут лошадь сделала последнее усилие, и они благополучно выбрались на берег. Саша рассказала мне об этом случае через сорок лет, в 1962 году!

За десять лет родители прижили еще четверых детей: Игната, Анатолия, Бориса и Антона. В 1927 году построили дом себе и помогли построить дом брату Константину. Разделили хозяйственные постройки и скотину.

КАК РЕПРЕССИРОВАЛИ НАШУ СЕМЬЮ

Моего отца арестовали 5 февраля 1930 года, а 3 марта первый эшелон с «кулаками» был отправлен со станции Фаниполь. Дальнейший путь проходил по маршруту Минск – Витебск – Великие Луки – Тверь – Рыбинск – Вятка – Котлас. Эшелон прибыл в Котлас 10 марта, в 30-градусный мороз, и там людям зачитали приговоры «троек».

Условия перевозки в «телятниках» были ужасные. В пути умирали старики и дети. По утрам, не доезжая до станций, состав останавливался, двери открывали, трупы покойников выносили на снег, двери закрывали и эшелон шел дальше.

Тех, кого арестовали в октябре 1929 года, отправили раньше, чтобы они готовили в районе Макарихи, возле Котласа, временное жилье для спецпоселенцев. На Макарихе построили около сотни бараков. Плотность проживания в них была жуткая: на одного человека приходилась одна десятая часть квадратного метра! В самом Котласе арестантов разместили в четырех громадных складах. Там установили нары в шесть ярусов!

На месте отец встретил семьи своих братьев – Александра, Константина, Николая. Через день после прибытия мужчин и тех женщин, у которых не было малых детей, построили в колонну, сказали взять с собой еду на 2–3 дня, якобы для работы неподалеку, и отправили вниз по течению Северной Двины. Обманули! Их погнали этапом за 100–200 км строить рабочие поселки – лесопункты. В этой колоне был мой отец и его брат Константин со своим сыном Михаилом. Отец сообразил, что надо убегать. Поговорил с братом. 18-летний Михаил знал об этом разговоре братьев и сказал своему отцу: «Тата, я пайду с дзядзькам»! Константин ответил: «Сынок, если ты уйдешь, я там один умру». И Михаил остался с отцом.

Когда прибыл первый эшелон с новыми поселенцами, местные власти приказали везти фураж в Котлас. С одним таким возчиком обоза с сеном отец договорился, что тот в обмен на полушубок из овчины провезет его в Котлас через комендантские кордоны. Отец вернулся на Макариху раздетый.

Нетрудоспособная часть поселенцев (дети и старики) никому не была нужна. Ее оставили на вымирание. Наспех построенные бараки продували сквозняки, а морозы доходили до 35–40 градусов. Те продукты, что люди привезли из дома, кончились. Холод и голод собирали обильную жатву. Первыми начали умирать

дети. Трое моих братьев (Антон, Игнат и Анатолий) умерли от голода в течение одной недели. Умерли почти все младенцы.

Архангельский историк Р. Ханталин приводит официальные данные о колонизации Северного края: в 1930 году было завезено 294 тысяч спецпоселенцев, из них до конца года умерли 12,5 тысяч, в основном дети и старики.

Только к лету 1930 года правительство СССР приняло постановление, в соответствии с которым детей до 10 лет разрешалось отправить на родину, при условии, что за ними приедут родственники. Так удалось спасти часть детей. Из семей рода Станишевских отправились к родственникам или знакомым 19 детей – 15 малолетних Станишевских и четверо Шкурдюков. Мой брат Борис оказался у старшей сестры отца Ольги (Логацкой по мужу) в деревне Дубицкая Слобода, где кроме него было еще трое таких же горемык.

Мама рассказывала мне, что уговаривала отца бежать куда-нибудь в город, на стройку. «Устроишься, напишешь письмо, я к тебе приеду». Но он не решился.

Когда мои родители остались без детей, их вместе с другими погнали за 200 км вверх по течению Вычегды, в нынешнюю Коми АССР – строить очередной поселок. Мужчины рубили лес, женщины обрубали ветки и сжигали их. Затем на этих кострищах раскладывали толстый слой еловых ветвей и повально, плотно все вместе ложились спать, накрываясь кожухами и всяким тряпьем. К утру их засыпал снег, но снизу еще шло тепло от костров.

Женщина-поселенка на лесоповале

Валить лес – очень трудная работа, и чтобы выжить, женщины шли на разные уловки и хитрости. Так моя мама «вынашивала» меня полтора года. Сначала она подкладывала на живот одну варежку, затем две, потом маленькую подушку. Это позволяло ей работать на легких участках лесоповала, а позже, когда поселок был построен, посещать соседние деревни.

В мае 1933 года отец погиб при попытке перейти вброд бурную лесную речку.

ССЫЛЬНЫЕ — НОВЫЕ РАБЫ

Советские учебники истории упоминали о «раскулачивании», но никогда не говорили о том, что жертвой этой кампании – крайне жестокой по форме и безумной по сути – стала наиболее трудолюбивая, хозяйственная и образованная часть крестьянства. Лишь весной 1989 года Горбачев сказал на пленуме ЦК КПСС:

> «Оценивая события тех лет, мы обязаны сказать и о человеческой трагедии. Она состояла в том, что в борьбе с кулаком фактически применили насилие по отношению к огромной массе крестьян, середняков и даже бедняков. Миллионы крестьян с семьями были оторваны от земли, родных мест, бедствовали и погибали в лагерях и ссылках».

А что происходило в то время в Беларуси, Украине и России? Накормили колхозы рабочий класс? Нет! Хлеба в СССР всегда не хватало. В БССР в 1932 году

произошли голодные бунты рабочих промышленных предприятий в Борисове. В том же году начался голодомор в Украине.

Исследований на эту тему до сих пор очень мало. Высылке «кулаков» из Беларуси был посвящен материал «Сацыялістычны кацёл» журналиста Ярослава Чапли, опубликованный в ноябре – декабре 1990 года в газете «Звязда».

На практике «раскулачивание» чаще всего выливалось в элементарное ограбление трудолюбивых хозяев деревенскими босяками

В нем он пишет об экономическом положении деревни накануне 30-х годов, о методах уничтожения крестьянства, о судьбах ссыльных (спецпоселенцев) в суровых северных краях.

До 1934 года спецпоселенцы денежной платы за свой труд не получали, только скудное питание и спецодежду. То есть, они работали как истинные рабы, в точном смысле слова.

Как вспоминал руководитель Ленского леспромхоза В.К. Козловский, в этот ранее безлюдный район пригнали 12 тысяч человек со стариками и детьми. Бараков построили мало, столовых, хлебопекарен, бань и медпунктов первые два – три года вообще не было. За труд ссыльным не платили ни копейки. Тем не менее, в 1932 году Ленский леспромхоз заготовил 428 тыс. кубометров древесины. Этот показатель в следующие 70 лет ни разу не удалось перекрыть, несмотря на внедрение средств механизации труда.

Историко-просветительское общество «Мемориал» привело данные о рационе питания в сталинских лагерях в сопоставлении с каторжанами царского времени. А в публикации Чапли есть данные о питании спецпоселенцев. Сведем их в одну таблицу:

Суточный рацион питания

Продукты питания	**Царские каторжане**	**Заключенные сталинских лагерей**	**Спецпоселенцы** рабочие /больные и дети
Хлеб ржаной	819	750	400/150 белый
Мясо или рыба	106	21	150/75
Сало	21,6	—	–/–
Масло растит.	—	9	–/–
Масло	—	—	15/20
Крупа	50	80	100/40
Картошка	—	—	400/150
Овощи	—	—	200 /—
Сахар	—	—	18/20

Вот как прокомментировали эту таблицу двое бывших узников, которым сейчас далеко за восемьдесят. Михаил Иванович Карсюк утверждает, что в сталинских лагерях, где он пробыл 10 лет, хлеба давали не 750, а 400 грамм в день. Михаил Константинович Станишевский уточнил, что спецпоселенцам мясо отпускали из расчета не 150, а 75 грамм; масло не 15, а 5 грамм, крупу не 100, а 30 грамм; сахар не 18, а 5 грамм. Картошку и овощи не давали вообще, потому что их на Севере не было. Лишь позже в поселках ссыльных стали создавать колхозы, чтобы обеспечивать рабочих леспромхозов овощами.

При царизме каторжане получали питание по установленным нормам независимо от выработки, тогда как советские заключенные и спецпоселенцы – только в случае выполнения производственного задания на 90–100 процентов. Продолжительность работы у каторжан при «проклятом царизме» была летом – 11 часов, зимой – 7 (с обязательным 2-часовым перерывом), у «сталинских работников» по 11,5–12 часов как летом, так и зимой.

На царской каторге помимо воскресенья днями отдыха были все православные праздники и дни рождения царствующих особ. В СССР в большие христианские праздники (на Пасху, на Рождество, на Троицу и т.д.), наоборот устраивали «субботники и «воскресники».

Молодые ссыльные не могли зарегистрировать брак, потому что не имели паспортов, а для регистрации в сельских советах надо было идти в деревни за 50 – 100 км от рабочих поселков. Это в летнее время 4–5 дней пешком, но планов лесозаготовок никто не отменял, и пайку хлеба за прогулы не давали.

Когда началась война, в первый ее год мужчин-поселенцев не призывали (как же – «враги народа»). Но весной 1942 года после раскрытия рек всех здоровых мужчин призвали в армию «под гребенку». Их бросили на Ленинградский фронт и в своем большинстве они погибли.

НАША ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ ОТЦА

К осени 1934 года семилетнего брата Бориса тетя Стефа привезла обратно в поселок Ледня к маме, так как старики Логацкие стали немощными, а Борису надо было идти в школу, которой в деревне не было. Мой брат вспоминал, что когда Логацкие получили письмо о том, что наш отец погиб, они заплакали. А он не понимал, что к чему, так как уже забыл и отца, и мать. Для него на свете существовали только дед да баба...

Я рос болезненным ребенком, встал на ноги около года, ходить начал после пяти лет. Переболел всеми детскими инфекционными болезнями.

...Зимой 1934–35 года в поселке Ледня я круглосуточно находился в яслях, мать более месяца работала на лесоповале. Борис жил один в комнатушке, ходил в школу, каким-то образом питался. Сам пилил дрова и сушил их в протопленной печурке. Однажды ночью они загорелись, комнату заволокло дымом. Соседи выбили оконное стекло, вытащили его на улицу и откачали.

Но свет не без добрых людей. Учительницы Ева и Людмила Ванькевичи помогли маме написать – в обход коменданта поселка – заявление на пособие для двоих детей (меня и Бориса) в связи с потерей кормильца. И маме назначили пособие – 60 рублей в месяц. Затем они же написали от ее имени челобитную в со-

ответствующий орган ГУЛАГа с просьбой о переводе в другой поселок, где жили ближайшие родственники. И вот в 1936 году ей с детьми разрешили переехать в поселок Тесовая, в 100 км от Котласа по Вычегде. С того года считается, что нас сняли с учета спецпоселенцев, хотя мы оставались на Севере до 1948 года.

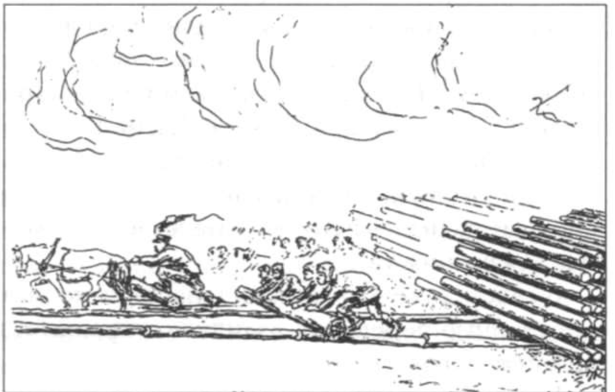
Эстакада на берегу реки Вычегда.
Поселок Литвино в 100 км от Котласа.
По эстакаде ссыльные поселенцы снабжали пароходы древесиной для отопления паровых котлов

Советская власть всегда строила свою внутреннюю политику на лозунгах и показухе. Вот и Тесовая оказалась «образцово-показательным» поселком. На организацию работы и быта здешних поселенцев должны были равняться все другие поселки Северного края. В поселке имелись школа-семилетка, ясли и детский сад, больница, клуб, магазин, прачечная, пекарня. Дети из деревень Рябово и Чакула ходили в нашу школу за 10 км. Была организована неплохая самодеятельность под руководством безногого скрипача Михаила, сосланного сюда из-под Логойска – оркестр народных инструментов и драмкружок (мама выступала там с немалым успехом).

Но подоплека относительного процветания была проста: вокруг поселка росло много березы. Ее рубили и перерабатывали в болванки для лыж и винтовок. Эта продукция ценилась значительно дороже, чем повал и трелевка леса.

Мама за бесценок купила здесь швейную машинку «Зингер», ибо кроме нее никто не умел ею пользоваться. Она работала почтальоном, а на своей машинке обшивала детей в яслях и детском садике. Так как ей самой довелось учиться всего две зимы, она вместе с моим братом Борисом заново изучала русский язык и арифметику по учебникам для 3, 4, 5 классов и одновременно занималась в заочной школе. И в свои 40 лет мама стремилась к знаниям!

В 1939 году ее познакомили со спецпоселенцем Игнатием Мартыновичем Белановским, который жил в Котласе и работал на лесобирже. Мама ради нас с Борисом приняла его предложение, и мы последним пароходом навигации переехали из поселка в Котлас. Сначала семье выделили полкомнаты, затем комнату. Она же служила приста-

Так катали бревна ссыльно-поселенцы

Антонина Юлиановна Станишевская (Улащик) с сыновьями Борисом и Вячеславом. Поселок Тесовая, 1 сентября 1939 года

нищем для тех жителей Тесовой, которые возили летом в Котлас ягоду на продажу. Мама устроилась работать в колбасный цех мясокомбината. С тех пор и всю войну мы больше не голодали.

Весть о начале войны застала маму и меня в Великом Устюге. Туда мы поехали проведать Степаниду Степановну Улащик в доме престарелых и инвалидов. Она потеряла мужа и шестерых детей. Только старший сын Владимир благополучно бежал из ссылки и поступил в ветеринарный техникум, а младшего Сергея отвезли к родственникам в Беларусь.

Когда мы вернулись домой, мама дала команду раскапывать свободную полосу отчуждения железной дороги и сажать картошку. Благодаря ее предприимчивости мы всю войну прожили с картошкой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БЕЛАРУСЬ

После войны мама трижды ездила в Беларусь, подыскивая место для переезда. Она посетила Докшицы, Тихобудку, Цирин, Слуцк, Барановичи. Выбрала поселок Лошица в окрестностях Минска, где в 1947 году поселилась ее землячка и подруга по Котласу Елизавета Викентьевна. Директор Лошицкого экспериментального хозяйства Петр Степанович Шестопал оказался земляком ее мужа и взял супругов на работу. Через год по их просьбе Шестопал принял в совхоз и нашу семью. В Лошице у нас была одна комната в бывшей корчме, узкая, зато высотой в три с половиной метра. Эта высота позволила устроить трехъярусные полати.

В 1958 году в совхозе выделили земельные участки под индивидуальное строительство. Нам повезло: дали участок в 12 соток, где к концу года мы построили свой дом. Через 28 лет скитаний после утраты своего родового гнезда! В том же году я женился в Минске на Елене Ванькевич, которой те две учительницы оказались дальними родственницами.

В 1964 году, когда семья экономически окрепла, мама на самолете вместе со мной отправилась в Котлас к родственникам и подругам по несчастью, которые еще оставались там.

В своем доме Антонина Юлиановна досматривала внуков, много читала, вела активную переписку, ездила по городам и деревням к родным и знакомым, принимала гостей.

Ее навестил Николай Николаевич Улащик, отбывший 12 лет в сталинских тюрьмах, лагерях и ссылках. Он собирал в то время материал для своей истори-

ко-этнографической книги «Была такая вёска» – о Вицковщине. Их беседа затянулась на всю ночь. Они перебрали всех жителей с их «мянушками» от одного края деревни до другого, от Станишевских до Улащиков. Будучи острой на язык, мама выдала всем жителям Вицковщины и Острово выразительные рифмованные характеристики. Как отметил Николай Николаевич в своем предисловии, «ценные замечания о быте, обрядах и привычках сообщили А.Н. Дубовик и А.Ю. Станишевская».

Умерла Антонина Юлиановна в 1978 году. Ей было 80 лет.

О СУДЬБАХ РОДСТВЕННИКОВ

Хочу рассказать о судьбе Марии Марковны Станишевской (1895–1964). Она вышла замуж за вдовца Никиту, у которого от двух жен уже было четверо детей, и у них появились еще трое. Никиту Станишевского арестовали в 1929 году, осудили на три года и выслали в Котлас. Там он на Макарихе строил первые бараки для спецпоселенцев и 10 марта 1930 года встретил свою семью.

Затем Марию Марковну с пятью детьми отправили в Великий Устюг, разместили всех в бывших церквах. Вскоре там начался повальный детский мор. Соседка по нарам написала письмо своему брату, чтобы он забрал ее четверых детей, спас от голодной смерти. Брат получил в сельсовете пропуск на четыре детские души, приехал в Великий Устюг. Но дети уже умерли. Мария Марковна уговорила его взять по этим документам ее четверых детей и передать в Минске сестре – Матрене Милевской. Пятого – Дмитрия Станишевского вывезли в Беларусь другие люди.

Когда она осталась одна, власти по спискам нашли ее пасынка Павла Никитича, который находился на реке Пинеге, за 300 км, и этапировали к нему. Он был единственным Станишевским, который устроился на Севере неголодно. Работал вольнонаемным на лесохимзаготовках, получал за работу 1 кг хлеба в день и деньги. Но через 2,5 года его все же перевели в поселок спецпоселенцев, где назначили бригадиром. При нем мачехе было легче.

Затем его послали в Красноборск учиться на тракториста, и Марии Марковне пришлось трудиться на тяжелых работах. Она не выдержала, поехала к Павлу в Красноборск. Здесь он устроил ее в колхоз на сезонную работу. Мария за две недели насушила сухарей, расспросила местных жителей, как можно удрать на родину. Ей посоветовали не ехать через Котлас, так как там усиленные кордоны по отлову беглецов, а идти до такой-то деревни прямо на запад, а от этой деревни начинается просека, которая упирается в железную дорогу Архангельск – Вологда. Так она и сделала. В одиночку прошла лесом 300 км! Вышла к железнодорожной станции, попросила какую-то местную женщину купить ей билет до Минска и поехала домой. Дома ее приютили люди, которые раньше служили ее отцу батраками. Она собрала всех своих детей, с которыми ютилась в маленькой комнатушке.

А Никита Иванович Станишевский (1879–1937) после Котласа еще побывал на строительстве Беломоро-Балтийского канала и был освобожден в 1936 году с получением паспорта. Когда он приехал на родину и наконец встретился с семьей, ему и Марии Марковне запретили жить здесь из-за близости границы

с Польшей. Пришлось переехать под Смоленск. Но в следующем году его снова арестовали и расстреляли в Катыньском лесу, примерно в одном километре от собственного дома.

После начала войны старшие сыновья Никиты пошли воевать и все трое, Дмитрий, Александр и Владимир, погибли. Младший ушел прямо с выпускного школьного вечера. Старшего – Павла Никитича призвали в армию в 1942 году, он дважды был тяжело ранен, поэтому его демобилизовали.

В 1943 году Марию Марковну с младшим сыном Георгием немцы отправили в Германию, где они трудились в одной и той же деревушке, но у разных хозяев. Их освободили американцы, отвезли за 400 км на грузовике в советскую зону, и они вернулись на родину.

***

А вот воспоминания Анны Сергеевны Станишевской (1912–1988), по мужу Гречко, дочери Сергея Евдокимовича Станишевского (1875–1930). Ей в 1930 году с двумя подругами удалось бежать из Великого Устюга.

«Привезли нас в Котлас. Поселили в большой барак на Макарихе. Пожили мы там с месяц, смертность была очень большая. Перевозили нас в Великий Устюг на лошадях, украли почти всю одежду. Это было в апреле 1930 года. В Великом Устюге поселили нас в Варварскую церковь при самой Северной Двине. Я посмотрела, как же жить, когда нет ничего, украли все эти люди, которые перевозили нас на санях. Даже на работу идти не в чем, и я решила уходить.

В мае месяце, когда сошел лед и пригрело солнышко, нас, трех девочек, молодой парень перевез через Северную Двину. Дальше шли пешком до Ярославля. Где попадались речки, нас перевозили. Просились у людей покушать и переночевать. Уже на выходе из Вологодской области на пути были речка и деревня. Через речку мост, а на мосту молодежь устроила танцы. Как пройти? Раскрываться или не раскрываться? Решили идти на мост. Молодежь нас остановила. Пригласили на танцы. Мы отнекивались, но они заставили нас танцевать. Нам даже понравились танцы, и мы задержались. Пришлось раскрыться и сказать о нашей цели. Нашлись двое, которые решили нас провести мимо кордона, и провели километров 10–12 до деревни уже в Ярославской области. В Ярославской области спецпереселенцев не было, и контроля за перемещением народа не было.

Автор возле развалин семейного дома в поселке Тесовая Ленского района Архангельской области (1964 г.). Здесь его мать жила вместе с детьми

С Ярославля до Москвы поездом проехали «зайцами». В Москве у кассы увидели Николая Сенькевича, он брал билеты до Минска. Взял и нам.

Я пару дней прожила у тети Ефросинии, а потом поехала в Старину к дяде Ивану. Дядя Иван работал тогда в колхозе в сельсовете бухгалтером, и он взял справку на мое имя, как

своей дочери. Иначе нельзя было. Так я стала на всю оставшуюся жизнь Ивановной. Николай Сенькевич и Павел Иванович взяли меня с собой в Днепропетровск, и с 1930 года я проживаю на Украине».

Михаила Константиновича Станишевского (1912–2000) в неполные 25 лет выдвинули на должность председателя одного из колхозов, созданных из спецпоселенцев. Специалистов по сельскому хозяйству среди местного населения не было, а «кулаки» все были от земли. После войны он вернулся на родину в Вицковщину, привез с Севера мать и жену. До выхода на пенсию работал бригадиром в колхозе.

Когда в очередной раз в БССР пришла разнарядка на представление колхозных бригадиров к званию Герой Социалистического Труда, Дзержинский райком партии выдвинул кандидатуру Михаила Константиновича, который подходил по всем критериям. Но голос секретаря парткома колхоза – «он из раскулаченных» – поставил точку в этом деле.

ЗЛОВЕЩЕЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

В 1937 году заканчивался срок ссылки для некоторых категорий «кулаков», высланных в 1929 году и в начале 30-х. Некоторые вернулись в родные края, но в их домах давно жили другие люди, часть осела в городах, не рискуя возвращаться в деревни.

С той целью, чтобы не терять дармовую рабочую силу в удаленных регионах Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании обсудило этот вопрос. 3 июля 1937 года из Политбюро были отправлены за подписью Сталина телеграммы в ЦК компартий союзных республик, во все крайкомы и облисполкомы. В них на основе решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 года (протокол № 51) было сказано:

> «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, – являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.
>
> ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем представителям областных, краевых и республиканских НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.
>
> ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке».

Согласно оперативному приказу № 00447 Н.И. Ежова от 30 июля 1937 года, репрессированных кулаков разделили на две категории. Для 1-й категории предусматривалась только смертная казнь, для 2-й – 10 лет лагерей. Были установлены и квоты репрессий. Так, в БССР предлагалось отнести к 1-й категории 2000 человек, ко 2-й – 10 тысяч человек.

«Товарищи на местах» выдвигали «встречные планы». Например, Политбюро ЦК в своем решении от 20 октября 1937 года утвердило предложение Архангельского обкома ВКП(б) об увеличении в этой области числа репрессированных «контрреволюционных элементов» по 1-й категории – на 400 человек, по 2-й – на 800 человек.

Не знал тогда первый секретарь Северного крайкома партии Сергей Адамович Бергавинов, который настойчиво требовал завоза еще 70 тысяч семей из Беларуси, что скоро его самого арестуют как «врага народа» и убьют во время допроса в феврале 1938 года.

Даже через 10 лет в соответствии с директивой МГБ и Прокуратуры СССР за № 66/241 от 26 октября 1948 года тех репрессированных, у которых заканчивался срок ссылки или заключения, следовало снова арестовать и сослать пожизненно!

О РЕАБИЛИТАЦИИ

Возможность вернуться в родные места у ссыльных появилась лишь спустя 18–25 лет после высылки. Они долго молчали о том, что с ними было. Да, над всеми нами витал страх. Даже своим детям мы не решались говорить о том, что наши деды и родители были раскулачены.

Вопрос о реабилитации родителей впервые поднял мой брат Борис Станишевский. В начале 1989 года он послал запрос на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. Лукьянова. Из Москвы письмо переправили в Минск, в главную военную прокуратуру БВО. И вот 29 января 1990 года военный прокурор А. Глюков выдал справку N 60ж (000229):

> «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начале 50-х годов» отменено внесудебное решение от 10 марта 1930 г. в отношении
>
> Станишевского Николая Ивановича, год рождения 1886, реабилитирован 16 июня 1989 г.
>
> Станишевский Николай Иванович арестован по делу 5 февраля 1930 г., до ареста работал крестьянин-единоличник д. Вицковщина».

В справке даже не сказано, за что был репрессирован наш отец. И только прокурор Минской области В. Сирош в письме № 7/238-89 сообщил:

> «Постановлением «тройки» при ПП ОГПУ по Белорусскому военному округу от 10.03.30 г. Ваш отец, Станишевский Николай Иванович, 1886 г. р., уроженец д. Вицковщина Дзержинского района, за контрреволюционную деятельность выслан в Северный край.
>
> ...В органах МВД-КГБ БССР, государственном архиве Минской области не имеется сведений о раскулачивании и изъятии имущества Вашего отца, а также о выселении других членов его семьи.
>
> ...В УВД Архангельского облисполкома имеются сведения о том, что Станишевская Антонина Юльяновна, 1898 г.р., уроженка Дзержинского района Минской области, была выслана с места рождения и находилась на спецпоселении в поселке Головка Котласского района Архангельской области. Дата прибытия на место поселения – 1930 г., отметок об освобождении от выселения нет».

НИКТО НЕ ЗАБЫТ?

Н.С. Хрущев в своих мемуарах написал:

> «Я не могу дать точную цифру /жертв/, потому что никто не считал. Но мы знали, что люди умирали в огромном количестве».

Никто не считал! В СССР гораздо легче найти данные по смертности скота, чем о смертности людей. Вообще, любые данные о скотине гораздо более доступны, чем данные о человеческих существах. Вот конкретный пример. На свой запрос от 24 февраля 1992 года относительно смерти братьев, умерших от голода, я получил следующий ответ:

> «Отдел ЗАГСа администрации г. Котласа Архангельской области на ваш запрос отвечает: регистрация смерти ваших братьев СТАНИШЕВСКИХ по городскому отделу за 1930 год не значится».

И еще. Средняя продолжительность жизни второго – пятого поколения Станишевских, живших с середины XVIII века до конца XIX, по 16 изученным представителям составляет 56,5 года. Для представителей шестого–десятого поколения, живших в XX веке, она равна 42,7 годам. Таковы «достижения» советской власти в строительстве «самого справедливого общества».

***

В 2000 году в Архангельске в издательстве «Правда Севера» вышла повесть В. Чиркина «По злой воле», написанная на основе воспоминаний местных жителей и бывших ссыльных. Автор взял за основу судьбу неграмотного беларуса Дмитрия Рудкевича с Бегомельщины, который в 14 лет остался круглой сиротой. События развиваются в самом отдаленном Ленском районе Архангельской области. Там упоминается таежный поселок, где родился и автор этих строк.

...Прочитав повесть, я связался с председателем Котласского объединения «Совесть» Ириной Андреевной Дубровиной, которая рассказала о работе общества в настоящее время.

На кладбище в Макарихе (закрытом в 1958 г.) покоилось очень много народа. Здесь захоронены вывезенные со всей страны «кулацкие семьи» и люди, расстрелянные в Котласской тюрьме. Позже здесь хоронили и местных жителей – поверх старых захоронений. Нас всех старались отучить от самого понятия достойной смерти. Людей хоронили в общих ямах, подобно скоту, а то и просто выбрасывали в снег или в болото...

Автор В.Н. Станишевский, кандидат физико-математических наук в возрасте 50 лет (1979 г.)

Часть могил уничтожили, когда вывозили песок вперемешку с костями на строительство дамбы. К 1990 году планировалось снести все оставшиеся могилы и создать «зону отдыха». Вот против этого и протестовали члены общества «Совесть».

В 1995 году первый памятник «Польский крест» установили здесь поляки на средства польского правительства. В 1996 году вновь избранный городской

совет депутатов своим постановлением придал кладбищу статус мемориала. Это остановило попытки его уничтожения. В 1997 году общество «Совесть» установило памятник жертвам коллективизации деревни. В 1998 – отдельный памятник-триптих в память о священниках, детях ссыльных и иностранцах. В детской части триптиха надпись: «Вечная память детям, лишенным крова и пищи, детям, бродившим с сумою нищей, детям в этапах и ссылке погибшим, детям, в руках матерей остывших».

Установка памятников выполнена на народные пожертвования, не использовано ни рубля государственных средств. И.А. Дубровина считает, что заботиться о памяти жертв политических репрессий должно общественное объединение «Белорусская ассоциация жертв политических репрессий».

Однако обращение этого объединения в Министерство культуры Республики Беларусь не нашло понимания. Министерство культуры ссылается на возможности полумифического Союзного государства Беларусь – Россия. Само оно ничего в этом направлении делать не хочет...

Теперь, когда Беларусь обрела независимость, надо поставить вопрос о том, кто несет ответственность за политические репрессии. Правительство должно создать комиссию, которая определит персональную ответственность людей, совершивших эти преступления. Поскольку таких, скорее всего, уже нет в живых, надо восстановить историческую справедливость: изменить их исторический статус. Все это необходимо сделать на основе заочного суда. Кроме того, руководство нашего государства должно потребовать от России, как правопреемницы бывшего СССР, компенсацию за причиненные потери семьям потерпевшим и выплатить им деньги за конфискованное имущество, за потерянное здоровье, за гибель детей.

В 2000 году в Кёльне (Германия) прошла конференция, посвященная трагедиям жертв двух тоталитарных режимов – нацистского и коммунистического. Ее участники сошлись в том, что советские коммунисты своей жестокостью превзошли германских нацистов. В Германии с 1933 по 1941 год было репрессировано около 3 % местного населения, тогда как в СССР, в зависимости от регионов, от 15 до 35 %.

Сложно определить весь ущерб, что принесла людям «красная чума» – идеология и практика коммунизма. По некоторым оценкам, в Беларуси общее число жертв коммунистов (казненных, высланных, брошенных в концлагеря) составило за 35 лет (1919–1953 гг.) 1 миллион 400 тысяч человек. До 80 % из них – крестьяне и рабочие.

Известный беларуский писатель и правозащитник Алесь Адамович провел исследование в родном поселке Глуша (Бобруйский район) и установил, что на фронте (в т.ч. в партизанах) и в результате сталинских репрессий погибло примерно одинаковое число людей. Точное число погибших в Великой Отечественной войне до сих пор неизвестно, сейчас называют цифру 27 млн. человек. Между тем, число осужденных всеми судебными и внесудебными органами в СССР за период 1930–1956 годов, согласно материалам, опубликованным в газете «Возрождение надежды» № 4 (147) за 2006 год, составило 20.157.752 человека (!)

Я солидарен с Александром Николаевичем Яковлевым, который заявил:

> «Каких-либо похвал Сталину вы от меня не дождетесь. Это же надо, не уставая, лично подписать 366 списков на расстрел 44.440 человек во время репрессий в 1937–1938 гг.!». («Аргументы и факты», № 8, 2005 г.)

...Иногда мне кажется, что я стою около соснового бора «Макариха», где похоронены три моих старших брата, умерших от голода, стою и думаю: до какой степени нужно ненавидеть людей, чтобы устроить геноцид собственному народу!

Неужели никто за это не ответит? Неужели все будет забыто, зарастет травой, и никто не осмелится напомнить о случившимся? Нет до сих пор памятника с именами павших на войне Сталина против собственного народа.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Николаевич Станишевский (1932 г.р.) окончил политехнический институт в Минске в 1954 году. Работал инженером-электриком на предприятиях, научным сотрудником в Академии наук БССР. Кандидат технических наук (с 1972 г.) Автор 15 изобретений, более чем 100 публикаций в газетах, журналах, сборниках. Много лет собирает сведения о судьбах своих родственников, ставших жертвами сталинских репрессий.

СУДЬБА СЕМЬИ ИЗ РЕЧИЦЫ

Леонид СМИЛОВИЦКИЙ

Наша встреча произошла случайно. Георгий Васильевич лет 15 назад /подразумевается 1977 год – *Ред.*/ был моим педагогом, читал курс археологии. Читал прекрасно, студенты его любили. Он из тех, чей внутренний мир очевидно богаче, чем внешний. Это можно видеть невооруженным глазом. Непосвященным иногда даже казалось, что он был не от мира сего... То ли об этом свидетельствовала его научная рассеянность, свойственная известной части ученых мужей, то ли исключительная скромность и непритязательность в быту. Но предмет свой он знал отлично, возил студентов в археологические экспедиции и, что немаловажно, писал книги. Словом, это настоящий историк.

Слово за слово, заговорили о планах, о работе, и вдруг Георгий Васильевич сказал: «Читал Ваши статьи о сталинщине. Хотите, что-то покажу», – и тут мне предложили такое, о чем вряд ли я мог когда-то мечтать – письма из ГУЛАГа. Настоящие, почти три десятка.

Сейчас, когда все кругом переоценивается настолько быстро, что не всегда успеваешь уследить, все хотят прикоснуться к первоисточнику. Но где он? Наши бездонные и малодоступные архивы хранят молчание. Иллюзия, что они раскрылись. Партийные архивы опечатаны до лучших времен. КГБ хранилища своих документов прячет даже от собственных сотрудников.

Ныне многие уже забыли, что раньше перед нами стояла Стена из мифов. Потом самые настырные захотели узнать, что там – за Стеной. Тогда еще казалось, что восстановление хотя бы части истины – это ключ, которым мы откроем дверь в Историю. Ах, как хотелось заглянуть хотя бы в замочную скважину, чтобы в полутьме увидеть лицо той исчезнувшей эпохи... Письма, хранимые Георгием Васильевичем, сыграли роль такой «замочной скважины»...

* * *

Письма принадлежат перу отца Георгия Васильевича – Василию Леонтьевичу, 1889 года рождения. Сохранилось и «Свидетельство», выданное 2 июня 1909 г. и гласившее, что «Предъявитель сего крестьянин – имярек – на основании Правил для производства испытаний на звание учителя церковно-приходской школы, изданных по Высочайшему утвержденному определению Святейшего Синода, подвергшись полному испытанию в Правлении Киево-Софийского духовного училища и выдержав оное удовлетворительно, удостоен звания учителя церковно-приходской школы».

Учителем Василий Леонтьевич и проработал, без малого, 30 лет. Уроженец Старой Белицы Уваровичского района Гомельской области, сын крестьянина-бедняка, беспартийный, он всегда был лояльным к властям и всего себя без остатка отдавал любимой педагогической профессии. Это был смысл его жизни. Он был учителем по призванию. Более того, мастером, строгим и требовательным. Известно, что мастер – всегда личность, имеющая свое мнение и аргумен-

ты. Это всегда гордый и порядочный человек с обостренным чувством собственного достоинства. Такому не прикажешь: «Делай, как я!» Мастер берет ответственность на себя – любитель делит ее на всех.

В 1917 году грянула революция. Сначала в Феврале, потом в Октябре. Люди сначала радовались, потом встревожились: классовая ненависть расколола общество – началась гражданская война. Потом – тяжелейшее восстановление народного хозяйства и культуры. Казалось, что все, наконец, наладится. Однако XIV съезд партии (1925 г.) оказался не на высоте стоявших перед ним задач. Хотя он и нацеливал страну на путь индустриализации, но методы и способы ее были определены, как административно-командные при опоре на бюрократический партийно-советский аппарат. НЭП дискредитировали. Во главу угла поставили задачу классовой борьбы под флагом разгрома кулаков и нэпманов. Взаимоотношения с крестьянством начали строить по методу неравноправного партнерства.

Василий Леонтьевич Штыхов (фото 1914 г.)

Сталину были чужды поиски экономических путей возникавших проблем. Его прямолинейное мышление предпочитало чисто административные и организационные меры воздействия. Достаточно вспомнить искусно сфабрикованные процессы «Промпартии» и «Шахтинское дело», чтобы образ мышления Генерального секретаря ЦК ВКП(б) стал очевидным. Это и привело к трагедии. Что было дальше – известно. Умело натравливая беднейшую часть крестьянства, примерно треть его, на отсталые массы деревни, партия под руководством Сталина провела массовое раскулачивание...

Эти события захватили многих абсолютно посторонних людей. Василий Леонтьевич в 1932 году переехал в Речицу, где купил старый дом и стал учительствовать в одной из пригородных школ (в деревне Жмуровка). Была семья, трое детей. В апреле 1933 года его арестовали. Вот что вспоминает сын, Георгий Васильевич:

> «Пришли ночью и увели. Мне было 5 лет. Встаю утром – мама в слезах. Что такое? Рассказывает, какое несчастье приключилось. Никто не понимал почему: отец был не просто лояльным человеком к советской власти, почти активистом, любое ее мероприятие, даже то, к которому не лежала душа, проводил в жизнь, считал необходимым. И вдруг такое».

Эти слова – чистая правда. Василий Леонтьевич, как учитель, нес большую общественную нагрузку – иначе было нельзя, весь на виду. В 1922–23 гг. был председателем сельсовета, членом районного земельного отдела, провел в Старой Белице раздел на поселки. В Бервеновке председательствовал в секции рабоче-крестьянской инспекции при сельсовете, возглавлял ревизионную комис-

сию при колхозе, создавал колхоз «Малинник». Приходилось кого-то и «обижать», выполняя директивы партии...

К полудню выяснилось, что взяли не только его, но еще многих. Арестованных привезли в Гомель. Камера была полна. Говорили вполголоса, атмосфера царила угнетающая. Объяснения начались быстро и энергично, как в детективном романе. Оказывается, Василий Леонтьевич был членом «разветвленного антисоветского заговора в Уваровичском районе» (всего 22 человека).

Кормили заключенных очень плохо. Заранее считалось, что все они виновны – и обращаться с подследственными нужно, как с преступниками. Давали в сутки 600 грамм хлеба. Утром чай, на обед неполную миску баланды, в которой «крупинка догоняла крупинку». Передачи разрешали только тем, кто признал себя виновным. Их обычно сразу переводили в другие камеры. Все арестованные жили с постоянным ощущением голода. Сытый человек может не есть день, два, три. Но когда недоедаешь систематически, изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц, голод отвратителен и страшен. Все сны были только о еде, а когда 30–40 таких голодных собраны вместе и не могут разойтись, их мысли взаимно усиливались и принимали форму психоза. Следователи играли на этом чувстве.

Следователь ГПУ Лучина предъявил обвинение по статьям 64, 72 и 76 Уголовного Кодекса БССР в редакции 1928 года – вооруженное свержение государственного строя. От уговоров и обещаний Лучина переходил к угрозам и вымогательствам: «Вот Вы и обнаружили свое лицо контрреволюционера – не хотите помочь Советской власти». Грозил затеять еще одно дело: «Материалов на Вас достаточно и Вы никогда не выйдете отсюда!» Трехэтажная матерщина, долгое стояние у стены, отсутствие сна. Допросы продолжались ежедневно, Лучина вызывал к себе двух здоровенных охранников и втроем они с матом, криком, угрозами, рукоприкладством вытягивали из него душу: подпишешь все, что угодно – даже «намерение поджечь воду в Днепре».

За свое несовершенное «преступление» Василий Леонтьевич получил 5 лет высылки в Западный Казахстан.

Беларуский учитель попал в Каменский район Западно-Казахстанской области, где ему удалось устроиться работать по специальности в неполную среднюю школу при Шиповском мясосовхозе № 432. Время было трудное, работы много, а грамотных наперечет, и Василий Леонтьевич в работу ушел с головой.

Ссыльному учителю доверили быть не только ликвидатором неграмотности среди местного населения, но даже читать лекции на районных курсах по подготовке и переподготовке учителей и, более того, вести занятия в партшколе (!) при совхозе. Василий Леонтьевич прошел необходимую аттестацию окружного отдела народного образования и поступил на заочное отделение Уральского пединститута. Семья оставалась в Речице, туда он отсылал зарплату.

Работал как двужильный, с утра до вечера. Казалось, он уже почти забыл о своем несчастье. Из обращения В. Л. Штыхова к Генеральному Прокурору СССР в 1938 году:

> «Я не курил и не пил водки, не вел развратной жизни с женщинами, не имел друзей. Школа и клуб были единственным местом, где я встречался с людьми. Книги и газеты были моими друзьями. Я заслужил благодарность учеников и их родителей.

Я приобрел знатность не только в совхозе, но и, благодаря работе на курсах, во всем Каменском районе...»

Однако 25 октября 1937 года неожиданно его уволили с работы. Коллеги были в недоумении – хороший учитель, любящий и прекрасно знающий русский язык, «ударник-передовик», и вдруг – враг народа, беларуский националист.

Как следует из дела № 2479, присланного 14 августа 1991 года из Управления КГБ Казахской ССР по Уральской области, основанием для повторного ареста послужил донос счетовода колхоза «Шиповский» Кузьмы Ипатовича Давилина, осведомителя НКВД (в деле фигурирует как «свидетель»). Этот «свидетель» доносил, будто бы Василий Леонтьевич общался с ссыльными ленинградцами, высказывался против колхозно-совхозной системы, положительно говорил о Зиновьеве, был груб со школьниками. Печально, но действительно один раз учитель не сдержался и назвал дочку счетовода, неопрятную и ленивую ученицу 4-го класса – «чушкой немытой». Этого оказалось достаточно, чтобы отец школьницы свел счеты с обидчиком.

В.Л. Штыхов и его жена
Агафья Иосифовна (фото 1917 г.)

«Свидетелями» выступили секретарь сельсовета В.И. Максимов, учитель Рахимбердин, но их показания удивительным образом напоминают друг друга, что дает основания полагать: авторство исходило из одного источника. Организовали и заметку в газете под названием «Бесконтрольность в школе» без подписи.

Василий Леонтьевич искал правды, но на его вопрос «За что уволили?» заведующий Каменским РОНО Боженов отчеканил: «По воле партии и правительства». Как мы сейчас понимаем, это был немудреный, но правдивый ответ чиновника. А 27 ноября 1937 года В.Л. Штыхова арестовали в Уральске, куда ссыльный учитель приехал по делам заочной учебы в институте.

Следователь Уральского НКВД старший сержант Тарануха не рукоприкладствовал и не ругался матом. Он предъявил обвинение по 58 статье УК РСФСР (политическая контрреволюция, террор) и потребовал признания:

> «Мы сильны и страшны. На нас суда нет. Как хотим, так с вами и поступим. Вас замучит совесть, что упустили счастливый случай и не сознались, на вас есть ряд свидетельских показаний!»

Учитель отказался и тогда следователь в протоколе дознания написал: «Контрреволюционной работы не вел, агитацией не занимался, но продолжает оставаться на прежних контрреволюционных позициях». На вопрос учителя:

«Почему?» пояснил: «Вы человек пожилой, ссыльный, и, по-моему, вы имеете все основания быть недовольным Советской властью». Как говорится, комментарии излишни. Неприкрытый произвол 1937 года и не нуждался в каких-либо аргументах. Существовала разнарядка на количество «врагов», проще всего было их находить среди ссыльнопоселенцев.

Вскоре Василию Леонтьевичу в тюрьме сообщили, что постановлением тройки НКВД Уральской области он осужден по ст. 5810, часть 1 на 10 лет лагерей «за антисоветскую пропаганду».

Зарешеченный «столыпинский» вагон повез речицкого учителя к его гулаговскому «острову». Адрес: Свердловская область, Гаринский район, 10-е отделение НКВД, п/я 239/10. Василий Леонтьевич не успокоился, он атаковал письма всевозможные инстанции, обращался с заявлениями и жалобами на имя Сталина, Вышинского, Молотова, Ульриха и других высших чиновников. Приведем отрывки из одного такого обращения:

> «Гражданин Прокурор СССР!
>
> В свое время М.И. Калинин говорил, что бдительность заключается не в том, что человек неумело высказался, а в его повседневных делах и куда эти дела направлены. М.М. Литвинов с трибуны Лиги Наций в Женеве заявлял, что обвинение, основанное на слухах, на догадках, подозрениях есть ложь, сплетня и клевета. Всем известна сталинская забота о людях, о кадрах, которые решают все.
>
> В 1908–1937 гг. я без перерыва работал учителем. Моя общественная работа проходила по двум-трем-четырем линиям. Не проходил ни один Госзаем, чтобы я не подписался на месячный заработок, ни одно обращение о пожертвовании, чтобы я и моя полуголодная семья не подписались и не пожертвовали. В чем же заключается моя вина? Прошу внести протест в отношении несправедливого моего приговора».

Пачками приходили отказы. Учитель направлял новые письма. Родина была ему хуже мачехи: хоронила заживо. Казалось бы, после такой ломки ненавидеть бы ее, бросить, как бросают злую, невменяемую жену. Но он не смог, как и не научился ненависти. Лишь жалел.

21 июля 1939 года Василий Леонтьевич написал домой:

> «Здравствуйте мои дорогие! Старайтесь пережить это тяжелое время. Помните, что не одни вы его переживаете. Подобное переживают миллионы людей. Ходим в лес за 8–10 километров прорубать новые дороги шириной 14 метров. Выворачиваем большие деревья, жжем лесной хлам. Иногда дадут кило хлеба, иногда 600 гр., а иногда и 400 гр. в день. Как-нибудь живем. Конечно, тяжело, но деваться некуда, живем...»

Лучше других на общих работах трудились раскулаченные, молодые, молчаливые. На них вполне можно было положиться, несмотря на все несправедливости и обиды. Техники не было никакой. Все делалось вручную, иногда при помощи лошадей. Основой был «ребячий пар», как говорили заключенные. Странно, что даже в неволе, даже в обиде труд увлекал, поднимал настроение.

Рядом был лагерь, где держали поляков. Их привезли из Галиции, Львовщины, Западной Украины и Беларуси. «Публика чисто одетая, интеллигентная, городская. Получается у них хуже, чем у нас, к такой работе они не привычны».

Василию Леонтьевичу исполнилось уже 50. Каторжные работы давались все труднее. Силы таяли. 31 января 1940 года он пишет домой:

«Я тощий, слабый, грязный, оборванный и вшивый. Вот моя фотокарточка. К этому присоединилась малярия, которая постоянно мучит. Письма передают вскрытыми. Я простудил шею, сзади получились большие нарывы, но они, по мнению врача (тоже заключенного), не должны мешать мне работать. Целый месяц так ходил на работу. Часто вижу вас всех во сне».

12 апреля 1940 г.:

«Проходили снова медкомиссию. Меня признали инвалидом и поставили плести лапти. Три пары в день – норма. За это я буду получать в сутки 600 гр. хлеба, черпак супа утром, вечером тот же суп и порцию каши. До этого времени ходил на общие работы в лес, сильно истощал и ослабел. Вчера я мылся в бане, и сам ужаснулся, насколько мое тело худое, желтое, дряблое. Я буду весить не более трех пудов... Ничего так не хочу, как повидать своих детей».

10 мая 1940 года (жене):

«Дорогая Гаша! Очень жаль, что тебе приходится дополнительно оплачивать мои письма. На каждое письмо я наклеиваю марку в 30 копеек. Но их отклеивает наш воспитатель на лагерном пункте. Теперь эту сволочь перевели в другое место. Крепись, Гаша, не падай духом. Многие теперь страдают гораздо больше нас. Жалобы о помиловании подавать не буду и тебе не велю. Просят о помиловании те, кто виноват, а я не чувствую за собой никакой вины, выдумывать же на себя не могу и не хочу. Надо терпеливо ждать. Власть приказала меня взять, власть прикажет меня и отпустить».

28 августа 1940 года:

«Становится страшно, Гаша, что из дома нет никаких известий. Передумаешь много разных дум, что вы там, да как? Часто вижу вас во сне, то тебя, то Галю, то Жору

В.Л. Штыхов (в центре) с учениками в Казахстане (фото 1936 г.)

[детей]. Сны тревожные, нехорошие. Будто бью вас, ругаю и гоню от себя прочь. Особенно тебя, бил по лицу, ругал грубыми словами, плевал в лицо, гнал от себя. Но в душе я очень жалею тебя. Недавно получил из Ирбита извещение от Управления Северо-Уральских лагерей о том, что мои жалобы получены и направлены по назначению. Во всех жалобах я прошу пересмотреть мое дело и назначить открытый судебный процесс или расстрелять меня, если моя «вина» будет доказана хоть на волос».

16 сентября 1940 года:

«Вот уже три года, как я не видел и не ел никаких овощей, фруктов, мяса, молока, яиц. Я забыл даже сам вкус этих продуктов. Мне кажется, что нет ничего вкуснее на свете сои. Напишите, какой у вас урожай, какие цены на продукты?»

16 января 1941 года:

«Дорогая Гаша, пришли отказы на мои жалобы. Последний раз обращался на имя А. Жданова. Не знаю, за что такие несчастья на нас? Как видно, придется отбывать все 10 лет, а отсидел я только 3 года и полтора месяца! Ну, что же делать? Руки налагать на себя я все-таки не буду, что бы не пришлось испытать на своем ужасном пути. Дети мои путные и многообещающие в жизни в будущем. Они – моя отрада и надежда. Очень печально, что я ничем не могу вам помочь, ни материально, ни духовно. Умейте обходиться без моей помощи. Какие у вас цены на одежду и обувь? Из других мест пишут, что они очень высокие. Штаны ватные – 100 руб., ватная куртка-жилетка – 150 руб., валенки – 200, сапоги рабочие – 300 и выше. Продукты питания тоже очень дорогие. Моя верхняя одежда – одна рвань. Ты не можешь себе представить, что человек способен носить такие отрепья, в каких хожу я, но уже ко всему привык. Мне кажется, что вся жизнь устроена так, что легче жить нельзя. Прошлая жизнь кажется каким-то чудным сном и никак не верится, что это было на самом деле...»

Это письмо особенно подчеркивает личность Василия Леонтьевича. Будучи сам в катастрофическом, положении, он сокрушается, что не может ничем облегчить участь своих близких, семьи, которые оставались на воле. Видно, и сама воля при Сталинском режиме ненамного отличалась от заключения.

***

Обращают на себя следующие строки письма от 16 января 1941 г.: «Прошлая жизнь мне кажется каким-то чудесным сном и никак не верится, что это было на самом деле». Что здесь автор имел в виду?

Поколение советских людей и представления не имело о материальном достатке дореволюционного учителя. Мы помним только сакраментальную фразу Ленина о том, что задача советской власти заключается в том, чтобы поставить народного учителя на такую высоту, на которой он прежде никогда не бывал. Задачу эту большевики не решили. Не потому, что они пренебрегли заветом своего вождя или недооценили его прозорливости в отношении дела народного образования. Это не позволили сделать затратная экономика и насилие над здравым смыслом, что было характерно для всей марксистской экономической теории. Казна была пуста, экономили на всем, в том числе на школах. Перед арестом Василий Леонтьевич получал в месяц 100 рублей и пуд зерна за работу.

В этой связи небезынтересно сравнить его жизнь до революции, ведь учительствовал он с 1908 года. Денежные доходы учителей средней и низшей школы Беларуси в начале XX века значительно возросли. Рост цен на продовольственные и промышленные товары был более низким. По данным советского ис-

торика и экономиста С. Г. Струмилина, общий индекс цен в России с 1893 по 1913 гг. поднялся всего лишь на 25,3 %, тогда как годовое жалование учителей – на 50 %! Кроме фиксированных окладов учителя имели всевозможные надбавки, а также столовые деньги (т.е. на питание), а нередко и квартирные, или казенную квартиру. Причем казенная квартира существенно снижала общие расходы учителя. Ибо, если им приходилось нанимать себе квартиру, то ее цена могла колебаться в зависимости от места и благоустроенности от 150 до 300 рублей. Добавим такой любопытный факт. В 1914 году средняя цена дойной коровы в Беларуси колебалась от 40 до 50 рублей, а цена рабочей лошади – от 40 до 200 рублей, что ниже среднемесячного оклада преподавателей гимназии и реального училища. К тому же царский серебряный рубль был, свободно конвертируемой валютой, а 10- и 20-рублевые монеты чеканились из золота высокой пробы.

По закону первоначальное обучение было бесплатным, а с 1908 года (когда Василий Леонтьевич начинал свою учительскую карьеру) – стало и обязательным. С этого года ежегодно открывалось около 10 тысяч школ. В 1913 году их количество превысило 130 тысяч Если бы не произошел Октябрьский переворот и не последовала гражданская война, то обязательное начальное обучение было бы уже давно свершившимся фактом.

Впрочем, Россия и так почти достигла этого результата. Анкета, проведенная советской властью в 1920 году, установила, что 86 % детей в возрасте от 12 до 16 лет умели писать и читать. Несомненно, что они обучались грамоте при дореволюционном режиме.

* * *

Лагерные письма, безусловно, подвергались цензуре. Писать можно было только на бытовые темы, разрешенные начальством. Поэтому мы не находим в них описания чудовищного произвола властей, надругательства над человеческой личностью, террора уголовников. Не пишет Василий Леонтьевич и о тех, с кем приходилось встречаться в лагерях, о чем беседовали и спорили заключенные между собой. Все это осталось за «кадром», объясняться приходилось намеками. Самое главное в тех условиях было подать весточку на волю, сообщить, что еще жив.

С особой силой письма рисуют его отношение к своим детям: старшему Жене, дочери Галине и младшему 12-летнему Жоре. Они полны тепла и ласки, родительского беспокойства и заботы. Прикоснемся снова к некоторым письмам.

10 марта 1940 г.:

> «Здравствуй, мой милый сыночек Жора! Славный ты мальчик, что помогаешь маме: ходишь в очередь за хлебом, оттребаешь снег. Исполни мою отцовскую просьбу. Не кури, не бери даже в рот эту гадость, не божись, не ругайся ни на кого, не употребляй матерных слов, не воруй ничего ни у кого, как бы ты сам не нуждался... Я люблю тебя и жалею больше себя самого, поэтому ничего от меня не скрывай».

10 мая 1940 г.:

> «Милый Жора! Ты моя радость, гордость и надежда! Какие чудесные ты прочитал книги! На каникулах налегай на Гоголя, язык произведений которого необыкновенно легок и красив. Читай не для того, чтобы прочитать книгу. Делай это не спеша, вникай в смысл прочитанного. Иногда реши задачку на простые дроби, иногда на де-

сятичные. Если задача не выходит у тебя сегодня, то принимайся за нее завтра. Будь настойчив. Загорай и купайся на Днепре, но осторожно, чтобы не утонуть. До свидания. Твой папа».

28 августа 1940 г.:

«Дорогой мой Жора! Кончаются последние дни летних каникул. Ты переходишь в шестой класс. Я знаю, что вы теперь бедствуете. Вы ничего не посеяли и работать не можете, а мама больна. Вы бедно одеты и обуты, но все это временное. Не падай духом, учись, читай книги. Знай, что плохая дружба к хорошему не приведет. Не один ты такой, есть много детей, живущих гораздо хуже, чем ты».

16 января 1941 г.:

«Дорогой сыночек! Не обижайся, что я в твоем письме (отсылаю его тебе обратно) подчеркнул твои ошибки. Мне больно смотреть на это и еще больнее молчать... Есть описки, не поставил «Ь» в слове теперь. В простых предложениях не отделяешь запятой односложных членов. В сложных предложениях не ставишь запятую перед союзом «НО». Со стороны красоты и стройности почерка я желал бы тебе лучшего. Милый сынок, контролируй каждое свое слово, сказанное или написанное, чтобы оно было сказано или написано правильно. Приобретай хорошие навыки в письме или разговоре. Знай, что полезные навыки сами не приходят, их нужно добывать упорным кропотливым трудом».

22 января 1941 г.:

«Жора! Я советую тебе свободное время посвящать чтению художественной литературы XIX в. Это хорошо, что ты прочитал «Три мушкетера», но обрати больше внимания на Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Толстого, Чехова и др. Для новой советской литературы ты еще молод».

Эта последняя фраза коротенького письма к сыну — «для новой советской литературы ты еще молод» — меня сразила. Василий Леонтьевич, оценивая прожитую жизнь, вспоминая все хорошее и плохое, что довелось ему в ней пережить, в сталинских застенках по-новому воспринимал советскую действительность 30-х годов. Ах, какими ложными оказались многие идеалы, сколько не сбылось надежд! Но как сказать об этом сыну, минуя тюремное начальство, как хотя бы намекнуть?! Отсюда совет читать и перечитывать то, что оставили великие русские гуманисты XIX века.

Евгений Васильевич Штыхов (фото 1937 г.)

Русскую классику, питавшую своими нравственными идеями весь цивилизованный мир, вытеснили насильно классики марксизма-ленинизма. В стране не хватало учебников. Зато фантастическими тиражами издавались «светочи» официальной идеологии. В 30-е годы с гордостью говорили о том, что Маркс и Энгельс изданы в СССР тиражом в 7 млн. экз., Ле-

нин – 14 млн., Сталин – более 60 млн. экз. (!) Но, чем больше печаталось в стране классиков идеологии, включая таких поздних корифеев, как Брежнев, Суслов, Черненко, Лигачёв, тем меньше становилось пищи реальной.

Жора Штыхов, ученик 5-го класса (Речица, 1940 г.)

При советской власти финансовая база народного образования оказалась серьезно подорванной, особенно начального. Роспуск земств нарушил систему воздействия интеллигенции (учителей, врачей, агрономов, статистиков) на народ и иссушил такой важный источник средств народного образования, как местный бюджет и благотворительные фонды. Это был ощутимый привесок к ассигнованиям из государственной казны. Школьные учреждения и особенно на селе были посажены на «сухой» госпаёк, стали жертвами «остаточного принципа». Денег для партии, армии, органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–КГБ, для финансирования «интеробязательств» за границей хватало, не было их только для школы и культуры.

Сталин часто называл себя учеником Ленина, причем самым верным и исполнительным. Примем это утверждение за основу, но что же сам Владимир Ильич? Ленина интересовал не человек, а «совокупность общественных отношений». По мнению вождя (не будет лишним напомнить, кем был отец В.И. Ульянова) – «в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма». Из этого прямо вытекало, что человеком можно пожертвовать во имя коммунистического идеала.

Подводя итоги первого десятилетия советской России, Н.И. Бухарин с гордостью говорил:

> «Мы создаем и создадим такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит «собачий вальс» перед героическими симфониями Бетховена».

Увы, сегодняшняя действительность такова, что о симфониях лучше не говорить. В «парках культуры», в школах, на улицах, в магазинах, общественном транспорте долгие годы тон задавал откровенный и, чаще всего, подвыпивший хам, которому все сходило с рук, потому что он был защищен «социальным происхождением». В результате нашей «культурной революции» мы получили почти генетический тип «люмпена».

Но вернемся к письмам тех нелегких предвоенных лет, когда провалившиеся сталинские пятилетки довели советских людей до нищеты, когда военные расходы СССР выросли до умопомрачительных размеров, высасывая все соки из народного хозяйства. На пороге стояла война за передел мира, а дома советский порядок не позволял ни подняться человеку в полный рост, ни вздохнуть полной грудью.

31 января 1940 г.:

> «Здравствуйте, мои дорогие! Спасибо за посылочку сухарей /разрешалось до 2 кг/. Больше не посылайте, вы сами сильно нуждаетесь, а я тут как-нибудь проживу. Спасибо за бумагу и конверты, в них у меня большая нужда. Спасибо за фотокарточ-

ки, я часто любуюсь на них, и мне становится легче. Пусть дети пришлют мне свой рост и вес в килограммах и сантиметрах, я хочу узнать, насколько они выросли без меня. Прошу вас всех, уступайте всем и за всё, не сердитесь и не мстите ни за какие обиды. Поскорее забывайте обиды и не заводите себе личных врагов. Нет ничего опаснее и вреднее, чем личный враг, особенно в переживаемое нами время. В любую минуту он способен оклеветать и уничтожить шутя. У нас ходят слухи, что скоро будет пересмотр следствия, что лагеря закроют, а заключенные будут отбывать свои сроки, если их не освободят, по месту прежнего жительства. Но пока это только слухи и нужно терпеливо ждать».

И, наконец, последнее письмо.
16 июня 1941 г.:

«Милая Гашенька! Ах, какое несчастье тебя постигло! На работе не заплатили обещанные 100 рублей /уборщица в школе/, квартиранты не отдали плату за 4 месяца, жить не на что. Такова участь всех слабых и беспомощных, но опускать руки нельзя. Кто не может бороться, тот должен погибнуть. Но погибать еще рано, ведь мы еще и не жили. Нужно крепиться, скоро ты получишь помощь от детей, а пока им нужно помочь стать на ноги. Я, как инвалид, работаю дневальным по бараку. Есть свободное время, читаю газеты, если удается их достать, слушаю радио о военных действиях в Европе, Азии и Африке. Одежонку и обувь дали. Я благодарю небо, что не привык курить. Ох, какое это для меня счастье в условиях лагеря. Очки мои украли два года назад, а с месяц назад я нашел стекло от сильно увеличивающих очков и читаю через него великолепно. У меня выпало 7 коренных зубов, жую пока корнями левой челюсти. Здесь можно вставить зубы из нержавеющей стали – 10 руб. за зуб, но я пока обхожусь. Если бы ты знала, моя дорогая, как бы я хотел помочь в твоем горе, но на мою долю остались только тоска, слезы и нетерпеливое ожидание весточек из дому».

Переписку прервала война. Остается только гадать, как Василий Леонтьевич воспринял известие о нападении Германии на Советский Союз, как лагерное начальство после этого ужесточило режим и как оскудел продовольственный паёк, насколько беспощадными стали принудительные работы. Но больше всего, как мне кажется, сердце больного учителя терзали неизвестность и страх за свою семью, которая могла остаться на оккупированной территории. Так оно и произошло...

* * *

Здесь нужно сказать несколько слов о том, как жила семья. Старшего сына учителя, Евгения, исключили со второго курса Речицкого педтехникума, как ЧСИРа (члена семьи изменника Родины). Пришлось ему перебраться в Гомель, скрывать свою настоящую биографию, так только и удалось закончить десятилетку. Потом Ленинград, педагогический институт имени Герцена. Вуз закончил досрочно весной 1941-го. Несколько месяцев поработал учителем в городе Тихвине, на каникулы приехал к родным в Речицу. Там и застала его война.

В июле 1941 года немцы были уже под городом. Железная дорога бездействовала, и для эвакуации из Речицы оставался только один путь – на пароме через Днепр. Мать сказала Евгению: «Иди защищай Сталина, ведь он тебя учил!» На что тот ответил: «Пойду защищать, но не Сталина, а Ленинград!» Видно, закрались в его душу уже тогда большие сомнения в отношении «великого вождя народов». Пойти в Речицкий военкомат он не захотел, ведь здесь знали, что он

сын «врага народа». Поехал обратно в Ленинград через Москву, которую уже бомбили.

Как бесценную домашнюю реликвию хранит младший Жора последнее письмо старшего брата, написанное на листке из школьной тетради и достигшее адресата в Речице.

«Здравствуй, мама! Я в Ленинграде. Доехал благополучно. Сегодня в 10 часов еду в военкомат, меня куда-то пошлют – не знаю куда. Вчера я туда явился, прошел медкомиссию и признан годным для строевой службы. Направят, очевидно, учиться. Все мои товарищи находятся в военных училищах. Из студентов нет уже никого здесь (из мужчин). Женщины отбывают трудповинность. Здесь все продукты по карточкам. Как вы живете? Между прочим, ситец и одежду здесь выдают тоже по карточкам. Не знаю, где у вас (в Белоруссии) фронт. Где Галя? Никуда не едьте – хуже сделаете. Беженцев целые потоки, дороговизна ужасная. Живите, пожалуйста, на месте. Смотрите сами, я вам ничем не помогу. Обо мне не беспокойтесь. Я ехал через Москву. Написал вам письмо из Гомеля, открытку из Брянска, заказное – из Москвы. Пока все. Будьте здоровы и счастливы. 31.VII.41. Женя».

Евгения Штыхова нельзя было причислить ни к «ворошиловским стрелкам», ни к «сталинским соколам», но он был настоящим патриотом. Несмотря на жестокую обиду, причиненную государством – арест отца – он пошел добровольно защищать Родину и погиб, или пропал без вести, согласно одному извещению – в 1943 году, а по другому – в 1944. Семья Василия Леонтьевича осталась в оккупации. Находились в Речице, перебивались, как могли, пахали «сотки» на себе, ходили в лес собирать желуди. Жили, как все. В ноябре 1943 года Речицу освободили войска Красной армии.

Шло время, страна залечивала раны, восстанавливала народное хозяйство. Все возвращалось в прежнее русло, не было только никаких известий от Василия Леонтьевича. Куда ни обращалась Агафья Иосифовна, во всех инстанциях сухо отвечали: «Не беспокойтесь, вам сообщат...».

Галина пошла по стопам отца и старшего брата. После окончания Речицкого педтехникума и Гомельского педагогического института учительствовала в школе, преподавала историю в сельскохозяйственном техникуме.

Младший сын Жора, к которому Василий Леонтьевич неоднократно обращался со словами надежды и мудрых родительских наставлений, тоже обнаружил тягу к учению. Сначала по совету знакомых он поступил в Гомельский железнодорожный техникум, но через год его бросил – не лежала душа к машинам. Надумал поступать не куда-нибудь, а в Ленинградский государственный университет на философский факультет. Мать сокрушалась: «Опять политики захотелось? Мало тебе отца, забыл, что он тебе говорил?» Действительно, Василий Леонтьевич не раз сетовал и в письмах: «Пусть будет инженером, врачом, агрономом, кем угодно, но не лезет в гуманитарии...»

Однако родительские гены, пример брата и сестры, выбравших педагогическое поприще, пересилили. Правда, была еще одна причина. Уж очень хотелось самому разобраться, постичь до конца, что же было не так? Почему столько бед свалилось на головы советских людей, его родных? Почему и за что арестовали отца, в невиновность которого он по-прежнему свято верил. Поступить

в университет удалось, не указав в анкетных данных, что отец находился в заключении.

В Ленинграде Георгию пришлось увидеть многое. Конечно, великолепие бывшей столицы царской империи, грандиозная архитектура, музеи и выставки, театры, сама атмосфера великого города наложили глубокий отпечаток на сознание беларуского юноши. Наконец, книги, к которым он получил возможность прикоснуться, общение со сверстниками-студентами со всего Советского Союза, профессура с мировыми именами, которая читала лекции – поглощали всего Георгия без остатка.

Но, как это часто бывает, чем больше приходило знаний, тем чаще стали появляться и сомнения. 1947–1952 годы в советской истории были временем постоянных «дискуссий», идеологических проработок, апофеоза культа личности Сталина. Потом довелось стать свидетелем «Ленинградского дела», арестов тех студентов, кто неосторожно обронил непривычное слово, дал нестандартную оценку явлениям общественной жизни.

Арест отца, жизнь на оккупированной территории, постоянная нужда в родительском доме не могли не сказаться на мировоззрении юноши. Он все больше искал ответы на свои вопросы. Он уже понял, что история – это не сумма фактологических знаний о том, какие события следовали в прошлом одно за другим. История – это еще и проникновение в душевный мир других людей, взгляд на ситуацию, в которой они находились, их глазами, и решение для себя вопроса: правилен ли способ, с помощью которого они хотели справиться с этой ситуацией?

В 1950 году Георгию пришлось оставить учебу на философском факультете, ибо стала реальной опасность повторения участи отца.

В марте 1953 года умер Сталин, привычное равновесие Административной системы нарушилось. Зашатались устои общественной жизни, но коммунистическое мировоззрение осмеливались ставить под вопрос лишь очень немногие. 1956 год стал громом среди ясного дня, хотя к нему люди готовились исподволь. Из лагерей стали приходить несправедливо оклеветанные, кто еще уцелел. Изменилось и отношение к семьям «врагов народа», им начали отвечать на запросы. Так стало известно, что Василий Леонтьевич умер в заключении.

С горечью приходится констатировать, что надежда учителя на прижизненное освобождение и реабилитацию не сбылась. Он разделил судьбу миллионов советских людей, ставших безвинными жертвами Системы тоталитаризма.

30 марта 1940 г. Василий Леонтьевич писал родным:

> «Не покидает надежда, что рано или поздно меня должны освободить. Буду терпеть и ждать. Ничего так не хочу, как повидать своих детей. Часто вижу вас всех во сне, пришел, кажется, домой. Вы меня встречаете, а я целую вас и плачу от радости. Проснувшись, я часто думаю, дождусь ли того времени, когда буду вволю наедаться той картошки, которую у меня отказывались есть свиньи. Целую вас всех. Пишите».

Вместо надежды на встречу Агафья Иосифовна в 1957 году получила свидетельство о смерти своего мужа, в котором говорилось, что он «умер 13 апреля 1943 г. в возрасте 54 лет. Место смерти: город Уральск, причина – сотрясение мозга».

Безутешно зарыдала Агафья Иосифовна, причитая: «Замучили человека безвинного, сгноили живого, ни за что. Может, убили обессиленного, когда был больше не в силах подняться».

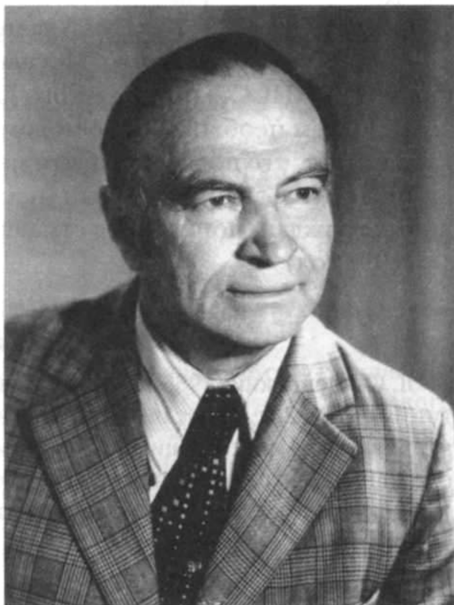
Нужно было добиваться посмертной реабилитации, для чего вдове и детям потребовались еще несколько лет. В мае 1958 года постановлением Президиума Западно-Казахстанского суда дело мужа и отца было прекращено, иначе говоря, снята судимость 1937 года за «антисоветскую пропаганду». В июле 1962 года Верховный Суд БССР после вмешательства прокурора Республики, наконец, отменил постановление тройки от 25 мая 1933 года и реабилитировал его «за отсутствием состава преступления». Казалось, справедливость восторжествовала...

Но боль невозвратимой утраты оставалась. С нею жили дети и вдова сельского учителя.

* * *

По-своему складывались судьбы детей. Галина учительствовала в Речице, а Георгий (Жорочка) работал в Гудогайской школе Островецкого района, Сутковской школе Лоевского района, что не очень далеко от Речицы. Затем в Полесской школе Чечерского района. Два этих района богаты археологическими памятниками, которые особо заинтересовали пытливого молодого учителя.

В 1956 году Георгий закончил заочно истфак Белорусского государственного университета, где слушал лекции известного археолога Алексея Григорьевича Митрофанова, с которым потом многие годы вместе работал. В 1959 году поступил в аспирантуру Института истории Белорусской Академии наук по специальности археология, затем защитил кандидатскую и докторскую диссертации о древних городах Полоцкой земли-княжества.

Профессор Георгий Штыхов в 1988 году

Здесь уже настало время открыть имя сына нашего героя. Это Штыхов Георгий Васильевич (родился 14 июля 1927 года), один из видных белорусских историков, человек исключительно трудолюбивый, честный и достойный. Он всю жизнь старался оправдать веру отца в то, что является его «надеждой и гордостью, опорой и верой». Жорочка, в пять лет оставшийся без отца, не утратил с ним духовную связь, даже когда отца не стало (1942 г.). Жил его именем, трудами и идеалами.

Перу доктора исторических наук, профессора, лауреата Государственной премии БССР Г.В. Штыхова принадлежит сыше 300 научных работ, в том числе 10 монографий. Наиболее известные среди них: «Города Полоцкой земли IX–XIII вв.» (1978), «Ажывюць сівыя стагоддзі» (1982), «Крывічы» (1992), «Старажытныя дзяржавы на тэрыторыі Беларусі» (2002).

Он соавтор двух изданий истории БССР (1972, 1977 гг.), «Нарысаў гісторыі Беларусі» (1993–94 гг.), член редакционного совета «Беларускай энцыклапедыі». Под его руководством многие аспиранты выполнили свои научные исследования и защитили диссертации.

Это ли не доказательство того, чего способен достигнуть человек, с которого снято клеймо сына «врага народа»? Но как быть с теми, кто ставил это клеймо, кто творил чудовищный произвол, имя которому – сталинщина?!

Профессор Г.В. Штыхов обратился с официальным запросом в КГБ БССР. Ему уклончиво ответили, что дело отца за 1937 год находится в ведении сотрудников Управления КГБ Казахской ССР по Уральской области. Написал туда и 16 августа 1991 года получил сообщение, что уголовное дело Василия Леонтьевича Штыхова направлено в КГБ БССР и там можно будет ознакомиться с ним на месте. В конце письма была сделана приписка: «Если Вы захотите посетить места, где жил и работал Ваш отец, то со стороны УКГБ по Уральской области Вам будет оказано всяческое содействие».

События 19–21 августа 1991 года потрясли страну. Уже 24 августа был демонтирован памятник «железному» Феликсу на Лубянке в Москве...

В начале сентября профессора Штыхова вежливо пригласили в здание КГБ на Ленинском проспекте и ...дали ознакомиться с уголовным делом отца, насквозь фальшивым по своему содержанию, с явно надуманным и сфабрикованным обвинением. В практике «органов» это был один из немногих случаев, когда сын смог посмотреть страницу за страницей такие материалы. Дело в том, что до сих пор сохраняется в силе правило не раскрывать агентуру службы безопасности даже 50–70-летней давности. Без сомнения, в данном случае «помогли» августовские события в Москве и падение несостоявшейся хунты узурпаторов из ЦК КПСС – пресловутого ГКЧП.

Нам всем необходимо по-новому оценить свое прошлое. Видимо, правы те, кто считает, что после всего, что мы узнали о революции 1917 года, она предстала кровавым фарсом, который унес с собой и тех, кто его затеял, и миллионы рядовых граждан, попавших в страшные жернова.

(1992 год)

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Л. Смиловицкий (1955 г.р.) родом из Речицы. В 1977 году окончил Минский пединститут. В 1980–92 гг. работал преподавателем в Институте культуры. В 1984 защитил в БГУ кандидатскую диссертацию по истории. В конце 1992 эмигрировал в Израиль. С 1995 — сотрудник Центра по изучению еврейской диаспоры при университете Тель-Авива. Защитил докторскую диссертацию. Автор многих статей и ряда книг.

НЕСГИБАЕМЫЙ БЕЛАРУС: НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ УЛАЩИК

Олег ГОРДИЕНКО

Воспоминания Николая Улащика, крупнейшего беларуского академического историка XX века, публиковались сначала в периодической печати. Наиболее значительным среди них была «Хроника» – воспоминания об основных событиях его жизни до 1955 года: детские годы, сталинские тюрьмы и лагеря, жизнь между арестами. «Краеведение» открыло новую страницу – Улащик пишет здесь о студенческих годах. Нет в «Краеведении» того академизма, который представляется неотъемлемой частью Профессора Истории, со страниц книги на нас смотрит веселый 20-летний студент Микола.

В предисловии Виталий Скалабан рассказывает, что в примерно в 1970 году Николай Улащик сам принес в библиотеку Академии Наук БССР рукопись под названием «Краеведение: Заметки о скитаниях в 1924–1929 гг.». Она состояла из 12 ученических тетрадок, связанных в один блок.

Текст написан тарашкевицей, хотя Скалабан датирует ее периодом между 1937 годом и июнем 1941 (на трех тетрадках указана дата выпуска – январь 1937 года, а слово «довоенный» Улащик употребляет в отношении Первой мировой войны). Суть этого замечания в том, что использование классического беларуского правописания могли тогда приравнять к преступлению.

В 1935 году Улащик после отбытия срока лишения свободы вышел на волю и начал вынужденное странствие по СССР. Чтобы избежать повторного ареста и неминуемого в этом случае расстрела приходилось регулярно менять место жительства. В 1939 году он приехал в Ленинград, устроился школьным учителям. Наверно, тогда и записал свои воспоминания в обычных школьных тетрадях, имевшихся под рукой. Но писал их не с позиции 30-летнего человека, у которого за плечами – сталинская тюрьма, а в духе 20-х годов, жизнерадостном и динамичном.

Справка: Николай Николаевич Улащик (1906–1986) – беларуский историк, археограф, археолог, этнограф, краевед, литератор.

Основные печатные труды: «Нарысы па археаграфіі і крыніцазнаўству гісторыі Беларусі феадальнага перыяду» (1973); «Введение в изучение белорусско-литовского летописания» (1985); «Хроніка: Аўтабіяграфічныя нататкі» (1991); «Хроніка II: Аўтабіяграфічныя нататкі» (1993); «Навальніца: Аўтабіяграфічныя нататкі» (1999); «Працы па археалогіі і крыніцазнаўству гісторыі Беларусі» (1999); «Мемуары і дзённікі як крыніцы па гісторыі Беларусі» (2000); «Краязнаўства: Нататкі пра бадзяньні ў 1924–1929 гг.» (2000); «Выбранае» (2001).

1

Советская (или, если кому-то больше нравится, Восточная) Беларусь середины 20-х годов. Канула в Лету эпоха военного коммунизма, набирал обороты

---

* Журнал «Arche», № 4/2000. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

НЭП. Еще далеко до политических судебных процессов 30-х. Даже суд по делу Юрия Листопада в 1925 году был чем-то вроде исключения из правила.

Измученные фронтами, оккупациями и реквизициями крестьяне советской Беларуси потихоньку вставали на ноги, взамен старых покосившихся хат строили новые, более просторные. Через несколько лет хозяйства коллективизируют, скотину обобществят, большие дома заберут для колхозной администрации, крестьянские семьи – нет, не расстреляют, вышлют на Север или в Сибирь, «исправляться».

Советская Беларусь в 1921–28 годы – последний момент сытой жизни, золотая пора крестьянской, деревенской, исконной Беларуси, легенда беларуских национал-коммунистов. Своего рода затишье перед кровавым потопом. Но и этого антракта, в тактических целях разрешенного Москвой, хватило, чтобы «беларуское движение росло в геометрической прогрессии». Национально сознательные беларусы перестали быть новинкой, чудом. Все же достижения беларусизации были невелики и непрочны. Улащик вспоминал:

> «В газетах и разных изданиях все время писали о переходе учреждений и государственного аппарата на беларуский язык. Это считалось показателем революционности... Как помнится, на последнем месте стоял Витебск... Можно сказать, что в 1926 году и далее говорить по-беларуски среди молодежи стало модным... Все это, однако, не приобрело настоящего массового движения, и когда курс изменился и говорить по-беларуски стало опасно, большинство отреклось своего языка».

В 1924–26 годы произошли два укрупнения БССР. Улащик подтверждает сложность момента:

> «У нас повсюду говорили, что могилевчане присоединялись равнодушно, но витебляне упирались изо всех сил».

На то время приходится начало краеведческой работы. Сегодня существует стереотип, что в движении беларусизации главным «мотором» был Беларуский госуниверситет. Улащик оценивал его роль куда скромнее:

> «Ун/иверсите/т ... уделял слишком мало внимания и этой республике, и народу. Профессоры съехались со всех концов России. Их работа совсем не была связана тематически с Беларусью».

Несмотря на декларации о беларусизации, беларусов в университете было в 20-е годы не более одной трети. В 1926/27 учебном году только 31% учебных предметов в БГУ преподавали на беларуском языке. Смешно сказать, но во всей БССР существовал лишь один ВУЗ (если можно назвать его ВУЗом), где преподавание было только на беларуском – Могилевская высшая советско-партийная школа. Занятно, что «равнодушная» сегодня Могилевщина была тогда авангардом беларусизации.

Университет, о котором мечтал Улащик-националист, разочаровывал на каждом шагу. Он признается:

> «Кто говорил по-беларуски, тот был приятелем, кто по-русски – тот чужим. И приятелей были редкие единицы, а чужих – масса».

Николай и его единомышленники искали выход своей энергии в краеведении. Так в конце 1924 года в БГУ появился краеведческий кружок. На учредительное собрание пришли 9 человек. Никифора Чернушевича избрали председе-

дателем – по его собственному предложению, Николая Улащика – секретарем. На следующий день он написал заметку в «Советскую Беларусь» о создании новой организации.

Весной 1925 года состоялись первые исследовательские экспедиции: раскопки курганов вокруг Минска и краеведческая экскурсия в Койданово и койдановский замок. Состояние замка вызвало ужас:

> «Издалека он выглядит красиво: на холме, весь в зелени. Стены, башни, в середине – собор строгой архитектуры. Через ворота входим в замок и переполняемся злостью. Замок ужасно грязный. Место, куда должны приезжать отовсюду экскурсии, представляет собой какой-то закут, кучу грязи. В самой большой башне содержатся свиньи. Навоз из этого хлева течет по замковой горе».

В 1926 году Улащик поехал в Ленинград, с целью ознакомления с тамошней краеведческой работой. В поезде разгорелся спор о существовании беларуского этноса. Оппонент, по словам автора, доказывал попутчикам в вагоне, что самостоятельного беларуского языка не существует. Улащик, который перечитал горы книг о беларуской истории и культуре, высмеял дореволюционные теории западнорусизма, взятые на вооружение студентом-белорусофобом. Со свойственным ему юмором он пишет:

> «Загнав в трубу первого, я начал задирать, вызвать на споры других и всех положил на обе лопатки... Я был полностью удовлетворен. Противники не отваживались вылезать».

Выяснилось, что в Ленинграде краеведческая работа отсутствовала. Николай вернулся домой, преисполненный гордости за краеведов БГУ.

Скромно он рассказывает о первом краеведческом съезде, состоявшемся в феврале 1926 года, сообщая об этом буквально одной строкой, хотя на съезде присутствовали весьма известные люди. В конце книги приведен список 146 делегатов съезда. Среди них Максим Горецкий, Дмитрий Довгялло, Митрофан Довнар-Запольский, Дмитрий Жилунович, Язэп Дыла, Всеволод Игнатовский, Степан Некрашевич, Владимир Пичета, Андрей Шешелевич, Александр Червяков, Бронислав Эпимах-Шипило, Кондрат Атрахович (Крапива), Петрусь Бровка и им подобные деятели.

Впрочем, существовали веские причины на то, чтобы не уделять внимания этому съезду. Было время разгула репрессий, большинство участников съезда находилось за решеткой. Воспоминания о них представляли еще большую опасность, чем письмо тарашкевицей. Улащик не мог гарантировать, что однажды его заметки не используют в качестве обвинительного документа против него же.

От походов в окрестностях Минска студенты перешли на новые рубежи. Следующий раздел книги «Краеведение» – «Туровщина», описание путешествия на Полесье. Турову и туровской земле достается от автора «на орехи». Туровщина, бывшая некогда колыбелью беларуской державности, теперь представляла досадное зрелище – забитый, бедный, ужасающе убогий край. Улащик подробно описывает быт, одежду и жилища полешуков, иронизирует в связи с их неопрятностью:

«В Радзиловичах мы однажды увидели девочку, мурзатость которой превышала даже все полесские нормы. «Тетя, – спросили мы у ее матери, – моете ли вы когда-нибудь свою дочь?» Мать, которая возилась возле печки, флегматично взглянула на свое потомство и ответила: «Вот, когда идет дождь и в канаве есть вода, то она полощется, а когда воды нет, то где же мыться». Глядя на поникшую, серую фигуру матери, на ее нищенскую хату, мы ничего не сказали».

Улащик в годы творческого расцвета

Полесье, открыл для себя Улащик, не похоже на центр Беларуси ни образом жизни, ни антропологическим типом населения:

«Если бы Полесье раньше не входило в состав Минской губернии, то не быть бы ему в составе Беларуси. Житель Полесься никогда не называет себя ни беларусом, ни украинцем. Он – полешук. Это ему твердо известно и сейчас, и в прошлом, когда у нас еще жили «тутэйшыя». Кстати, нас, беларусов, полешуки до сих пор называют литвинами, а край – Литвою».

Туровская экспедиция принесла славу исследователям, благодаря чему на следующую экспедицию – в Полоцк, удалось получить некоторую сумму из государственного кармана. Но вторая древняя столица Беларуси тоже не произвела впечатления на молодого Улащика. Он испытал сильное разочарование, так как надеялся увидеть город с прочными историческими традициями:

«Город, который /как/ никакой другой город Беларуси насыщен историческими памятниками, – он совсем заброшен... а сами современные полочане знают о своем городе столько же, сколько знают и другие жители о своем – т.е. ничего... Всех нас огульно позже обвиняли, что мы копались в старине, что интересовались и описывали замки, церкви. Эти люди не хотели знать или, может, в самом деле не знали, что в XI–XII веках в городах не было дворцов культуры и рабочих клубов».

Впечатляет та объективность, с какой Николай Улащик смотрит на Беларусь 20-х, остававшейся местечковой, серой, погрязшей в мелочных проблемах. Молодые романтики не могли смотреть на все это без боли в душе. Достаточно напомнить описание путешествия на Лысую Гору, самую высокую точку тогдашней БССР (Святая Гора оставалась в Западной Беларуси). Лысая Гора оказалась небольшой площадкой земли, которую полностью загадили свиньи. Но все же элемент восхищение присутствовал:

«Вокруг, насколько достает глаз, видны холмы, ложбины, лесочки. Обзор для Беларуси чрезвычайно широкий».

А следующая фраза – со скрытым смыслом:

«На западе, где опускалось солнце, была видна кучка новеньких домиков – это уже Западная Беларусь у поляков».

Начиная с 1927 года Улащик три лета подряд ездил в Украину. Любимым городом стал для него Киев:

«Днепр, каштаны на улицах, с самого утра на улицах появлялись молодые молочницы, смуглые и вообще привлекательные. Привлекательность помимо прочего им придавала одежда, белые их кофточки были у всех с разными узорами, вышитыми от руки, поверх этих кофточек были легкие безрукавки. В 20-е годы Киев имел почти чисто украинский характер: на улицах и вообще везде говорили по-украински: нам было завидно».

2

Николай Улащик родился 14 февраля 1906 года (1 февраля по старому стилю) в деревне Вицковщина, что в 20 км от Минска, на прежнем большаке Минск — Варшава. Дед по матери был униатом, об этом Н. Улащик сообщил в письме Адаму Мальдису:

«Деда при переводе в православие долго били, но, став православным, он сохранил униатскую икону или даже несколько их».

Многодетность семьи заставляла родителей думать о будущем детей. Николай Улащик-старший поступил традиционным для беларуских крестьян способом. Чтобы не дробить хозяйство, он обещал его одному из сыновей, а остальных решил учить, в том числе и Николая-младшего. Окончив реальное училище (уже в советские времен) он посещал в Минске вечернюю школу и мечтал об университете.

С мая 1924 года Улащик работал секретарем в Книжной Палате при Беларуской государственной и университетской библиотеке (в мае 1926 года библиотеку разделили на две: собственно государственную, нынешнюю национальную, и университетскую).

Это громко сказано — Палата. Первые два года Николай был единственным сотрудником этой палаты. В 1926 году в Государственную Библиотеку пришел новый сотрудник, который год назад вернулся из эмиграции — бывший руководитель слуцких повстанцев Владимир Прокулевич. Несомненно, что Прокулевич и Улащик встречались в здании библиотеки и разговаривали между собой, но о чем? На страницах «Хроники» Николай вскользь обронил фразу насчет разговоров со знакомым хлопцем-балаховцем, но не указал, где происходили эти встречи. То же самое и с Прокулевичем.

В 1924 году Николай успешно сдал все экзамены на социально-историческое отделение педагогического факультета, но 8 октября его вычеркнули из списка поступивших. Что случилось?

Дело в том, что Улащик оказался сыном кулака, то есть сельского «буржуя». В справке, представленной им в канцелярию БГУ, было отмечено, что отец имеет 24 десятины земли, трех коров, трех лошадей, трех овец и двух свиней. Классовое чутье подсказало правлению БГУ: сын кулака способен испортить своим вредным влиянием детей пролетариев и кухарок. Вступиться за Улащика попытался поэт Станислав Шушкевич (отец будущего первого руководителя независимой Беларуси), так уже на следующий день в стенгазете появилась карикатура, изображавшая юного кулака Улащика и подкулачника Шушкевича.

Улащик всеми способами боролся за восстановление. Сначала обратился за помощью в Главпрофобр, откуда в Правление БГУ прислали записку с просьбой

зачислить Николая в студенты. Правление проигнорировало и эту просьбу. За Улащика вступился деканат педагогического факультета, но ему ответили:

«Вследствие того, что гр. Улащику отказано в приеме как местной, так и центральной приемной комиссией и принимая во внимание поданые на него отводы, просьбы его отклонить».

Скорее всего, ничего бы не вышло с восстановлением, но тут пригодилось Краеведческое общество БГУ, где ректор Пичета был председателем, Улащик – секретарем. Пичета помог восстановиться в рядах студентов. Но на этом беды не кончились. Еще дважды его исключали из «альма-матер». А вместо того, чтобы платить стипендию, с Улащика стали брать плату за обучение. Мотивация все та же: кулацкое происхождение.

Пять лет прошли быстро, вот уже сданы выпускные экзамены. В мае 1929 года, за месяц до выпускного вечера, в профком педагогического факультета поступило письмо, которое надо привести целиком, чтобы сохранить колорит той эпохи:

«В профком Трудпросвета Педфака от члена Трудпросвета Ю. Ерофеева.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Будучи в подшефной деревне Гриченского с/с, мне по делам организации коллектива пришлось проводить работу с батраками деревни Витьковщина соседнего Рубилковского с/с Самохваловичского р-на. В процессе работы по заявлению батраков было выяснено следующее: Улащик Н.Н., студент Педфака 4 курса социально-исторического отделения происходит из д. Витьковщина Рубилковского с/с Самохваловичского р-на, отец которого «знаменитый эксплуататор» (слова батраков) имеет 35–40 десятин земли, имел 2-х батраков, но считая, что профсоюз устанавливает высокую ставку, решил подённо нанимать. Имел несколько взысканных штрафов за неимоверную эксплуатацию батраков. Имеет два дома, причем 1 дом сдает летом под дачу, приезжающим и отдыхающим. Вместе со всем упомянутым он же и церковный староста в Витьковщине, за что также получает прибыль. На мой вопрос, приезжает ли сын к отцу, ответ был утвердительный. Кроме того, те же батраки сообщили, что отец упомянутого студента записал 5 душ лишних для получения большего количества земли. Записаны две дочери, одна из них в Минске учительница, получает 130 рублей, замужем за директором техникума (не знают какого), вторая на иждивении упомянутой и учится в техникуме. Один сын закончил политехническую школу в Ленинграде и работает. Все эти души записаны для землеустройства.

Считаю недопустимым такое дело и прошу обратить внимание профкома на это дело, предварительно проверив, по каким документам принят Улащик. О действительности мной описанного ранее подтвердил председатель батрачкома Майоров, председатель Гричинского с/с т. Савчук, который живет всего 1 км от Улащиков.

Заявитель Ю. Ерофеев».

Но несмотря на этот донос, Улащик получил диплом. То ли такие доносы были обычным явлением для ГПУ, то ли это ведомство уже «держало» Николая для более важного случая.

3

В 1930 году был дан ход фальсифицированному делу «Союза Освобождения Беларуси». В этом грандиозном, хотя и скверно поставленном спектакле было занято много актеров. Для Улащика нашлась одна из самых «престижных».

Надо сказать, что он предчувствовал арест, да и как было не чувствовать, если вокруг хватали друзей, преподавателей, коллег по учебе и краеведческой работе. Арестам способствовала тотальная система доносительства. Как вспоминал Улащик, улицы Минска пестрели объявлениями типа «в такой день чистку будет проходить такой-то, давайте на него компрометирующие материалы».

Вряд ли Улащик имел тогда иллюзии насчет советской власти или справедливости советских карательных органов – в отличие от многих национал-коммунистов и молодых беларуских «возрожденцев» пролетарского происхождения. Чтобы спастись от репрессий, он выписался из Минска и переехал в Москву, к своему другу Феликсу Купцевичу.

Это был человек необычной судьбы и, безусловно, патриот Беларуси. Вот основные этапы жизни Купцевича: комиссар на железной дороге, борец с трудовым дезертирством, секретарь Кричевского райкома партии, потом заместитель главного редактора «Звязды». От современников получил прозвище второй беларуский Белинский (первым Белинским считался Адам Бабареко). Внезапно карьера оборвалась. Во время учебы в московском Институте красной профессуры его «разоблачили» русские преподаватели и исключили за националистический уклон в сторону беларуского национал-демократизма. Тут же последовало исключение из партии. Феликс устроился фрезеровщиком на один из московских заводов, потом экономистом в государственное издательство РСФСР. Но это его не спасло. Купцевича трижды арестовывали карательные органы (в августе 1930, в апреле 1933, в ноябре 1937), а в марте 1938 его расстреляли.

Возможно, Улащик обладал интуитивным чувством опасности. В любом случае, он энергично и при том расчетливо боролся за выживание – в отличие от многих своих современников, покорно ждавших ареста и уничтожения.

Ощутив, что над Купцевичем тоже сгущаются тучи, Улащик оставил Москву, переехал в Ленинград к своему брату Константину. За это время следствие собрало много компромата на него. Чекисты объявили Николая во всесоюзный розыск. Брата вызывали в следственные органы на допросы; он утверждал, что ничего не знает.

Константин Улащик работал главным инженером на заводе. Днем его не трогали, зато каждую ночь вызывали в ГПУ. В дуэли чекистов с инженером кулацкого происхождения не выдержал Николай, добровольно пришел с повинной. Его арестовали 12 июня 1930 года и уже 16-го отправили в Минск. Здесь, в «двухместном номере американки» (выражение Улащика) он сначала три месяца сидел вместе с Иваном Цвикевичем, потом с Вацлавом Ластовским.

Улащику, которому инкриминировали руководство молодёжным крылом «Союза Освобождения», главное было не сломаться, не предать друзей. Он устоял.

Кроме него на роли заводил «молодых нацдемов» сватали Александра Аниховского – инструктора Белкоопцентра, и корректора «Звязды» Петра Зенюка. НКВД безошибочно зачислило корректоров, как хранителей беларуского слова,

в число своих главных врагов, способных подточить опоры российского господства.

Краеведческую работу, выглядевшую в 20-е годы естественным проявлением интереса к родному краю и имевшую научный профиль, в 1930 году признали не только вредной, но и антисоветской. Вот какие обвинения предъявили краеведам:

– постановка национал-демократической пропаганды в учебных заведениях и печати,

– превращение краеведческой сети в организационные центры национал-демократического движения, захват в свои руки издательского дела и части периодической печати,

– обработка национально-демократически настроенной прослойки коммунистов и просовывание в компартию членов национал-демократической организации.

10 апреля 1931 года суд вынес приговор. Согласно со статьями 58-10 (антисоветская пропаганда и агитация, содержащая призыв к разрушению, подрыву или ослаблению советской власти) и 58-11 (любая организованная деятельность, направленная на подготовку или осуществление преступлений) части 1 Уголовного Кодекса РСФСР Николая Улащика выслали на 5 лет в Нолинск (в Вятской губернии).

Горькую судьбу изгнанника 24-летний выпускник БГУ разделил со многими деятелями национальной культуры: Вацлавом Ластовским, Язэпом Лёсиком, Адамом Бабареко, Владимиром Дубовкой, Максимом и Гавриилом Горецкими, Николаем Касперовичем, Аркадием Смоличем... Среди жертв той первой «зачистки» Николай Улащик – один из немногих уцелевших.

В Нолинске он оказался вместе с ученым Николаем Азбукиным и будущим эмигрантским деятелем Ефимом Кипелем. Кипель в своих мемуарах «Эпизоды», изданных в 1998 году в Нью-Йорке, так характеризует Нолинск:

> «Жизнь в Нолинске была спокойная: мы зарегистрировались, где было надо. Старались не привлекать к себе никакого внимания... Мне было легче, ибо я устроился сначала в химическую лабораторию, Азбукин работал на складе, а Николай Улащик долгое время ходил без работы».

Далее идет любопытное замечание:

> «Однажды Улащик выложил мне свои планы на будущее. В его планах я его поддержал и помог, чем мог. Вскоре мы с ним расстались. Он пережил лихолетье и испытания. Кажется, сейчас работает в Москве. Пусть детали наших разговоров и его личных планов так и останутся между нами».

Свои воспоминания Ефим Кипель писал в 1964–69 годах. Что он скрыл от читателей? Обратимся к журналу «Беларускі Гістарычны Агляд» за май 1996 года, полностью посвященный Николаю Улащику. Среди воспоминаний «друзей и коллег» там помещена заметка Витовта, сына Кипеля. Витовт вспоминает:

> «Отец часто об Улащике вспоминал, верил, что жив, потому что отец хотя и помогал ему с побегом из ссылки (говорил, что планировали они, чтобы Улащик бежал на Запад), думал, что на Запад Улащик не попал, а что-то писать – боялся «лап НКВД».

И еще один штрих из детских впечатлений Витовта о Николае Улащике:

> «Часто то один, то второй дядя Николай брал меня за руку, бывало, даже сажал на шею, прогуливался вдоль крутого берега Вои и учил беларуским песням. Дядя Улащик

учил меня тогда «Мы выйдем тесными рядами».

Улащик в ссылке, под надзором чекистов, учил мальчишку-дошкольника националистическому гимну, за декламацию которого проще простого было получить второй срок!

Профессор Улащик среди молодых беларуских ученых (конец 1970-х гг.)

В Нолинске он пробыл три года, а потом действительно попытался бежать. Во всяком случае, самовольно уехал в Вятку. Ныне у нас есть показания самого Улащика, написанные им 24 марта 1933 года в ОГПУ (следственное дело находится в Информационном центре МВД Кировской области России). Цитируем:

«Под влиянием того, что считал приговор слишком жестоким и не соответственным вине, я по приезде на место ссылки в Нолинск решил бежать за границу. Для этого я решил предварительно просить перевода в Вятку, так как из самого Нолинска ввиду дальности расстояния от жел/езных/ дорог бежать было трудно. В Вятку приехал после двукратного заболевания воспалением лёгких, слишком слабый для побега и имея предупреждение врача, что третье заболевание будет, вероятно, смертельным. В Вятке лечился у врачей, и раз под влиянием минуты сказал Чернушевичу /Никифору – *ред.*/, что, не имея никаких перспектив и сильно скучая, решил бежать из ссылки. Чернушевич отнесся к этому отрицательно, говоря, что это риск головой и что этого не следует делать ни в коем случае. Уговаривал он все время до самого момента моей посадки на пароход.

Бежать думал через Вятку – Нижний /Новгород/ – Москву – Бологое. Дальше смотря по обстоятельствам. При переходе рассчитывал, что помогут буржуазные белорусские организации (...) При мне был бессрочный паспорт, как документ для дороги, и цианистый калий, чтобы окончить самоубийством в случае ареста на советской стороне. Ц/ианистый/ калий высыпал в камере при аресте в Слободском. Достал ц. калий в лаборатории Нолинской Ш/колы/ К/рестьянской/ М/олодежи/, взял сам при посещении лаборатории, приходя к зав/едующему/ лабораторией Киппелю. Ц/ианистый/ калий взят без его ведома. Ц. калий был мною украден. При обыске в Медведке паспорт был у меня в носке, его не нашли.

(...) Вторично категорически заявляю, ручаюсь головой и всем вообще, чем можно поручиться, что Чернушевич Н.Ф. очень резко и настойчиво уговаривал меня не делать побега, возвратиться в Нолинск и ждать конца ссылки.

Писал собственноручно Улащик Н.Н.»

Постановлением Коллегии ОГПУ тогдашнего Горьковского края от 19 июня 1933 года пятилетнюю ссылку Улащику (срок считался с 11 июня 1930 г.) заменили заключением в исправительно-трудовой лагерь «на оставшийся срок» согласно приговору 1931 года.

В этот раз его отправили в Сибирь. Сначала в Мариинский ИТЛ (Новосибирская область), где отметились присутствием многие беларусы. Позже перевели в поселок Суслово (Кемеровская область).

Николай выжил, так как был молод и, как та лягушка в кувшине, никогда не сдавался. Следуя беларуской традиции, он всегда искал возможность как-то устроиться. 5 февраля 1935 году его срок наказания кончился. Снова обратимся к «Хронике»:

> «Во мне словно что-то оборвалось, но никакой буйной радости не переживал».

Почему не было радости? Может быть, из-за сосланного отца. В заметках «Размышления на склоне», написанных в 1983–86 годах и опубликованных в книге Алексея Кавки «Будем жить» (1997 г.), Улащик вспоминал об отце:

> «Сфотографировался он с братом... Отец сидит, в манишке с галстуком, брат за ним стоит. Так я после забрал тот снимок и в художественное фото занес: отдельно отцов портрет сделать. Все смотрят: который же это мужик? Паном смотрится! А этот «пан» все годы топор или рубанок из рук не выпускал. За что и раскулачили, сослали в Котлас. Умирать домой отпустили. На кладбище немецком в Минске похоронен. На плите родня надпись сделала: «Мікалай Феліцыянавіч Улащик. 1861–1934». Зенон Позняк говорит, наверное, это единственная надгробная надпись по-беларуски».

Вернуться в Беларусь означало обречь себя на безработицу и неизбежный новый арест. Пройдя школу ГУЛАГа, он всеми возможными и невозможными способами стремился избежать второго срока за решеткой. Самый действенный способ состоял в том, чтобы не задерживаться на одном месте более года.

> «После выхода из лагеря в 1935 году я взял за правило: работать на данном месте не более одного года. Правда, в этом был большой дискомфорт, приходилось бросать в какой-то степени обжитое место, бросать учеников, с которыми были наилучшие отношения, и ехать неизвестно куда, но опыт подсказывал, что для того времени это был лучший способ сохранить свободу. Во всяком учреждении, большом и маленьком, были стукачи. Естественно, что когда появлялся новый, неизвестный человек, они проявляли к нему чрезвычайный интерес, да и начальство, которое также следило за всеми, должно было прямо приказывать своим агентам узнать как можно больше о новичке. Стукач старался, но поскольку о новичке вообще никто ничего не знал, то сбор сведений происходил медленно; когда с течением времени материал собирался, я брал расчет и съезжал, никому не говоря куда еду, тем более, что и сам я об этом не знал».

Первым городом, куда приехал Улащик, был Ташкент. Узбекская столица в то время была переполнена ссыльными, а среди них и скрыться легче. Но найти работу в Ташкенте оказалось большой проблемой — в городе оказалось много людей с высшим образованием. Можно было завербоваться в армию, но, по словам Улащика, бороздить животом выжженную землю ему не хотелось. А здесь тянуло в Минск, навестить знакомых.

Но Минск, тот Минск, который Улащик так любил, который ему хотелось сделать похожим на Киев, встретил неприветливо. Знакомые старались не узнавать, перебегали на другую сторону улицы или поворачивались спиной. Об одном из таких «осмотрительных» он позже написал в своей «Хронике»:

> «Я знал Крапиву, он меня знал со времени организации Центрального бюро краеведения, где /Кондрат/ был инструктором, а я, стараясь в те времена всех сделать

краеведами, часто /туда/ заходил. Я едва не протянул руку Крапиве, как вдруг увидел, что он не хочет ни видеть меня, ни тем более здороваться. То же было и при других встречах, когда я уже был полностью «нормальный», когда бояться не было чего».

Зато стремились к общению те, кто раньше друзьями не были – такая уже у них была служба. Нетрудно представить себе дальнейшую судьбу Улащика, если бы он задержался на родине чуть дольше. Нину Улащик (в замужестве Белькевич), старшую сестру Николая, известную в то время учительницу, через некоторое время арестовали и сослали на Колыму за один только отказ стать сексотом (нелегальным осведомителем НКВД).

Ужаснувшись, Улащик поскорей уехал в Вятку, которую год назад переименовали в Киров. Искал работу. Пытался устроиться в областную плановую комиссию, ибо «методика работы мне понравилась». (Улащик узнал от знакомой девушки о том, как там работают: «А вот как. Придут утром и начинают курить в коридоре, после читают газеты, после приносят чай, ну и далее так же. Вы же наверное, умеете пить чай. А курить не курите. Это уже плохо, так как наши в основном курят, все же чем-то заняты»).

Обложка книги Н. Улащика «Была такая веска» (1989 г.)

Однако в комиссию его не взяли, не потому что был некурящий, а потому что имел плохое прошлое. Пока искал что-то другое, в Вятке-Кирове начались аресты среди сосланных беларусов. Николай поспешил опять покинуть город.

Одиссея по советскому морю продолжалась: Иваново, Горки, Ульяновск, Саратов, Дергачи. Работал учителем истории и географии в школах этих городов. И повсюду бдительный глаз Старшего Брата. Долгие годы жизни в вечном страхе, когда, вставая утром с кровати, не знаешь, чем закончишь день. Других этот страх парализовал, Улащика отрезвлял, не давал расслабляться. Блуждая по России, он нашел даже время жениться.

Еще в конце 20-х Николай познакомился со студенткой Ленинградского института профзаболеваний Натальей Шамшориной. Это знакомство переросло в любовь, в 1938 году молодые люди поженились, через год Николай перебрался к жене в Ленинград, где устроился учителем и добился возможности сдавать экзамены в аспирантуру.

Спокойную жизнь нарушила немецко-советская война. Накануне ее советские органы провели, пользуясь сегодняшней лексикой, «зачистку» города. Под нее попал и Улащик, его мобилизовали в армию, несмотря на то, что ему было уже 35 лет, и он был признан негодным к воинской службе.

В казармах Улащика 23 июня 1941 года арестовали. Биографы не установили, из-за чего произошел арест, скорее всего основанием для него стали «анкета».

Типичный образец логики действий советских властей в начале войны: арестовать всех бывших «врагов народа», чтобы не перешли на сторону нацистов! Так начался очередной трагический период жизни. 7 июля Улащика отправили по этапу: 11 дней в вагонах, набитых людьми, словно селедками, и вот он, город Златоуст Челябинской области. В здешней тюрьме Николай пробыл год и четыре дня. Наконец постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 22 июля 1942 года его выслали в Новосибирскую область сроком на 5 лет – якобы «за антисоветскую агитацию»

К счастью, за освобождение Николая боролась его жена Наталья Шамшорина, научный сотрудник АН СССР, выехавшая вместе с институтом в эвакуацию в Казань. Там же, в Казани, находился вице-президент АН СССР Леон Абгарович Орбели, которого Наталья умолила вступиться за мужа. Орбели на свой риск написал прошение на имя Берии, ходатайствуя за Николая Улащика как за талантливого историка, очень нужного советской науке. Может быть произошло чудо, может быть помогла обозначившаяся уже нехватка специалистов – ходатайство подействовало. 28 ноября 1942 года Улащика освободили из тюрьмы, едва живого, больного плевритом.

Выйдя из тюрьмы, он кое-как добрался до своего брата Ивана в Татарию – то ли в Азнакаево, то ли в Бугульму, это несущественно. Главное, что Николай оказался у родного брата, едва живой, и отлеживался у него, борясь с болезнями, 4 месяца. Брат Иван в 1935 году работал лесником на Логойщине. Хорошие люди вовремя предупредили о близком аресте. Не долго думая, собрал пожитки и убежал с женой и дочерьми в Татарию. Но не побоялся принять брата-рецидивиста. А Николай, выздоровев, только летом 1943 года приехал в Казани к жене-спасительнице.

По его собственным словам, «воинские комиссии, куда вызывали несколько раз, браковали, потому что оба легких были дырявые». Война с немцами внесла определенные коррективы в жизнь Советского Союза. Теперь уже не требовалось искать работу. Работа сама искала людей. Под конец 1943 года Улащик устроился преподавателем истории в фельдшерскую школу. Возможно, тем бы все и кончилось. Работал бы он в Казани до конца жизни. Но – случай...

Подруга жены (пожалуй, не без подстрекательства жены) начала подбивать Улащика к прохождению аспирантуры, хотя ему уже исполнилось 37 лет – не аспирантский возраст, к тому же не было самого элементарного – паспорта. Экзамены в аспирантуру он сдал еще до войны, однако документов, которые подтверждали это, тоже не было. Все же рискнул, и поступил – о, жены, что вы делаете с нами!..

В январе 1944 года Николай Улащик перебрался в Москву, в аспирантуру Института истории АН СССР. После непродолжительного скитания по случайным ночлегам ему дали место в гостинице «Якорь», где жили беларуские ученые. Это создало определенную проблему, так как встречи со знакомыми могли обернуться неприятностями. Но, к счастью, вскоре Минск освободили от немцев, и беларусы уехали на родину.

4

В 1947-м году Улащик защитил кандидатскую диссертацию на тему «Подготовка экономических реформ в Беларуси и Литве перед 1861 годом». Читал лекции в Московском университете, работал в Институте истории АН СССР. Однажды сорвался: в кабинете заместителя декана истфака МГУ, где вместе с заместителем декана находился также научный руководитель Улащика, неосмотрительно высказался о тяжкой колхозной жизни односельчан.

Последствия не заставили себя ждать. В 1949 году его уволили из МГУ, а 23 декабря 1950 года арестовали. В ответ на просьбу разрешить взять с собой в камеру рукописи научных работ, чтобы поработать с ними, двое полковников-следователей хохотали пару минут, а потом, вытирая слёзы умиления, выжали: они тебе никогда не пригодятся. К счастью, гэбисты сильно ошиблись.

Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 28 апреля 1951 года Улащика приговорили по статье 58.10, часть 1 УК РСФСР к лишению свободы в ИТЛ сроком на 8 лет. Его отправили в лагерь в поселок Суслово, где он уже побывал в 30-е годы. Выжить помог начальник лагеря Михаил Галенчик, односельчанин Николая. Он назначил больного земляка заведующим вещевым складом. Так Улащик опять спасся.

25 марта 1955 года Постановлением протокола № 44 заседания Комиссии по пересмотру дел лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке, на поселении, его освободили из заключения и реабилитировали.

Н.Н. Улащик
(худ. Анатоль Кривенко)

Улащик вернулся в Москву, где в течение 30 лет работал научным сотрудником Института истории. В 1964 году защитил докторскую диссертацию на тему «Предпосылки крестьянской реформы 1861 года в Литве и Западной Белоруссии».

Все 30 лет после лагеря Улащик жил в Москве. Недостаток Беларуси он компенсировал странствиями по Отечеству во время отпусков и перепиской с беларускими учеными. Переписывался с ним даже партийный лидер Беларуси Кирилл Мазуров.

Владимир Орлов так вспоминает о последних днях жизни Улащика:

> «Он знал, что у него остались дни жизни и не хотел терять ни минуты времени. Ему было тяжело говорить, но в тот короткий мой визит он успел продиктовать мне письмо в Браслав: за несколько недель до болезни Николай Николаевич нашел в Ярославле уездный браславский архив, вывезенный в глубину России в годы первой мировой войны. Улащик был историком до конца».

5

Нередко мемуаристика беларуских общественных деятелей кажется какой-то архипатриотической. Когда читаешь воспоминания, складывается такое впечатление, что авторы воспоминаний буквально каждый прожитый день приносили жертву на алтарь Отечества. Никакой личной жизни, никакого юмора и иронии, «жареных» фактов. Николай Улащик – действительно крупный историк – наполнил свои воспоминания массой случайностей: здесь и визиты к девчатам, и веселые студенческие вечеринки, и юмористическое описание знакомых и незнакомых людей.

Но при этом какая действенная любовь к отечеству без патетики, какой живой ум без умствования предстают на этих страницах!

В 1929 году Улащик отправился в «последний поход» по Беларуси. Беззаботная молодость кончалась вместе с периодом относительной свободы в общественной жизни, в воздухе пахло трагедией. Улащик закончил свои воспоминания случаем, имеющим явно символическое значение. Это встреча с ужом на границе Полесья и Случчины:

> «Я прижимаю его к земле, расщепляю палку, втискиваю в расщеп голову ужа и несу, вытащив перед собой. Уж показывает мне язык и говорит свое «с-с-с». Хвост его крутится во все стороны. Он энергично выкручивается с посошка, что, наконец, ему и удается».

Игра завершилась смертью несчастного:

> «Я ущемляю его третий раз, но такая игра наконец опротивела, положив на пень, разбиваю ему голову и иду дальше».

История играла с историком в другую игру, не менее опасную, но он противопоставил ей железную волю к жизни.

Российский историк, академик Михаил Тихомиров, он же директор Института истории Академии наук СССР, однажды с уважением и приязнью отметил едва ли не самую существенную черту в характере своего сотрудника Улащика: «тихое белорусское упрямство».

Николай Николаевич провел в тюрьмах, ссылке и лагерях около 12 лет и выжил, что удалось очень немногим. Выжил благодаря настойчивости и выдержке в борьбе с системой, а также благодаря любви и верности родных и близких. Выжил потому, что никогда не предавался иллюзиям, потому что имел холодную голову и горячее сердце. Историк переиграл историю, человек – систему.

III. Война 1941–1945

ВОЙНА БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

Валерий БУЛГАКОВ

Просто удивительно, как мало знает средний беларус о событиях, которым в Беларуси посвящены тысячи газетных статей, множество книг и телепередача! Не в последнюю очередь потому, что реконструкция подлинных событий войны 1941–1945 годов травмирует нынешних лидеров и идеологов Беларуси.

Политика и идеология авторитарных режимов в странах СНГ имеет много общего с политикой и идеологией нацистской Германии. Им присущи такие сходные черты, как враждебность к политическим оппонентам (маркируемым ярлыком «пятой колонны»), постоянная борьба с коррупцией, перманентная «чистка» кадров (ибо карьера чиновников зависит исключительно от воли политических лидеров), культ сильного государства, пышные парады, публичные демонстрации единства народа с руководством, а также «всенародной любви» к новоявленным диктаторам. Все это неизбежно оборачивается моральным разложением властных структур, новыми волнами коррупции и экономическим хаосом.

Правда, нынешние политические автократы не практикуют массовых убийств и длительного кровопролития – в современный информационный век существуют более тонкие инструменты для достижения их целей.

. Авторитарные лидеры, как правило, склонны к театральности и политической клоунаде, публично отрицают христианскую этику в пользу моральной индифферентности, подчеркивают свое происхождение «из народа», жестко подавляют оппозицию, приветствуют парады физкультурников и военной техники, в напряженном ритме реализуют пятилетние (четырехлетние, трехлетние...) планы, используют спортивные дворцы для массовых сборищ своих сторонников, способствуют всевластию силовых ведомств и спецслужб.

Понятно, что сегодняшней власти невыгодно, чтобы возникали такие параллели. Именно в этом заключается одна из главных причин цензуры истории последней войны. Германский национал-социализм в Беларуси традиционно изображают не как популистскую политическую идеологию, своим подъемом обязанную развалу бывшей империи Гогенцоллернов, громким лозунгам борьбы с коррупцией и роста народного благосостояния, а как исключительно западное, чуждое нам расистское вероучение, возникшее само по себе.

Однако при всех попытках официальной пропаганды маскироваться в одежды интернационализма и межнационального мира, ее представление о германской оккупации остается проникнутым духом этнической ненависти. Мифологическую природу идеологического противопоставления «озверевший германский нацизм – миролюбивый советский коммунизм» лишний раз подчеркивает

---

* Из журнала «Архэ» № 5/2008. Перевод А.Е. Тараса

тот факт, что носители первого – немцы, будучи объектом коллективной ненависти, фактически подаются как закрытое и однородное сообщество, что весьма далеко от истины.

Такие параллели неудобны для официальной стороны еще и потому, что они разрушают миф о всемогуществе советской системы. Речь не только о паническом бегстве партийных функционеров из Минска на четвертый день войны. Любая политическая система, базирующаяся на указанных выше принципах, является антигуманной и недолговечной. Умножение ее на некомпетентность дало десятки миллионов прямых жертв и еще больше искалеченных судеб (это касается не только СССР, но и Германии).

Параллели с последней войной не оставляют сомнений в том, насколько внутренне уязвим несокрушимый на первый взгляд авторитарный (или тоталитарный) монолит: даже победившую в смертельной схватке сторону ждет неизбежный крах. Такова историческая расплата за чудовищную неэффективность и за миллионы загубленных жизней.

***

Теперь о проблеме идентичности. Наследие войны составляет один из идеологических нервов беларуской современности и остается основой идеологического противостояния. Официальная сторона по сей день использует мифологию войны в мазуровско-брежневской упаковке для легитимизации своих претензий на власть и публичного шельмования политических оппонентов. Последних даже в 2008 году изображали тайными, а то и явными сторонниками нацистов либо пронацистских коллаборантов.

В официальных изданиях последних лет на тему войны максимум пропаганды и минимум сочувствия*. Идеологема «всенародной борьбы» с немецко-фашистскими оккупантами запрещает трезвый анализ масштабов беларуской коллаборации. Подбор фотографий в этих изданиях тот же, что и 20 или 40 лет тому назад. Главное для авторов – не отойти от догм о массовом героизме советского народа, о зверствах немецко-фашистских оккупантов, о подлости «жалкой кучки» коллаборантов. Но если война сводится к гламурному героизму народа и к шаманским заклинаниям о зверствах оккупантов, значит, мы имеем дело не с наукой, а с грубой и циничной пропагандистской манипуляцией.

В доморощенных же утопиях консервативно настроенной оппозиции, Беларусь периода 1941–1944 годов предстает своего рода «золотым веком» беларуского возрождения. Но для его конструирования используются те же пропагандистские приемы. Пожалуй, все рекорды фантастики в этом плане побила книга Сергея Ерша и Сергея Горбика «Беларускі супраціў», изданная в 2006 году во Львове.

Рискну высказать предположение, что именно отсутствие соответствующей рефлексии делает историю последней войны ахиллесовой пятой беларуского национализма. Парадоксально, три года немецкой оккупации действительно дали ему толчок, стали временем его оживления и количественного пополне-

* См., например: Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 /А.А. Коваленя и др./ Мн.: БелТА, 2005; Кузьменко В.И., Токарев Н.В. Политика немецко-фашистских оккупационных властей в отношении научной интеллигенции Беларуси 1941–1944. Мн.: Бел. наука, 2007.

ния. (Следует напомнить, что в оккупированном Минске все школы вели обучение на беларуском языке, тогда как в Минске освобожденном, спустя десяток лет – только на русском).

Однако отсутствие соответствующей рефлексии и через 40–50 лет после окончания войны в немалой мере способствовало разгрому национально-демократического движения во второй половине 90-х годов.

Облик агрессора
(английский плакат в связи со вторжением Красной армии 17 сентября 1939 г. в Польшу)

Война выявила не самые симпатичные проекции беларуского национализма. Оказалось, что он тоже может быть приспособленческим, антигуманным, служить объектом для манипуляций извне, а его приверженцы могут быть политическим оппортунистами, неразборчивыми в выборе средств. На страницах архивных документов немцы иногда кажутся более благородными и по-своему принципиальными, чем их беларуские помощники.

Наконец, военное время обнажило крайнюю слабость беларуского национализма, его изоляцию от общества.

Реальные факты, представленные в лучших публикациях независимых исследователей, рисуют картину войны и оккупации, равно далекую от сказок и официальной историографии, и националистов-консерваторов. Например:

- Красная Армия и партизаны выглядят в них достаточно неприглядно.
- Население решало главным образом лишь одну задачу – выжить!
- В окупированном Минске немцы занимались жилищным строительством, ремонтировали водопроводную и канализационную сети, наладили работу промышленных предприятий.
- Основу вспомогательных полицейских формирований в Беларуси составляли бывшие коммунисты и комсомольцы.
- Немало беларусов охотно участвовало в уничтожении еврейского населения (так, в местечке Едвабно в восточной части БССР местные беларусы с помощью немецкой жандармерии сожгли живьем несколько сотен евреев).
- Вильгельм Кубе оказывается не садистом и не палачом, а интеллигентом-драматургом и археологом, изучавшим беларускую старину.

И так далее, и тому подобное.

Вивисекция памяти – это преступление против культуры. Только публичное обсуждение тем, запрещаемых идеологическими церберами, способно выработать устойчивый иммунитет к нацизму, коммунизму и подобным им системам ненависти к человеку.

МИФ ВОЙНЫ И ВОЙНА МИФОВ

Владислав ГРИНЕВИЧ

В Украине, как и в других странах Центральной и Восточной Европы, после краха коммунистического режима началось кардинальное переосмысление исторического прошлого. Тема «Великой Отечественной войны» с момента провозглашения в августе 1991 года независимости украинского государства и поныне пребывает в центре пылких общественных дискуссий и политической борьбы, наглядно отражая не только нерешенность проблемы новой «украинской идеи», но и определение стратегических ориентаций в системе координат Запад – Восток. Собственно, Вторая мировая война остается водоразделом в исторической памяти украинцев, раскалывая их политически, идеологически, мировоззренчески.

МИФ О ВОЙНЕ КАК ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ РЕЖИМА

В межвоенный период большевикам так и не удалось сформировать в УССР гомогенное общество с единой советской идентичностью. Ни перманентные чистки «врагов народа», ни формирование национально подкрашенного советского патриотизма не имели большого успеха. Преимущественно крестьянская по социальному составу Украина, пережившая в 1930-е годы колоссальную по своим масштабам и последствиям гуманитарную катастрофу – голодомор, жертвами которого стали не менее 3,5 миллионов человек, оставалась в сталинской империи потенциально «слабым звеном». Присоединение Западной Украины к СССР накануне немецкого вторжения только добавило советской власти новых проблем.

Нацистская оккупация 1941–1944 гг. резка отделила Украину от России и политически, и ментально, так как на три с лишним года вывела ее из-под влияния советской идеологии и пропаганды. Уровень лояльности украинского населения к сталинской власти оказался невысоким: это ярко засвидетельствовали и массовая сдача красноармейцев в плен на начальном этапе войны, и то, что более 90 % населения (в том числе 5,6 миллиона военнобязанных) остались на оккупированной немцами территории, и чрезвычайно низкий уровень сопротивления новому оккупанту.

Однако победа в войне с гитлеровской Германией создала новые условия для легитимизации коммунистического режима. Война с ее многочисленными реальными и мифическими проявлениями героизма и жертвенности оказалась чудесным материалом для создания патриотических символов и образцов коллективной памяти. Более того, борьба советских народов с врагом дала возможность, не игнорируя местной специфики, а скорее наоборот, акцентируя на ней внимание, создать модель всеобщего патриотизма. Миф о Великой Отечествен-

---

* Эта статья написана на украинском материале. Но ее логика и выводы полностью применимы к беларуским реалиям. Перепечатка из журнала «Arche» (2006 г., № 5). Перевод А.Е. Тараса.

ной войне, основанный на идеологемах о морально-политическом единстве советского общества, о руководящей роли компартии, о единстве партии и народа, фронта и тыла, о пламенном советском патриотизме и массовом героизме, о дружбе народов СССР и т.п., должен был сыграть существенную роль в консолидации советского общества.

Направленный на консолидацию всего населения СССР в единый советский народ, миф войны формировал представление об общих врагах и общих героях. Однако каждая национальная республика и каждый советский этнос создавали свой малый миф, который должен был органично дополнять это колоссальное идеолого-пропагандистское сооружение.

Создание украинского советского мифа руководство республики начало еще во время войны, используя для этого все слагаемые, присущие официальной культуре памяти о войне: соответствующую интерпретацию истории, возведение пантеонов и мемориалов, установление новых праздников и памятных дат. Первый коммунист республики Н.С. Хрущев не только изложил в своих речах идейные установки, касавшиеся роли и места Украины и ее компартии в Великой Отечественной войне, но и заложил фундамент для мемориального увековечивания памяти о войне*.

По просьбе Хрущева, и с личного разрешения Сталина в Киеве, вскоре после освобождения города, были похоронены герои защиты украинской столицы: генералы Кирпонос и Тупиков (в 1957 году их перезахоронили в Парке славы, спроектированным в качестве ритуального места поклонения Вечному огню и Могиле неизвестного солдата).

Позже в Киеве похоронили и героя его освобождения генерала Ватутина, погибшего весной 1944 года в стычке с украинскими националистами (до распада СССР причины смерти командующего 1-м Украинским фронтом не слишком афишировали, а теперь надпись на памятнике «Генералу Ватутину от украинского народа» праворадикалы интерпретируют весьма недвусмысленно)**.

Осенью 1943 года ко дню освобождения Киева, а потом осенью 1944 года к дате окончательного освобождения Украины от немцев, в ЦК компартии Украины был составлен масштабный план возведения монументов освободителям. Он включал «пантеон героев Отечественной войны», бюсты генералам, принимавшим участие в освобождении украинских городов, а также памятники воинам-освободителям и героям партизанской войны в населенных пунктах Сумской, Черниговской, Сталинской и Ворошиловградской областей. В Киеве хотели соорудить монумент «Победа», который бы олицетворял «борьбу украинского народа против иноземных захватчиков и помощь российского народа, других народов СССР и Великого Сталина украинскому народу в освобождении территории Советской Украины».

---

* Никита Сергеевич Хрущев (1894–1971) в 1938 – марте 1947 и в декабре 1947–1949 занимал пост первого секретаря ЦК КП(б) Украины. Одновременно в 1944–47 он был председателем Совнаркома (с 1946 – Совмина) УССР.

** Михаил Кирпонос (1892–1941), генерал-полковник, с февраля 1941 командовал Киевским особым военным округом, с июня – Юго-Западным фронтом. Василий Тупиков (1901–1941), генерал-майор, был начальником штаба Юго-Западного фронта. Николай Ватутин (1901–1944), с октября 1943 генерал армии и командующий 1-м Украинским фронтом. Скончался 15 апреля 1944.

Хотя далеко не все из запланированного тогда осуществили, уже к 1 ноября 1947 года в республике было упорядочено 31.688 братских и 64.670 отдельных могил советских воинов, возведены 2613 памятников, 9861 надгробий, установлены 52.549 могильных знаков. Все эти могилы и памятники со временем были преобразованы в места ритуального поклонения.

В годы войны Хрущев инициировал введение «общенародных национально-государственных праздников украинского народа»: Дня освобождения Киева (6 октября) и дня освобождения Украины (14 ноября), которые государство празднует и поныне.

Учредить к этим праздникам специальный нагрудный знак «За освобождение Киева» и медаль «За освобождение Украины» Сталин не разрешил, но достойно внимания то обстоятельство, что только для украинцев сделали исключение, учредив «национальный» орден Богдана Хмельницкого. (Эстонцам, которые просили, по украинскому образцу, учредить орден в честь своего национального героя Лембита, отказали.)

Довоенный плакат утверждал, что все советские люди как один встанут на защиту любимой коммунистической партии и советской родины

Уже став первым секретарем ЦК КПСС, Хрущев в 1961 году добился для Киева звания города-героя. Это почетное звание учредили в 1945 году и присвоили «за героическую оборону в Великой Отечественной войне» Ленинграду, Севастополю, Сталинграду (Волгограду), Одессе.

Этот шаг дался Хрущеву не без определенных трудностей, ибо у сталинских маршалов оборона Киева ассоциировалась с крупнейшим за всю войну окружением и поражением Красной Армии, когда в плен попало свыше полумиллиона солдат. Поскольку немцы практически не бомбили Киев и не обстреливали его тяжелой артиллерией, город почти не имел разрушений. Тысячи горожан вышли посмотреть на воинов Вермахта, когда те входили в город, немало киевлян танцевало и пело, радуясь падению сталинского режима. Во многих местах население встречало немецких солдат хлебом-солью, по иронии судьбы одним из таких мест была будущая Площадь Славы. Кстати, неприятное впечатление в Москве производило и то, что обороной украинской столицы руководил генерал Андрей Власов, который с осени 1942 года стал считаться «предателем № 1» в сталинской империи.

Москву наградили званием города-героя только во времена Брежнева — в 1965 году. Тогда же, к 20-летию победы, почетное звание крепости-героя получила Брестская крепость. Сам же город Брест, где в первые дни войны произошло несколько антисоветских выступлений, такого поощрения не дождался.

Претензию партии на руководящую роль в обществе существенно подточила катастрофа 1941 года, что и обусловило особую табуированность событий начального периода в официальной культуре памяти о войне. Поэтам Константину Симонову и Евгению Долматовскому еще во время войны отказали в просьбе снять фильм о 1941 годе. Все связанное с этой темой старательно проверяли. Так, осенью 1945 года заместитель уполномоченного Совнаркома СССР по делам сохранения военной тайны остановил печать № 4–5 журнала «Українська література». После проверки из него изъяли повесть Зиновия Тетерука «Записки военнопленного».

В повести описывались страдания бывшего командира Красной армии, который добровольно сдался в плен и согласился разминировать минные поля. После многочисленных побегов из концлагерей и тринадцати месяцев блужданий по оккупированной территории герой повести перешел линию фронта и вернулся «к своим». Бедой автора стало «слишком правдивое» описание начального периода войны. Сцены добровольной сдачи красноармейцев в плен, либерального отношения немцев к военнопленным-украинцам, которых массово отпускали домой, отсутствие примеров «героической борьбы советского народа и Красной армии с фашистскими захватчиками» и хотя бы намека на партизан – герой повести так и не смог их отыскать – вызвали возмущение цензоров. Они сочли публикацию «серьезной ошибкой редакции и политически вредным произведением».

Люди вставали... Колонна бойцов Беларуской краевой самообороны перед зданием бывшего Совнаркома БССР (Минск, июнь 1944 г.)

В послевоенный период катастрофу 1941 года власть скрывала еще более старательно. Например, в 1948 году, просмотрев первую серию фильма «Молодая гвардия», Сталин предложил режиссеру Сергею Герасимову удалить наиболее удачные, по мнению творца, сцены, связанные с провалом партийного подполья и паническим отступлением советских армий. «Отступали, — сказал Сталин, — только на предварительно подготовленные позиции и планомерно».

Эта тема оставалась запретной и после смерти Сталина. Хотя в первой комплексной исторической работе по истории Великой Отечественной войны, написанной в УССР в 1956 году, историк Николай Супруненко и попытался исследовать причины поражений в начале войны, он почти все свел к ошибкам самого Сталина. В книге объемом 27 печатных листов начальному периоду войны были посвящены только 20 страниц (4 %).

Для очевидно катастрофичного 1941 года советские историки нашли удачный эвфемизм — «период временных неудач», и чем дальше, тем охотнее объясняли советские поражения «вероломностью немецкого нападения на миролюбивую советскую страну» и численным перевесом врага.

Идеологические церберы постоянно следили за тем, чтобы великая тайна коммунистического режима не вышла на свет. Например, в начале 1970-х годов Главлит признал «политически незрелым» и запретил печатать стихотворение «Память», в котором поэт от имени солдата-фронтовика говорит, что ему стыдно носить награды, когда он вспоминает о 1941 годе; тогда герой спрашивает себя, кто же виновник в жертвах 1941 года? А после того, как в 1971 году журнал «Витчизна» (№ 11–12) поместил повесть писателя-партизана Юрия Збанацкого «Мы из легенды», дважды герой Советского Союза партизанский генерал Алексей Федоров организовал кампанию по шельмованию автора за то, что Збанацкий отважился поставить под сомнение массовость партизанского движения и описал трудности его становления в 1941 году.

Именно масштабное поражение РККА на начальном этапе войны, а также нелояльность к сталинскому режиму, проявленная значительной частью местного населения, впоследствии стали весомой причиной перманентной гиперболизации партизанской темы в украинской советской историографии. Желание партийных историков убедить в существовании мощного народного сопротивления немецкой оккупации в Украине иногда доходило до «пересола».

Например, в 1957 году вследствие «ошибок в освещении исторических событий и явлений» Главлит не допустил к печати работу «Народная борьба в Украине в годы Великой Отечественной войны», подготовленную АН УССР. Кроме ряда замечаний, связанных с зачислением в «руководители и организаторы партизанской борьбы сомнительных лиц», существенным изъяном был признан точный подсчет разрушения фабрик и заводов, якобы инициированного партизанами. Выходило, что народные мстители вывели из строя более 1600 заводов, фабрик, электростанций и т.д. «Складывается такое впечатление, — отмечали цензоры, будто не гитлеровцы уничтожили промышленность Украины, а партизаны».

И сталинские генералы, и партократы как во время войны, так и после ее окончания относились к партизанам без особого пиетета. Отчасти это объяснялось определенной подозрительностью к ним вследствие длительного пребыва-

ния на оккупированной территории, отчасти – пренебрежительным отношением к «народным мстителям» как к полубандитам, в чьих отрядах господствует дух «партизанщины» – своеобразный антипод армейской и партийной дисциплины. За свою «гламуризацию» партизанское движение опять-таки должно благодарить Хрущева, который стремился усилить украинский советский патриотизм и одновременно искал поддержки республиканской партийной элиты, вожаками которой стали представители партизанских кланов.

Общими усилиями украинской власти и «творческой интеллигенции» партизанская тема переросла в настоящий миф о «всенародной борьбе в тылу немецких армий на оккупированной территории Украины». Мемуары и романы участников партизанского движения в Украине – Сидора Ковпака, Алексея Федорова, Петра Вершигоры и других, появившиеся уже в первые послевоенные годы, переиздавались в республике большими тиражами.

За 6 месяцев 1941 года немцам сдались более 2-х млн красноармейцев. Колонна пленных в августе 1941 г. (Жлобинский р-н Гомельской обл.)

Одновременно неуклонно росла численность украинских партизан. Цифра в 220 тысяч участников партизанского движения, которую Хрущев огласил на XVI съезде компартии Украины (январь 1949 г.), вскоре перестала удовлетворять новых руководителей, так как в сравнении с Беларусью, где партизан насчитали вдвое больше, республика представала в невыгодном свете. Накануне 20-й годовщины Победы киевский филиал Весоюзного института истории партии начал собирать в областях сведения об участии граждан Украины в партизанском движении и подполье. Однако сведения, полученные из областных архивов, вызвали в Киеве беспокойство. Например, в Запорожской области сумели отыскать только 337 партизан и 44 подпольщика, а также 285 лиц, помогавших им в годы войны. Директор институту Иван Назаренко не смог скрыть разочарования и раздраженно написал на документе: «Неужели было так?»

В Запорожье послали сотрудника института, который «объяснил задание ЦК» местному руководству. Пересчитали и... нашли еще 192.056 участников (!) «всенародной борьбы 1941 года», многие из которых, как утверждалось, позже стали партизанами и подпольщиками. Благодаря такой алхимии была выведена новая, абсолютно фантастическая цифра: 501 тысяча украинских партизан и 100 тысяч подпольщиков!

Умножая число украинских партизан, власть одновременно стремилась не акцентировать внимание на их национальном составе, поскольку этнических украинцев среди партизан было пропорционально намного меньше, чем в респуб-

лике. Украинцы, составлявшие 72 % населения УССР, даже на завершающем этапе войны в партизанских отрядах редко дотягивали до 50 % общей численности. Например, в соединении Николая Попудренко было 43 % русских, 41 % украинцев и 10 % беларусов. В соединениях Сидора Ковпака и Федора Ушакова украинцы своей численностью тоже уступали русским. Соответственно, и крестьян, из которых на 2/3 состояло население Украины, в партизанских отрядах было не более 50 %.

Жительница беларуского поселка разговаривает с немецкими солдатами (июль 1941 г.)

Затушевывание национального момента стало типичным проявлением псевдоинтернационалистской идеологической концепции «дружбы народов», предназначенной формировать единую советскую идентичность, которую начали создавать в СССР еще в 1930-е. Характерный случай произошел в годы войны с кинорежиссером Александром Довженко. В 1942 году он передал в редакцию московского журнала «Знамя» повесть «Победа», в которой рассказывалось о героических действиях одной воинской части, почти целиком состоявшей из украинцев. Обратив внимание на полную оккупацию УССР и значительное сокращение числа украинцев в РККА, Довженко, видимо, хотел поднять боевой дух миллионам сограждан. Но тогдашний руководитель отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Георгий Александров раскритиковал произведение «за искусственный отрыв борьбы украинского народа от русского и других народов СССР» и запретил его «как политически ошибочное и вредное».

После войны был сформирован величественный миф о «дружбе народов СССР как одной из слагаемых победы». По числу публикаций этот сюжет не имел себе равных. В границах одной только темы «партийное руководство укреплением дружбы народов и сотрудничеством советских народов в период Великой Отечественной войны» за 40 послевоенных лет увидели свет 90 монографий и брошюр, 210 историко-партийных и общеисторических публикаций. Над созданием этого мифа работали целые институты.

Например, в Институте истории Украины, кроме отдела Великой Отечественной войны, существовал еще и специальный отдел дружбы народов. Благодаря их «плодотворной работе» вплоть до 1991 года так и не удалось точно определить, сколько же украинцев было в рядах Красной армии на разных этапах войны; каким был национальный состав советских фронтов, сражавшихся в Украине; сколько граждан УССР было в генеральском и офицерском корпусах, не говоря уже об этническом контексте людских потерь, плена, коллаборации.

Еще один аспект проблемы заключался в желании старых коммунистических историков избежать рассмотрения «несвоевременных вопросов». Привыкшие

к идеологической конъюктуре, они руководствовались тезисом, что истина, которая не соответствует партийным интересам, никому не нужна или «несвоевременна». Когда в 1994 году автору довелось защищать диссертацию «Национальные проблемы в Красной армии в годы освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков», один из таких ученых, доктор исторических наук Иван Хмель, возмущенный отсутствием в тексте термина «Великая Отечественная война», призвал молодых исследователей: «Дайте нам сначала умереть, а уже потом пишите, как вам захочется».

Табуированной являлась также проблема межнациональных отношений и национальных меньшинств в годы войны. Депортации крымских татар и немцев Украины, украинско-польская резня на Волыни оставались тайной за семью печатями, – впрочем, как и трагедия Холокоста. Вообще, вытеснение памяти о катастрофе еврейства было весьма заметным моментом официальной истории войны. Только в 1966 году увидел свет роман киевского писателя Анатолия Кузнецова «Бабий Яр», который освящал эту тему, но вскоре его запретили, и автору пришлось эмигрировать.

Не в последнюю очередь такое замалчивание было вызвано нежеланием власти признавать евреев главной жертвой нацистской оккупации. Не в последнюю очередь потому, что это могло, по мнению партийных идеологов, принизить миф Великой Отечественной войны, оживив в сознании масс давние антисемитские стереотипы о «советах как еврейской власти», тем более что нацистская пропаганда упорно насаждала представление о «жидобольшевизме», от которого немцы, дескать, пришли освободить украинцев.

Поэтому власть предпочитала называть многочисленные захоронения евреев могилами «мирных советских граждан – жертв гитлеровского оккупационного режима». В принятом в 1945 году постановлении Совнаркома УССР об установлени монумента в память о жертвах Бабьего Яра нет ни слова о евреях, а когда в 1976 году памятник наконец возвели, национальная принадлежность ста тысяч убитых вообще не упоминалась.

Только во времена перестройки и гласности о Холокосте заговорили во весь голос. Тогда же выяснилось, что в одной могиле с евреями в Бабьем Яре лежат сотни украинских националистов, расстрелянных немцами.

Особенность украинской исторической памяти войны была в том, что она с самого начала двоилась: на официально-советскую и скрыто-националистичес-

Немецкий плакат на русском языке

кую. Национально-освободительное движение, которое за время немецкой оккупации охватило западные области Украины и достигло апогея после возвращения сталинского режима, создало за годы войны целую систему мифов с собственными героями и символами, пантеонами и праздниками, основанную на идее жертвенной борьбы украинского народа «против двух империализмов – сталинского и гитлеровского – за независимое украинское государство».

Награждение немецкого солдата возле трофейного танка Т-34

Недаром советская власть, едва вернувшись в Украину, сразу позаботилась об уничтожении всего, что напоминало об этой борьбе. Например, тот же Хрущев предложил превратить курганы, которые насыпали своим героям украинские повстанцы, в памятники советским солдатам, сбивая для этого с могил кресты и трезубцы и монтируя вместо них пирамидки с красными звездами.

Тема врагов и предателей занимала особое место в украинском советским мифе. Впрочем, если советская историография и акцентировала внимание на чем-то национальном, так это были «национальные враги». К ним, кроме собственно стран-агрессоров (гитлеровской Германии и ее сателлитов), были отнесены все национальные движения времен Второй мировой войны, имевшие отчетливо антиимперский, антисоветский характер и выдвигавшие лозунг развития своих наций вне границ сталинской империи.

Не анализируя политико-идеологических причин распространения в годы войны влияния украинского национализма, советская историография подавала это масштабное народное движение как действия жалкой горстки предателей родины, коллаборантов и уголовников.

В течение почти 50 лет коммунистическая пропаганда с подачи партийного функционера Д.З. Мануильского формировала в Украине образ «украинско-немецкого буржуазного националиста, помогавшего фашистам» (далеко не случайно в советской Украине правительственная премия для историков была на-

звана в честь этого партийного приспособленца и профессионального фальсификатора истории)*.

Деятельность Организации украинских националистов (ОУН) и созданной при ее участии Украинской повстанческой армии (УПА) других характеристик, кроме «антинародная, кровавая, преступная», не имели. Придуманные в советской публицистике штампы типа «желто-голубые вурдалаки», «штатные иуды», «отмеченные печатью проклятия», «союз трезубца и свастики» и т.п. стремились заклеймить и покрыть вечным позором украинское освободительное движение.

Ужасающие и кровавые страницы длительной борьбы сталинской империи с этим движением, сведения о сотнях тысяч убитых, замученных, депортированных должны были навеки остаться засекреченными. Не случайно информация о плане Сталина депортировать в Сибирь и Казахстан всех (!) украинцев за нелояльность, которая впервые прозвучала в секретном докладе Хрущева на XX съезде КПСС, так и осталась без соответствующего анализа и комментариев.

«СВЯЩЕННАЯ КОРОВА» КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ**

Хотя культ памяти войны зародился еще в сталинские времена, тогда он не приобрел настоящего распространения. Сталин использовал память войны исключительно для распространения культа своего собственного военно-политического «гения». Он не имел нужды ни в развертывании в обществе дискуссий вокруг ошибок начального этапа немецко-советской войны, ни в сравнении с популярными полководцами и героями Великой Отечественной. Поэтому до самой смерти тирана войну в Советском Союзе активно не эксплуатировали ни литература, ни кинематограф, ни наука. Например, уже в 1949 году была распущена специальная Комиссия по изучению Отечественной войны, созданная в 1942 году при АН УССР, а выставку-музей «Партизаны Украины в Великой Отечественной войне», занимавшуюся сбором документов и воспоминаний, — закрыли.

Что касается праздника победы, то с ним сначала тоже не складывалось. Как известно, союзники первыми подписали капитуляцию с немцами — 7 мая 1945 года в штаб-квартире генерала Эйзэнхауэра. И только на следующий день аналогичный акт был составлен в советской ставке в Берлин-Карлсгоф в присутствии марша-

Немецкий солдат (фото 1943 г.)

* Дмитрий Мануильский (1883–1959) — крупный функционер ВКП(б) и КП(б)У. Член ЦК ВКП(б) в 1923–1939. С 1923 работал в аппарате Коминтерна, в 1928–43 был секретарем его Исполкома. В 1944–53 зам. пред. Совмина и министр иностранных дел УССР. С 1953 на пенсии.

** «Священными коровами» принято называть темы, запретные для критики. — *Прим. ред.*

ла Жукова. Сталин приказал отмечать 9 мая как «день победы советского народа», но уже в 1948 году его лишили статуса выходного.

Пик создания мифа войны пришелся на брежневский период, когда после «оттепели» к власти пришли неосталинисты – ветераны Великой Отечественной, которые заправляли политической жизнью страны на протяжении 1970–1980-х годов. Именно в период «застоя» память о войне превратилась в настоящий культ. В качестве способа поддержания и легитимизации мифа о преимуществе коммунистической системы «Великая Отечественная война» потеснила даже «Великую Октябрьскую Социалистическую революцию».

Основанное на героике войны воспитание у молодежи советского патриотизма сопровождали молчаливый скептицизм живых свидетелей ее реалий и почти полная блокада от «враждебных информационных влияний». Постепенно, под давлением могучей пропагандистской машины, общество оказалось в плену этого завершенного мифа. Активными соучастниками и одновременно инструментом фальсификации volens nolens сделались советские ветераны, которые вместе с возвращением в 1965 году праздника «Великой Победы» возродили подзабытую с времен развенчания «культа личности» традицию носить ордена и медали. Ветераны, которых во времена Хрущева общество совсем забыло, ощутили эйфорию от мощной дозы подчеркнутого почета и общественного признания. Но в конечном итоге само общество заплатило за эту кажущуюся и искусственную «реабилитацию памяти» еще более жестоким запретом на правду.

Хотя к моменту распада СССР ни одна другая историческая тема не могла сравниться с темой Великой Отечественной войны числом публикаций – около 20 тысяч библиографических позиций общим тиражом в один миллиард экземпляров (!), – среди этих гор печатной продукции напрасно было бы искать хоть что-то о горькой правде войны. Любые попытки отхода от официальной интерпретации наказывались. Исследователи, напуганные перспективой сесть в лужу вследствие «утраты политической бдительности», как черт ладана боялись любых «новаторских» публикаций на тему войны.

Наиболее наглядно мощь монументального советского мифа войны продемонстрировали события эпохи перестройки. Преобразования, происходившие в стране, по мнению их инициаторов, не должны были затронуть основы советского строя, и особенно его базовые мифы. Критика сталинизма и тоталитаризма была разрешена, но без покушения на интеграционные ценности советской истории. Достаточно сказать, что 21 декабря 1988 года, на пике горбачевской гласности, когда страницы советской пресы переполняли сенсационные материалы о так называемых «белых пятнах» отечественной истории, Главлит СССР постановил внести существенные дополнения в наличный «Перечень сведений, запрещенных для открытой публикации». Согласно с этим документом, к числу секретных были отнесены практически все теневые и неприглядные страницы из истории войны – о потерях личного состава, оценки морально-психологического состояния советских армий (материалы особых отделов и судебно-следственных органов), деятельность заградотрядов и штрафных батальонов и т.д.

Исследователи, которым довелось работать тогда в архиве Минобороны СССР в подмосковном Подольске, хорошо помнят толстенные фолианты со старательно расписанными многочисленными запретами на использование тамошних документов. Прежде всего, невозможно было использовать те, что могли хоть немного «дискредитировать Красную армию». Характерный пример: работники архива удалили из тетради одного исследователя выписки о том, что закарпатские украинцы, которых мобилизовали полевые военкоматы, шли на сборный пункт босиком по снегу. Именно в этом факте (разве армия не имела сапог?!), а не в незаконности такой «добровольной» мобилизации граждан другого государства, архивные работники увидели «дискредитационный момент».

Понятно, что не исследовав все эти вопросы, нельзя было даже мечтать о создании сколько-нибудь научной картины прошедшей войны. Однако об этом в Советском Союзе, вопреки всей перестройке и гласности, речь не шла. Наоборот: увидев разрушение немалого числа советских мифов и кардинальные сдвиги в сознании общества, которые оно вызвало, функционеры КПСС делали отчаянные попытки сохранить одну из самых сильных идеологических фортеций – миф о «Великой Отечественной войне». Логика была простая. На фоне шквала обличительных материалов о преступлениях коммунистической системы «великая победа партии и народа в Великой Отечественной войне Советского Союза» казалась им едва ли не единственным аргументом в пользу старой идеологии и системы власти.

Беларуские крестьянки и немецкий солдат (1943 г.)

Украинская компартия была в те времена одним из самых ретроградных отрядов КПСС, без малейшего намека на демократизацию. Более того, ощущая опасные ветры перемен, украинские коммунисты стремились уберечься от каких-либо возможных перемен, законсервировав свой статус-кво. Еще в 1985 году, в самом начале перестройки, директор Института истории Украины Юрий Кандуфор и заведующий отделом Великой Отечественной войны бывший партизан Всеволод Клоков выступили в «Вестнике АН УССР» с программной методологической статьей. В ней они, обосновывали тезис о том, что история Украинской ССР военного времени должна остаться «неотъемлемой частью истории СССР, а выделение национального сюжета – в противовес положению о непрерывности и взаимозависимости исторического процесса развития каждой республики Советского Союза – в целом было бы ошибочным».

Однако демократизация и гласность сыграли решающую роль в активизации исторической памяти в национальных республиках, в частности в Украине. После отмены в 1987 году печально известной статьи 58/10-11 (об «антисоветской деятельности»), а в 1990-м – 6-й статьи Конституции СССР (о ведущей и направ-

ляющей роли компартии) в стране возникли сотни новых альтернативных изданий, в том числе антисоветских. Поток неподконтрольной информации, в том числе о недавнем прошлом, произвел настоящий переворот в политическом и историческом сознании общества. Чем острее становилась политическая борьба между коммунистами и демократами, тем чаще в этом противостоянии звучала тема Второй мировой войны. Особую роль здесь сыграли те публицисты, журналисты, писатели и историки, которые откликнулись на вызов времени.

Красноармейцы на танке

Две основные тенденции определяли украинскую специфику того периода. Во-первых, главное внимание начали уделять месту Украины и украинцев в войне. Сначала эту тему затрагивали исключительно в контексте критики сталинизма, но постепенно она вписалась в круг «незалежницких» тенденций, нараставших в стране. Например, публикации о создании в 1944 году по приказу Сталина Наркомата обороны УССР напомнили общественности об эфемером и фиктивном статусе украинской советской республики, а также были созвучны призывам определенных политических сил о необходимости формирования собственных республиканских вооруженных сил.

Во-вторых, «архивная революция» – выведение из спецхранов значительного массива ранее засекреченных документов – дала возможность заглянуть в эти «икс-файлы» и увидеть совсем другую картину прошедшей войны, что существенно способствовало девальвации старых советских мифов.

Например, тезис об «авангардной роли коммунистов во всенародной борьбе на оккупированной территории» лопнул как мыльный пузырь, когда выяснилось, что почти четверть прежних членов КПУ – 142.134 человека – остались на захваченной врагом территории, а большинство из них – 113.890 человек (80,1 %) – спокойно пережили немецкую оккупацию. В одном только пролетарском Ворошиловграде (ныне Донецк) по состоянию на 15 апреля 1943 года легально, после регистрации в гестапо, проживали 750 бывших коммунистов и 350 комсомольцев.

Когда речь идет о разрушении советской модели истории, нельзя обойти еще одну чрезвычайно важную тему – начало Второй мировой войны, 1939–40 годы. Советские идеологи засекречивали его не меньше, чем события 1941 года, и это не случайно. Этот период в СССР традиционно рассматривали как предвоенный – канун «Великой Отечественной войны», когда миролюбивый СССР во враждебном капиталистическим окружении готовился к будущим грозным испытаниям. С этой целью он наращивал военно-экономическую мощь и усиливал свои западные границы в «освободительных походах» Красной ар-

мии в Западную Украину и Западную Беларусь, Северную Буковину, Бесарабию, Прибалтику и Финляндию.

Умышленное перенесение акцента на советско-немецкую войну нарушало цельность исторического процесса, зато удачно вписывалось в политико-идеологический контекст советского мифотворчества. Оно имело целью спрятать очевидную причастность сталинского режима к развязыванию Второй мировой войны, которая к июню 1941 года имела явно захватнический, несправедливый и империалистический характер, при непосредственном участии в ней СССР. (не случайно во времена Брежнева название «Вторая мировая война» начали писать полностью со строчных букв, зато в названии «Великая Отечественная война» два слова – с заглавной).

Сконструированная советскими идеологами историческая схема мгновенно утратила бы привлекательность, если бы из «сталинского шкафа» вытащили старательно спрятанный «скелет»: документы о тайном соглашении 1939 года между Сталиным и Гитлером, касавшиеся раздела Европы. Вполне сознавая этот факт, советское руководство не только времен сталинизма или брежневизма, но и эпохи горбачевской гласности старательно прятало эти материалы, определяющие для понимания механизма возникновения войны в Европе. Поднять занавес над тайной пакта Риббентропа-Молотова не собирался и Горбачев. Оригиналы секретных протоколов, подтверждавшие существование такого заговора, общественность увидела уже в независимой России.

Красноармеец в бою за Бобруйск (июнь 1944 г.)

События конца 1930-х годов историки начали рассматривать совсем в другом ракурсе: два тирана – Гитлер и Сталин, – преступно сговорившись, фактически разожгли в Европе пожар войны, превратившейся в мировую. Ни советское подталкивание нацистов к агрессии, ни агрессивные действия самого СССР в начале Второй мировой войны вовсе не были вынужденными оборонными мерами. Их определила сама природа коммунистического режима, который всегда с готовностью использовал периоды политической нестабильности для того, чтобы расширить «фронт социализма».

Помимо «дружбы с Гитлером», история довоенного периода полна и других политически неудобных для советской пропаганды сюжетов. К ним принадлежало и сотрудничество рейхсвера с Красной армией в 1920-х – начале 1930-х гг., и боевое взаимодействие Вермахта и Красной армии во время разгрома Польши в 1939 году. Совсем не вписывались в картину «триумфального шествия» советской власти в присоединенных западных регионах массовые репрессии и де-

портации политически неблагонадежных элементов, охватившие до миллиона человек. В мясорубку сталинских репрессий попали и 22 тысячи польских пленных офицеров, убитых в советских тюрьмах: палачи НКВД в кожаных передниках ночью убивали выстрелами в затылок поляков, связанных колючей проволокой, а потом бросали трупы в тайные могилы. Символом этой трагедии стала Катынь – лесной массив под Смоленском. Документы об этом преступлении сталинизма против человечества были старательно спрятаны и увидели свет только в 1996 году.

Наконец, совсем не праздничный вид имела война с Финляндией (30 ноября 1939 – 13 марта 1940 гг.), которую СССР развязал после провокации советских спецслужб в пограничном городке Майнила – почти аналогичной провокации нацистов в Гляйвице накануне вторжения в Польшу. Международное сообщество справедливо расценило «Зимнюю войну» как агрессию, и когда советская авиация разбомбила 20 финских городов (при этом погибли или были ранены почти 3000 штатских лиц), СССР с позором исключили из Лиги Наций.

Пленные красноармейки (Витебщина, лето 1944 г.)

Довольно противоречивой и целиком отличной от советской схемы оказалась так называемая «освободительная миссия Красной армии в Европе». События финального периода войны, когда одновременно с освобождением от нацизма сталинские войска и спецслужбы совершали масштабные преступления. Например, уничтожали вооруженную оппозицию и депортировали потенциально нелояльные социальные и национальные группы населения (типа немцев Центрально-Восточной Европы).

Коммунистический миф войны, подтачиваемый изнутри альтернативными историками и публицистами, одновременно разрушался и извне, под давлением другой тенденции, откровенно антисоветской и националистической, прямо связанной с темой ОУН-УПА. В Западной Украине, как и в республиках Балтии, Красную армию публично винили в оккупации. В феврале 1990 года перед зданием Верховного Совета в Киеве правые политические объединения и партии устроили несанкционированный митинг, участники которого назвали советскую армию оккупационной («воспитывает в своих рядах манкуртов»), и призвали создать собственные украинские вооруженные силы, ссылаясь на опыт Украинской повстанческой армии времен Второй мировой войны.

Особую роль в популяризации ОУН-УПА сыграла украинская диаспора, откуда, заполняя информационный вакуум, в страну хлынули эмиграционные издания, написанные преимущественно во времена «холодной войны». Правда, среди потока этой литературы были и вполне академические работы – например,

книга канадского профессора украинского происхождения Ореста Субтельного, где история Второй мировой войны подавалась в необычном «украиноцентричном ракурсе». Она вышла в Киеве уже в первый год украинской независимости и, ввиду отсутствия новейшей концепции украинской истории, несколько лет была едва ли не единственным пособием для студентов и школьников Украины.

Заполнение «белых пятен» украинской истории вызвало, наконец, существенные трансформации в общественном сознании и подорвало доверие к коммунистическому режиму. Динамика изменений политических настроений: от критики сталинизма – к критике советской системы в целом и далее – к осознанию идеи независимой Украины произошла весьма стремительно и неожиданно для власти.

Зато вполне предсказумо возрастала популярность темы ОУН-УПА. На западе Украины многочисленные митинги с призывами возродить национальную символику и признать Украинскую повстанческую армию участницей Второй мировой войны начались еще во времена перестройки. В Киеве на площади Октябрьской революции (будущем майдане Незалежности) резво торговали националистической литературой, флажками, значками с символикой ОУН и УПА. О том, что в обществе назревает раскол, красноречиво свидетельствовало резкое обострение в конце 1980-х гг. споров относительно ОУН и УПА.

Сознавая взрывоопасность этого процесса, КПУ сделала ряд легальных и нелегальных попыток дать отпор «антисоветской и бандеровской пропаганде». Обкомам было приказано обеспечить публикацию контрпагандистских статей в прессе, выступления ученых на телевидении и, несмотря на дефицит бумаги, издать серию книг «Правда про ОУН-УПА», «Книга памяти жертв ОУН-УПА», сборник рассказов «Со́весть», разоблачавший бандеровцев и т.д.

ВОЙНА МИФОВ В НЕЗАВИСИМОЙ УКРАИНЕ

Провозглашение в августе 1991 года независимости Украины не сняло с повестки дня проблему ОУН-УПА, наоборот, ее обсуждение переросло в открытое политическое противостояние. Камнем преткновения остался вопрос об официальном признании ОУН и УПА. В обществе развернулась дискуссия о том, чья борьба была определяющей в истории борьбы за украинскую державность – тех украинцев, что воевали под красными флагами, или тех, кого вдохновляли на борьбу желто-голубые.

Полярность оценок отражалась во взаимных лексических штампах: советских ветеранов клеймили как «оккупантов», «потерянное поколение», «врагов украинской независимости»; участников движения ОУН-УПА – как «коллаборантов», «предателей украинского народа», «фашистских прислужников». В 1992 году, накануне и во время празднования 50-летия создания УПА, несколько западноукраинских областных и районных советов обратились к Верховной Раде с просьбой официально признать участников национально-освободительной борьбы 1920–50-х годов. В ответ руководство Союза ветеранов Украины прислало в Верховную Раду серию протестных писем против «бандеризации Украины».

Несогласие господствует и в самом ветеранском движении. Откровенно прокоммунистическая ориентация руководства Союза ветеранов Украины, для которого борьба за память о войне означает борьбу за коммунистические ценности и воссоздание чего-то вроде нового СССР, вызвала раскол. В октябре 1996 года в Киеве состоялся учредительный съезд Всеукраинского объединения ветеранов Второй мировой войны, на котором было заявлено о желании «отмежеваться от проимперских действий и намерений возродить Советский Союз ветеранской организации, которую возглавляет товарищ Герасимов», а также «объединить усилия всех ветеранов, которые исповедуют и поддерживают Конституцию Украины и ее независимость и тем самым способствуют консолидации украинского общества».

В целом, для современной Украины, которая декларирует верность демократическим принципам, характерна плюралистичная историография. Правда, здесь также ощущается поляризация не столько научных идей, сколько политических позиций.

С одной стороны, очевидны попытки перемоделировать с точки зрения «украиноцентризма» старую советскую схему «Великой Отечественной войны» и даже ее базовый миф. Скажем, в учебнике для старшеклассников и абитуриентов «История Украины» (Киев, 1999) его авторы А. Чайковский и В. Шевченко утверждают, что «народ назвал войну Великой Отечественной войною, ибо защищал в ней свое отечество – Украину». Мифической можно считать и трактовку выхода УССР на международную арену (то есть вступление в ООН, что произошло в первую очередь благодаря кулуарным играм Сталина, а не в результате «признания вклада украинского народа в борьбу с фашизмом»).

С другой стороны, такому подходу противостоит интегральная националистическая концепция, сторонники которой стремятся выбросить из памяти о войне все советское, заменив его героикой ОУН и УПА.

Сторонники промежуточной модели пытаются умиротворить правых и левых, акцентируя внимание на «героизме и жертвенности» всех украинцев, сражавшихся с немецкими захватчиками в годы войны и в Красной армии, и в УПА, в результате чего в исторической перспективе появилась возможность создать независимую Украину. Таким образом, на смену старому советскому мифу войны пришли новые постсоветские и националистические мифы.

Игра на двух полях исторической памяти стала привычным делом для украинских «людей власти», которые одинаково воздавали должное и националистическим, и советским юбилеям и датам. Более того, власть научилась применять эти праздники к своим конъюнктурным интересам. Скажем, отмечая годовщину провозглашения Карпатской Украины (ЗУНР), президент Леонид Кучма присвоил звание Героя Украины ее первому президенту Августину Волошину, погибшему в 1945 году в застенках московского НКВД. Одновременно такое же звание получил и руководитель Союза ветеранов генерал Иван Герасимов.

Кроме того, Кучма утвердил новый праздник – День партизанской славы, вопреки советской традиции не разделять воинов Красной армии и партизан. В данном случае празднование в современной Украине 22 сентября Дня партизанской славы стало очередной уступкой левому электорату, ведь оно де-факто противопоставляет советских партизан повстанцам УПА, отмечающим «свой

день» на три недели позже. Тогдашний президент позаботился и о подпольщиках. 18 февраля 2002 года он отдал распоряжение «О праздновании 60-летия создания подпольной молодежной организации «Молодая гвардия» и лично принял участие в торжестве. А 60-летие УПА, которое на уровне общественных организаций праздновали в том же 2002 году, проигнорировал.

Но, вопреки всем своим стараниям, сторонники советских мифов проиграли битву за историческую память нового поколения. Еще на заре независимости, усилиями тогдашнего Министерства образования из программ и учебников для средней и высшей школы были выброшены старые советские схемы, также была узаконена тема ОУН-УПА. Следует отметить, что именно на тех учебниках воспитана целая генерация участников Оранжевой революции.

Одним из главных слагаемых украинской модели Второй мировой войны стал перенос акцента с 22 июня 1941 года на 17 сентября 1939 – день вступления СССР (и Украины) во Вторую мировую войну. Этому периоду придается значительное внимание и при освещении проблемы присоединения западноукраинских земель, и в осуждении жестокой советизации края, массовых репрессий против мирного населения. Сталин и Гитлер подаются в одной связке, как тоталитарные диктаторы, равно ответственные за разжигание войны. В большинстве учебников для средней и высшей школы название «Великая Отечественная

Вот это они хорошо умели делать: «зачистка» беларуской деревни

война» заменено нейтральными и менее эмоциональными – «Вторая мировая» или «немецко-советская» война.

Отход от советской модели памяти о войне наблюдается и в замене старых героев-символов новыми. Классические советские герои – Николай Гастелло, Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, 28 героев-панфиловцев и прочие – на страницах украинских учебников уступили место героям национально-освободительной борьбы. (Некоторые – как «легендарный советский разведчик» Николай Кузнецов, убитый за то, что провоцировал немецкие репрессии против украинских националистов в Ровно, – превратились в антигероев.) Во многих школьных учебниках помещены портреты командующего УПА Романа Шухевича и лидера ОУН Степана Бандеры.

В боях за Берлин РККА потеряла более 2-х тысяч единиц бронетехники!

В контексте исторической памяти о войне нельзя обойти связанную с ней тему сталинщины. Коллективная и индивидуальная память украинцев тесно связывает со Сталиным голодомор 1933 года. Многие историки называют людские потери, которые принес Украине сталинский режим, большими, чем ее жертвы во Второй мировой войне. В отличие от России, где деятельность Сталина позитивно оценивает почти половина населения, в Украине роль «творца великой Победы», которая приписывалась «вождю народов», не добавляет ему веса. Достаточно вспомнить, какой взрыв возмущения вызвало в Украине известие о том, что правительство Крыма хочет в честь 60-летия Ялтинской конференции на деньги российских бизнесменов поставить в Ливадии памятник «Большой тройке» работы одиозного московского скульптора Зураба Церетели. Одна только мысль о том, что в стране может появиться памятник Сталину, показалась украинцем кощунственной.

Политический и цивилизационный раскол украинского общества, в частности в вопросе памяти о войне, очередной раз продемонстрировали прошлые президентские выборы. Манипулируя настроениями русифицированного востока, проправительственные силы для дискредитации избирательного блока «Наша Украина» изобрели ярлык «нашизм» и прибегли к использованию соответствующей символики. На улицах Донецка были развешаны плакаты с портретом

Ющенко в эсэсовской форме, а видеоклип с кадрами Великой Отечественной и песней Иосифа Кобзона предрекал Украине гражданскую войну в случае победы Ющенко. В свою очередь, «Наша Украина» в своем рекламном ролике обещала очистить Украину от бандитов, как ее очистили от фашистских полчищ наши деды и отцы.

Но, вопреки прогнозам, раздела нации на «бандеровцев» и «красных» не произошло. По метафорическому выражению Збигнева Бжезинского, на Майдане Незалежности «национализм обнялся с демократией». Майдан объединил всех сторонников независимой и демократической Украины. В своей инаугурационной речи президент Ющенко поставил в один смысловой контекст ГУЛАГ и Аушвиц (Освенцим), Голодомор и Холокост, равнозначно осудив преступления как сталинского, так и гитлеровского режимов.

С победой «оранжевой революции» на повестку дня встал вопрос о национальном примирении, по крайней мере, на исторической почве. Камнем преткновения здесь и впредь остается проблема признания ОУН-УПА. Понятно, что умиротворить ветеранов УПА и Красной армии одни только президентские указы вряд ли способны. Празднование 60-летия победы в 2005 году показало, насколько сложным будет путь общества к согласию.

Но у нас нет иного пути, кроме пересмотра замшелых концепций и создания собственного видения украинской истории. Хватит уже смотреть на свое прошлое московскими глазами.

ЭВАКУАЦИЯ... НА ТОТ СВЕТ

Василий МАТОХ

БЕЗ ПРАВА НА ПОМИЛОВАНИЕ

С началом войны и оккупации система тюремного управления НКВД в БССР перестала существовать. Но что стало с людьми, содержавшимися в колониях и тюрьмах, по сей день остаётся малоизвестной страницей беларуской истории. Эвакуация заводов, предприятий, учреждений, мирного населения и материальных ценностей широко освещалась в послевоенной советской литературе как «беспримерная в мировой истории, поистине героическая и драматическая эпопея». Но о далеко не героическом эпизоде — эвакуации заключенных — предпочитали молчать.

Страна Советов встретила войну с густой сетью учреждений тюремно-лагерной системы ГУЛАГа и тюремного управления НКВД. На территории БССР накануне войны находились 24 исправительно-трудовых лагеря, в которых к 1 января 1941 года содержалось 8544 человека (в среднем, 356 человек на один ИТЛ). Они предназначались для содержания осужденных за уголовные преступления на срок лишения свободы до 3 лет. «Контрреволюционеры», опасные уголовники и рецидивисты свой срок в лагерях отбывали за пределами БССР.

В БССР имелись 4 трудовые колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Сколько в них содержалось подростков — неизвестно. Каждая колония была рассчитана на 350–400 человек.

Наряду с лагерями в республике в июне 1941 года функционировали 32 следственные и срочные тюрьмы. Они предназначались для содержания подследственных, а также некоторых категорий лиц, осужденных за контрреволюционные и тяжкие уголовные преступления. В Полесской, Могилевской и Гомельской областях было по одной тюрьме; в Витебской, Брестской, Пинской и Витебской — по три; в Белостокской и Вилейской областях — по четыре; в Минской области — пять, в Барановичской — семь тюрем. Самой маленькой была тюрьма № 17 в Столбцах — 60 мест, самой большой — тюрьма № 23 в Бресте — 2680 мест. Вообще, в Западной Беларуси тюрем и заключенных было значительно больше, чем в Восточной, и это не удивительно. Восточную Беларусь за 20 лет советской власти уже основательно очистили от «врагов народа», интеллигенции и «бывших людей». В западной же части республики эта работа находилась в самом разгаре.

За день до начала войны (21 июня) нарком госбезопасности БССР Лаврентий Цанава докладывал первому секретарю ЦК КП(б)Б Пантелеймону Пономаренко об итогах проведенной в западных областях БССР «операции по аресту участников контрреволюционных организаций и выселению членов их семей». В докладе указано, что «операция, по заранее утвержденным планам, была начата в ночь с 19-го на 20-е июня одновременно по всем западным областям Белорусской ССР и в основном закончена в тот же день — 20 июня до 15 часов дня. В результате проведенной операции всего репрессировано — 24.412 душ».

БЕЗ ЛИМИТА

Одинаковой характеристикой для тюрем и западных областей, и восточных была переполненность. Расчетное количество заключенных превышалось в несколько раз. Журнал НКВД СССР о численности заключенных в тюрьмах свидетельствует – 10 июня 1941 года в брестской тюрьме № 23 при наличии 2680 мест содержались 3807 человек. В минской тюрьме № 1 («Володарка») на 1000 мест содержалось 1867 заключенных, в Белостокской тюрьме № 18 вместо 1100 зэков – 2194. И так везде. Рекорд принадлежал небольшой тюрьме № 10 в Мозыре – вместо положенных 150 заключенных туда втиснули 635 (превышение более чем в 4 раза!). Страшно представить, в каких условиях содержались люди, ожидавшие «самого справедливого в мире» суда.

Всего же, как сообщает журнал НКВД, на 10 июня 1941 года в 32 белорусских тюрьмах содержались 25.860 человек (при расчетной вместимости 16.954 места). И это без учета тех, кого арестовали и заключили в тюрьму в период с 10 по 21 июня, а таких было, как минимум, еще несколько тысяч человек. Например, по свидетельству секретаря Гродненского горкома КПБ, 22 июня в Гродненской тюрьме находилось 3500 заключенных (10 июня их было 1765).

Точных сведений о том, сколько всего было заключенных в беларуских тюрьмах 22 июня нет, и установить их уже никогда не удастся. Практически все тюремные учетные документы были уничтожены в июне 1941 года либо достались немцам. Но, по косвенным данным, можно полагать, что заключенных было не менее 30 тысяч.

Охраняла заключенных Беларуси и Литвы 42-я бригада конвойных войск НКВД СССР (штаб в Минске). В ее состав входили 226-й и 240-й конвойные полки. 226-й полк дислоцировался в Минске (с подразделениями в Вилейке, Заславле, Молодечно, Свенцянах и Глубоком), а 240-й полк – в Вильнюсе. Кроме них, в состав бригады входили 131-й отдельный конвойный батальон (ОКБ) со штабом в Гродно, 132-й ОКБ со штабом в Бресте, 135-й ОКБ со штабом в Барановичах.

ЗА ЛИНИЮ ФРОНТА

22 июня 1941 года перед руководством СССР встал вопрос, что делать с многотысячной армией зэков, содержавшихся в тюрьмах и колониях западных областей СССР, оказавших прифронтовой зоной. Призывать в армию – немыслимо. Даже родственникам репрессированных в начале войны не доверяли защищать Родину. Отпустить – значит предъявить немцам, а за ними и всему миру живых свидетелей преступной практики НКВД. Заключенных надо было вывезти на восток, в тюрьмы и лагеря внутренних областей СССР. Но в условиях неразберихи начала войны, когда немцы продвигались вперед быстрее, чем советские стратеги успевали отмечать это на картах, такая задача обещала быть невероятно сложной.

В архивах Беларуси и России выявлено достаточно документов, позволяющих в общих чертах проследить, как шла эвакуация заключенных из тюрем БССР на восток в июне 1941 года и освещающих некоторые драматические эпизоды этой эвакуации.

22 июня правительство СССР не интересовалось эвакуацией тюрем. Тюремное управление НКВД ограничилось передачей по телефону начальникам тюрем приказа перейти на казарменное положение и усилить охрану. Никто в Москве и Минске не мог предположить, что обрушилась вся советская граница, и что немцы за один день продвинутся на несколько десятков километров.

Связь с тюрьмами городов Брест, Белосток, Ломжа, Гродно была потеряна уже в первый день войны. На протяжении нескольких дней ЦК КПБ и НКВД БССР оставались в полном неведении относительно судеб заключенных и охранников этих тюрем.

Зэки «обедают»

Вечером 22 июня начальник Волковысской тюрьмы сообщил по телефону в тюремное управление НКВД БССР, которое возглавлял Степанов, что к городу подходят немцы (до ближайшего участка границы от Волковыска тогда было около 100 км.). Ему отдали распоряжение пешком вывести заключенных в Барановичи. Было также решено начать эвакуацию тех тюрем западных областей, с которыми еще была телефонная связь (из 21 тюрьмы западных областей БССР удалось связаться только с девятью).

23 июня советское руководство осознало, что необходимо принимать срочные меры по вывозу заключенных. Заместитель наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышов передал по телефону наркому внутренних дел БССР Матвееву указание Берии о немедленной эвакуации тюрем. Был составлен план, по которому предполагалось вывезти в Поволжье, на Урал и в Сибирь 16.357 заключенных из тюрем западных областей БССР.

НКВД БССР передал этот приказ конвойным войскам. Командир 42-й бригады конвойных войск Плеханов после 8 часов утра 24 июня направился в свою часть, чтобы передать личному составу приказ выехать на запад для эвакуации тюрем. Но по дороге он был убит (при каких обстоятельствах – неизвестно) и приказ передан не был. В любом случае, как сообщал позже начальству заместитель Степанова Опалев, «это мероприятие уже запоздало, т.к. в 10 часов утра 24.06 приехали в г. Минск сотрудники тюрем Новогрудка, Барановичей, Лиды, Несвижа, Бреста, которые передали, что все города Барановичской, Белостокской, Брестской областей эвакуированы 23.06 и часть их уже заняты немцами». Под «эвакуацией городов» подразумевалась эвакуация партийно-советских, чекистских и тюремных начальников – никто из заключенных, не говоря уже о местном населении, вывезен не был.

Позже, по требованию тюремного управления НКВД БССР, начальники тюрем и их заместители написали рапорты, которые в виде докладной записки 3 сентября 1941 года были переданы начальнику тюремного управления НКВД СССР Никольскому. Подписал этот документ заместитель начальника тюремного управления БССР лейтенант госбезопасности Опалев. Из его докладной записки, вкратце пересказывающей рапорты начальников тюрем и подводящей ре-

зультаты эвакуации заключенных из Беларуси, вырисовывается картина паники и хаоса, царивших в тюрьмах БССР в июне 1941 года.

ЭВАКУАЦИЯ ИЛИ БЕГСТВО?

Немецкие снаряды и бомбы, обрушившиеся на Брест и Гродно ранним утром 22 июня, не миновали и тюремных стен. Из рапорта начальника брестской тюрьмы Шафоростова: «Зажигательными бомбами были подожжены: адмкорпус, общежитие, склады, клуб. Корпус тюрьмы был пробит артиллерийским снарядом».

Шафоростов связался по телефону с местными начальниками НКВД и НКГБ, которые приказали держать оборону силами охранников тюрьмы (17 винтовок и пулемет), обещая прислать подкрепление. Когда через несколько часов немецкие солдаты начали приближаться к тюрьме, Шафоростов послал связного за обещанным подкреплением, но ни в НКВД, ни в НКГБ уже никого не было – все «эвакуировались». Начальник тюрьмы принял решение бросить объект вместе с заключенными и отступить. Как сообщал очевидец тех событий, секретарь Брестского райкома комсомола Ромма, в тот же день вырвавшиеся из тюрьмы заключенные начали грабить городские склады и магазины, «занялись пьянкой и приветствием вступления германских фашистских войск в город: «Да здравствует освободитель Гитлер» и т.д.» Часть охранников тюрьмы не успела уехать из города – немцы отлавливали их с помощью заключенных и расстреливали прямо на улицах.

В Гродно утром 22 июня взрывной волной от бомбы, упавшей во двор тюрьмы, вышибло двери камер, но охране удалось перевести заключенных в главный корпус. Днем главный корпус прямым попаданием был разрушен – много заключенных погибло. Ближе к ночи третья бомба разрушила часть второго корпуса. Заключенным удалось вырваться из тюрьмы, и, несмотря на открытый охраной огонь на поражение, разбежаться по городу. Начальник тюрьмы попытался связаться с местным НКВД и НКГБ, однако те, как и их брестские коллеги, уже «эвакуировались». Тюрьма была оставлена.

В Ломже начальник тюрьмы Гаркевич при приближении немцев по личной инициативе освободил бывших военнослужащих и людей, осужденных по указу об уголовной ответственности за опоздания на работу, прогулы и т.п., остальных заключенных закрыл в камерах и вместе с охраной покинул город в 12 часов дня 22 июня. Местные руководители НКВД и НКГБ, к которым он неоднократно обращался, «из города выехали, оставив тюрьму на произвол».

Начальник тюрьмы Белостока по приказанию начальника УНКВД запер заключенных в камерах и с личным составом покинул город 23 июня.

ПОД ОБСТРЕЛОМ

Если перечисленные тюрьмы, крупнейшие в БССР, находились прямо у границы и с первых же часов войны оказались блокированными, то у персонала остальных тюрем западных областей были в запасе, как минимум, сутки, а то и несколько дней для эвакуации. Что же происходило в них?

Тюрьма г. Волковыска уже упоминалась выше. В 23 часа 22 июня конвой вышел из Волковыска в Барановичи под командованием начальника тюрьмы Ладугина. Но его пункт назначения уже не существовал. 23 июня барановичскую тюрьму обстреляли из пулеметов немецкие самолеты. Местное руководство НКВД и НКГБ «выбыло» из города в полном составе. Не имея никаких указаний, начальник барановичской тюрьмы «растерялся, дал распоряжение заключенных оставить в тюрьме и спасаться личному составу» (кстати, Барановичи были взяты немцами лишь 26 июня). Волковысский конвой заключенных пропал без вести. Как утверждал Опалев, Ладугин из Беларуси просто сбежал.

Совершенно исключительный случай произошел в Новогрудке. 23 июня город начали бомбить, начальник местной тюрьмы Крючков «всех заключенных из тюрьмы вывел и посадил в вагоны. На станции на конвой напали местные жители, ворвались в вагоны и освободили заключенных». Во время перестрелки с нападавшими Крючков был ранен в руку.

В Кобрине, Пружанах, Лиде и Слониме начальники тюрем бросили заключенных запертыми в камерах и бежали вместе с охраной. Причем начальник слонимской тюрьмы Сокоушин скрылся вместе с денежной кассой тюрьмы (Пружаны были захвачены немцами 23 июня, Слоним – 24-го).

В Несвиже начальник тюрьмы Арусланов под конвоем отправил заключенных на железнодорожную станцию Городея для эвакуации. Из рапорта Арусланова:

> «По дороге налетели самолеты, приняв колонну за воинскую часть и начали бомбить и обстреливать из пулеметов с пикирующего полета. В результате заключенные разбежались».

В восточных областях Беларуси, где у персонала тюрем была, по меньшей мере, неделя для эвакуации зэков, не были вывезены заключенные из Слуцка, Борисова и с железнодорожной станции Приямино. Из докладной записки Опалева:

> «23 июня начальником Слуцкого горотдела НКВД политруку тюрьмы Хосию дано распоряжение оставить заключенных в тюрьме, а надзорсоставу эвакуироваться. По-

Карцер в советской тюрьме

литрук Хосия первый забрал машину, посадил в нее свою семью, выехал из Слуцка, бросив все».

Начальник тюрьмы г. Борисова Больных 26 июня во время бомбардировки города «вывел из тюрьмы заключенных и повел пешим строем по автомагистрали на Смоленск. Дорогой налетевшими самолетами колонна была обстреляна, заключенные разбежались. Никаких мер к поимке заключенных Больных не принял, из Белоруссии выехал неизвестно куда».

Начальник временной тюрьмы в Приямино Мась «при обстреле тюрьмы из пулеметов всех заключенных закрыл в бараках (инвалиды-бытовики) и вместе с надзорсоставом эвакуировался в г. Могилев».

«ВЫБЫЛИ ПО ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ»

Одна из самых мрачных страниц эвакуации тюрем — незаконные расстрелы заключенных. Нигде в документах цель этих расстрелов не сформулирована в явном виде. Видимо, она заключалась прежде всего в том, чтобы не оставить противнику свидетелей преступлений НКВД и сталинского режима.

4 июля 1941 года заместитель наркома внутренних дел СССР Чернышов и начальник тюремного управления НКВД СССР Никольский направили Берия докладную записку с предложением о «разгрузке тюрем от заключенных». В ней было сказано:

> ...«Дальнейший вывоз заключенных из тюрем прифронтовой полосы, как вновь арестованных после проведенной эвакуации тюрем, так и в порядке расширения зоны эвакуации, считаем нецелесообразным, ввиду крайнего переполнения тыловых тюрем.
>
> Необходимо предоставить начальникам УНКГБ и УНКВД (совместно), в каждом отдельном случае, по согласованию с военным командованием решать вопрос о разгрузке тюрьмы от заключенных в следующем порядке. Вывозу в тыл подлежат только подследственные заключенные, в отношении которых дальнейшее следствие необходимо для раскрытия диверсионных, шпионских и террористических организаций и агентуры врага.
>
> Женщин с детьми при них, беременных и несовершеннолетних, за исключением диверсантов, шпионов, бандитов и т. п. особо опасных, — освобождать. Всех осужденных по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 26. 6, 10. 8 и 28.12 - 1940 г. и 9.4 с. г. (за прогулы и опоздания на работу – *Авт.*), а также тех осужденных за бытовые, служебные и другие маловажные преступления, или подследственных по делам о таких преступлениях, которые не являются социально опасными, использовать организованно на работах оборонного характера по указанию военного командования, с досрочным освобождением в момент эвакуации охраны тюрьмы. Ко всем остальным заключенным (в том числе дезертирам) применять ВМН – расстрел».

Эти предложения были законодательно оформлены Указом Президиума Верховного Совета СССР 12 июля 1941 года.

Но к 4 июля практически вся Литва, Западная Украина и Западная Беларусь уже были заняты немцами. Неизвестен ни один директивный документ о порядке эвакуации тюрем с этих территорий, в ряде случаев сопровождавшейся физической ликвидацией заключенных. Известно лишь, что ЦК КПБ весьма оперативно, уже 23 июня 1941 года, издал постановление о срочном приведении

в исполнение приговоров в отношении заключенных, осужденных к высшей мере наказания – расстрелу. То есть, беларуские тюрьмы начали «разгружать» задолго до официального указа. Работники прокуратуры и НКВД приступили к проверке тюрем с целью выявления осужденных к ВМН и незамедлительного их уничтожения. В июле 1941 года в Мозырской тюрьме расстреляли 38 человек, приговоренных к высшей мере, в Гомельской тюрьме – 111. Но передать эту директиву в тюрьмы Западной Беларуси не успели.

В большинстве случаев решения о «разгрузке» тюрем принимали местные начальники охраны, НКВД и НКГБ, партийные чиновники, руководствуясь принципами «классовой бдительности» и «политической целесообразности».

В докладной записке Опалева говорится о следующих фактах:

«Политрук тюрьмы г. Ошмяны Клименко и уполномоченный Авдеев в момент бомбежки гор. Ошмяны самочинно вывели из камер 30 чел. заключенных, обвиняемых в преступлениях контрреволюционного характера и в подвале тюрьмы расстреляли, оставив трупы незарытыми. Остальных заключенных оставили в корпусах и покинули тюрьму со всем личным составом.

На второй день местные жители гор. Ошмяны, узнав о расстреле заключенных, пошли в тюрьму и, разбирая трупы, разыскивали своих родственников».

При эвакуации заключенных из тюрьмы города Глубокое:

«Заключенные поляки подняли крики: «Да здравствует Гитлер». Начальник тюрьмы Приемышев, доведя их до лесу – по его заявлению расстрелял до 600 человек. По распоряжению военного прокурора войск НКВД, Приемышев в Витебске был арестован. По делу производилось расследование, материал которого был передан члену Военного Совета Центрального фронта – секретарю ЦК КП(б) Белоруссии тов. Пономаренко. Тов. Пономаренко действия Приемышева признал правильными, освободил его из-под стражи».

В Гродно секретарь горкома КПБ Позняков 22 июня в 14 часов отдал распоряжение начальнику НКГБ всех контрреволюционных элементов, находящихся в тюрьме, расстрелять. Но, как уже говорилось выше, чекисты предпочли «эвакуироваться» и приказ выполнен не был.

Трагично сложилась судьба заключенных «Володарки». Опалев в своей докладной записке не описал ее эвакуацию, ограничившись невнятным: «о тюрьме г. Минска мною дано объяснение начальнику Оперативного отдела полковнику тов. Ильину». Куда подробней об эвакуации рассказано в оперсводке нового командира 42-й бригады конвойных войск подполковника Ванюкова:

«В ночь с 24 на 25.6.41 конвоем 226 полка в количестве 170 человек эвакуированы заключенные из всех тюрем г. Минска за реку Березина для отрывки окопов. В пути движения в районе Червень состав конвоя вместе с колонной заключенных подвергся сильной бомбардировке с воздуха, распоряжением начальника тюремного управления НКВД БССР Степанова заключенные за контрреволюционные преступления были расстреляны, а остальных распустили».

Число расстрелянных уточнено в докладной записке начальника 3-го отделения НКВД 42-й бригады КВ младшего лейтенанта ГБ Компанийца начальнику 3-го отделения НКВД СССР старшему майору ГБ Белянову от 11.7.1941:

«26 июня силами снайперской роты из Минской тюрьмы было эвакуировано около 2000 заключенных, но ввиду систематических нападений на колонну с заключен-

ными под местечком Червень, при согласовании с руководством тюрьмы 209 политических заключенных были расстреляны, а заключенные, содержащиеся под стражей за бытовые преступления, освобождены».

Но, как свидетельствуют выжившие в той бойне, расстрелянных было значительно больше. Среди убитых в урочище Цагельня под Червенем были беларусы, поляки, украинцы, русские, литовцы (накануне эвакуации, 23 июня в Минск доставили заключенных из Каунасской тюрьмы). По воспоминаниям выживших, колонна заключенных, которую в ночь с 24 на 25 июня погнали из Минска на восток, состояла из 5–6 тысяч человек. Расстреливать начали еще в Минске.

По свидетельству бывшего узника минской внутренней тюрьмы НКВД («американки») по фамилии Цодик, которого при подготовке книги о репрессиях 1930-х гг. «Нельзя забыть» в начале 1990-х гг. опросил Анатолий Майсеня, заключенные «американки» были расстреляны утром 25 июня в Тростенце, на том самом месте, где немцы позже построили лагерь смерти.

В беларуских документах почему-то не встречается термин, активно употреблявшийся украинским НКВД – «первая категория». Этим жутким эвфемизмом советского новояза обозначался расстрел. Вот выдержки из доклада начальника Тюремного управления НКВД Украинской ССР капитана госбезопасности Филиппова от 12 июля 1941 года:

> «Львовская область – Из тюрем Львовской области убыло по 1-й категории 2464 человека, освобождено 808 заключенных, в основном обвиненных в бытовых преступлениях. Все убывшие по 1-й категории заключенные погребены в ямах вырытых в подвалах тюрем, а в гор. Злочеве в саду.
>
> Тарнопольская область – По состоянию на 22.VI – в тюрьме г. Тарнополь содержалось 1790 заключенных. Из этого количества 560 чел. убыло по 1-й категории. Погребение произведено в вырытых специально для этой цели ямах, однако часть – 197 человек погребены в подвале НКГБ, мелко очень зарыты, операцию проводил начальник УНКГБ.
>
> В тюрьме г. Бережаны по состоянию на 28.VI содержалось 376 заключенных, убыло по 1-й категории 174 человека. Погребение произведено в расположении воинской части».
>
> В двух тюрьмах Дрогобычской области, в гг. Самбор и Стрый убыли по 1-й категории 1101 чел.
>
> В Перемышльской тюрьме убыло по 1-й категории 207 чел, в тюрьмах Станиславовской области убыло по 1-й категории 1 тысяча чел., города Луцка – 2 тыс., в Ковеле – 194, в Дубне – 260, из Черткова эвакуировано 954 заключенных, по дороге убыло 123 заключенных».

Элементарное сложение дает в сумме более 8 тысяч человек.

Расстрелы производились в тюрьмах и тех регионов Украины, которым оккупация не угрожала еще долгое время, например, в Кировоградской и Харьковской областях. Сколько заключенных эвакуировали – не установлено. Об их количестве косвенно свидетельствует тот факт, что НКВД УССР запросило для этой цели 1308 вагонов (умножив на 60, получаем цифру 78.480 человек!).

НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

В своей докладной записке от 3 сентября 1941 года Опалев подвел предварительные, и весьма неутешительные для НКВД итоги. При наличии 32 тюрем в БССР, удалось провести эвакуацию лишь в 14 городах: Вилейке, Витебске, Глубоком, Гомеле, Дрогичине, Могилеве, Мозыре, Молодечно, Орше, Пинске, Полоцке, Столбцах, Столине, Червене. Причем понятие «эвакуированы» не означало, что всех заключенных вывезли (что стало, например, с большей частью узников Глубокской тюрьмы, объявленной «эвакуированной», сказано выше).

Посадка заключенных в грузовики-«полуторки»

Как признает Опалев, «из остальных тюрем заключенные или были выведены из тюрем и разбежались по дороге во время налета на них немецких самолетов, или же были оставлены в тюрьмах при занятии городов немецкими войсками» (либо были расстреляны в тюрьмах и по пути следования – *Авт.*).

Об эвакуации исправительно-трудовых лагерей известно лишь, что на основании приказа НКВД СССР от 7 декабря 1941 года начальник управления ИТЛ НКВД БССР Раппе был арестован на 20 суток и уволен из органов. Причиной тому, как сказано в приказе, стала «безобразно» проведенная эвакуация – лишь 2 колонии из 24-х вывезли личный состав, имущество и заключенных.

22 января 1942 года заместитель начальника 1-го отдела тюремного управления НКВД СССР капитан госбезопасности Волхонский подготовил ряд статистических справок об итогах эвакуации тюрем западных областей СССР. Согласно им, БССР с большим отрывом лидировала по количеству заключенных, оставленных на оккупированной территории – 13.953 человека. Украинская ССР, с ее 78 тюрьмами, оставила врагам всего 3536 зэков. Это объясняется, в первую очередь, более быстрыми темпами продвижения немцев в Беларуси.

В ходе эвакуации тюрем БССР бежало в пути при бомбежке – 775, освобождено налетом банды – 76 (видимо, имеется в виду новогрудский эпизод), расстреляно в тюрьмах – 530, незаконно расстреляно конвоем в пути – 714 заключенных. Итого не удалось вывезти – 16.048 человек. В тюрьмы тыловых районов СССР эвакуированы 9573 человека.

Следует отметить, что эти цифры весьма условные и неточные. В справке Волхонского никак не отражены заключенные, погибшие при бомбежках гродненской и брестской тюрем. Термин «незаконно расстрелянные» следует понимать, как расстрелянные без указания вышестоящего руководства. А сколько было убито «законно»? И сколько расстрелянных не было учтено в справке Волхонского?

Например, о расстреле в урочище Цагельня известно из докладов Ванюкова и Компанийца. Но выявлены также массовые захоронения людей в деревнях Загорье и Высокий Стан, в урочищах Дубов Мост и Куколевская поворотка на Червенщине.

Для сравнения: в Украинской ССР во время отступления расстреляли в тюрьмах, согласно справке Волхонского, 8789 заключенных. Но, по данным украинских исследователей Олега Романова и Инны Федущак, в УССР при эвакуации в 1941 году было расстреляно около 22.000 человек.

Вопрос, на который не дают ответа сухие цифры этой справки – что стало с заключенными, оставшимися на оккупированной территории? Как свидетельствуют мемуары очевидцев и участников событий, почти все заключенные получили свободу и вернулись по домам (первое время немцы отпускали из концлагерей даже военнопленных – уроженцев и жителей БССР).

СТРАШНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Немцы искусно пользовались тем, что НКВД не везде успевало замести следы своих преступлений. Для жителей оккупированных городов они устраивали экскурсии по тюрьмам, а если обнаруживали в тюрьмах трупы, предлагали горожанам опознать их. Останки людей, расстрелянных в тюрьмах, были продемонстрированы представителям Международного Красного Креста.

Стремясь любыми способами уничтожить антисоветские проявления в западных областях СССР, советский режим сам создавал антисоветские настроения в Западной Беларуси, Украине, Прибалтике. Бывшие заключенные, их родственники, репрессированные – все эти люди не ждали от советской власти ничего хорошего и были потенциальными рекрутами в немецкие части полиции, вооруженной охраны, вспомогательных частей, а в дальнейшем – отрядов «лесных братьев».

Мемуаров и воспоминаний заключенных, переживших войну – очень мало. Немногим удалось выжить в хаосе ее начала, пережить оккупацию, избежать смерти в советских лагерях и найти в себе силы описать увиденное. Но эти люди тоже имеют право на то, чтобы мы помнили о них.

Например, Борис Рогуля – беларус, уроженец Новогрудчины. Призванный в 1939 году в польскую армию, попал в плен к немцам. Летом 1940 года ему с товарищем удалось бежать и перейти немецко-советскую границу. Работал учителем немецкого языка в Любче. В январе 1941 года его арестовали сотрудники НКВД по обвинению в шпионаже в пользу Германии и «подготовке антисоветского мятежа». Сначала Рогулю допрашивали в барановичской тюрьме, а затем перевели в минскую «американку», где объявили приговор по его делу – расстрел. В ожидании казни Рогуля и встретил 22 июня.

В своих мемуарах «Жизнь под огнем», он вспоминал, что через несколько дней их вывели из тюрьмы и вместе с другой колонной заключенных пешком погнали на восток. По дороге, воспользовавшись суматохой, возникшей при бомбежке, Борису удалось перебежать в соседнюю колонну. Когда заключенных привели в Червеньскую тюрьму, охрана устроила сортировку заключенных на две группы – в одну отправляли тех, кто обвинялся по «политическим» и «анти-

советским» статьям, во вторую – всех остальных. Во время сортировки Борис назвался чужим именем и сказал, что его арестовали за невыполнение плана. У конвоя не было с собой документов, чтобы проверить всех заключенных – они полагались на покорность людей. Бориса отправили во вторую группу, а первую, в которой набралось больше тысячи человек, куда-то увели. Позже оставшиеся услышали стрельбу. К утру охрана исчезла и оставшиеся в живых заключенные разбежались.

Воспоминания Рогули подтверждают свидетельства других очевидцев червеньских событий. Бывшие офицеры литовской армии Юозас Тумас и Йонас Петруйтис были арестованы в Литве в мае 1941 года и заключены в каунасскую тюрьму. Им предъявили обвинения по статье 58 УК РСФСР («контрреволюционные преступления»). К тому времени в Литве были арестованы практически все бывшие офицеры националной армии. 24 июня заключенных каунасской тюрьмы доставили поездом в Минск, а ночью всех пешком повели в Червень. Из воспоминаний Й. Петруйтиса:

> «Когда мы отошли от Минска километров 15, нам приказали не смотреть направо, но мы все равно увидели, что там такое. На краю соснового леса лежали двумя рядами заключенные – около 300 человек. Позже мне довелось разговаривать с двумя людьми, которые необычным способом спаслись из этой лежащей в лесу группы. Они мне рассказали, что в лесу был устроен своеобразный суд. Судили два лейтенанта и трое рядовых НКВД. Во время этого суда все заключенные должны были лежать на земле, лицом вниз. Судившие вызывали их по одному и спрашивали, по какой статье и в чем обвиняется. Из этих трехсот человек спаслось, наверное, двенадцать, хотя сначала освободили 25 человек. Кто хорошо знал уголовный кодекс и догадался солгать, например, что обвиняется по статье 153 (грабеж), тем, возможно и удалось спасти – им говорили идти на шоссе (тех, кто послушался, и пошел на шоссе, а не сбежал в лес, потом снова схватили и расстреляли). Оставшихся отводили в лес и убивали выстрелами в затылок».

Из воспоминаний Ю. Тумаса:

> «Выстрелы по несчастным, измученным людям были слышны до самого Червеня. По нашим подсчетам, во время марша энкаведисты убили около 500–600 человек».

По свидетельству литовских офицеров, в Червень колонна пришла 26 июня. Мужчинам помоложе было предложено записаться в Красную Армию. По словам Тумаса, желающих нашлось достаточно много, но «политическим» записываться не разрешили. После этого оставшихся распределили на три группы. Одну из них оставили в тюрьме (после ухода конвоиров они разбежались), остальных вывели из тюрьмы. Колонны заключенных одна за другой следовали по дороге на Бобруйск. Сначала убивали тех, кто шел в задних шеренгах. Когда колонну довели до леса, конвойные, выстроившиеся по обе стороны дороги, в упор начали расстреливать людей. Спастись удалось нескольким десяткам человек.

Из воспоминаний поляка Януша Правдзиц-Шлясского, бывшего 22 июня 1941 года среди заключенных минской «американки»:

> «Нас окружили сильной охраной и бегом погнали через горящий Минск. Наша группа насчитывала около 200 человек. В 5 км от Минска нам дали отдохнуть в лесу, где собрали всех заключенных из минских тюрем.

Группа, к которой мы присоединились, насчитывала около 3000 человек. Она состояла из людей разного возраста: начиная от стариков и заканчивая 12-летними детьми обоего пола. Увидев рядом 12-летнюю девочку, я спросил, за что ее арестовали. Она с большой серьезностью и удивлением ответила: «За контрреволюцию и шпионаж». Родом она была из Несвижа.

Гнали нас форсированным маршем – тех, кто выбивался из сил и не мог идти дальше, был ли это ребенок, старик или мужчина – убивали на месте...»

Кто еще не освобожден?
Комиссия по сокращению численности заключенных за работой
(немецкий плакат 1941 года на украинском языке)

Слова Я. Правдзиц-Шлясского совпадают с воспоминаниями литовцев – во дворе Червенской тюрьмы заключенных разделили на три группы, одну оставили в тюрьме, две были выведены ночью под охраной:

«Я с несколькими своими товарищами находился в левой группе. В ней было около 700 заключенных. Нас вывели из тюрьмы под сильной охраной (ночью) и погнали в восточном направлении. Через 3–4 км песчаная дорога вошла в лес. Мы услышали выстрелы сзади, оказалось, что конвойные начали стрелять по задним рядам колонны, хватая каждого по очереди за воротник и сбрасывая убитых с дороги. Мы ускорили шаг – тогда конвойные, находящиеся по обеим сторонам дороги, открыли по нам огонь. Мы упали. Через несколько минут конвой отдал приказ: «Бегите в лес, будем стрелять». Я лежал на дороге рядом с Витольдом Дашкевичем из Лиды, держа его за руку. Когда он, услышав приказ, хотел подняться, я его удержал. Большинство же поднялось, тогда охранники открыли ураганный огонь из автоматического оружия, кроме того – бросали гранаты. Грохот выстрелов заглушал крики и стоны.

Правую группу из Червеньской тюрьмы вывели в лес на поляну, окружили пулеметами и расстреляли. Для проверки, остался ли кто живой, по ним проехались автомобилями. Из той группы уцелел один тяжело раненый человек».

По утверждению автора книги «Марш смерти. Эвакуация заключенных из Минска в Червень. 24–27.06.1941» Иоанны Станкевич-Янущак, все выжившие в Червене люди свидетельствуют – число заключенных, расстрелянных НКВД возле Червеня, превышает 1000 человек. Выжило из тех групп, которых повели из Червенской тюрьмы на расстрел, около 80 человек.

Кроме воспоминаний очевидцев Червеньской трагедии, есть и другие, рассказывающие о судьбах заключенных тюрем БССР в июне 1941 года. Антон Шукелойть – беларус, уроженец Ошмянщины, перед войной работал в Ошмянах учителем беларуского языка. За «националистическую пропаганду» и «шпионаж» его арестовали на второй день войны. Антону повезло – его не расстреляли при эвакуации, а вывезли в Крупки, где содержали в здании местного НКВД и активно «допрашивали». На одном из таких допросов ему сломали челюсть и повредили ребра. Но после очередной бомбежки города НКВД бежало в полном составе, оставив здание вместе с подследственными. Местные жители выпустили заключенных.

А вот как происходила 23 июня расправа с заключенными Луцкой тюрьмы:

«Как только их /политзаключенных/ увели на западный двор, там застучали пулеметы, раздались душераздирающие вопли, заглушаемые разрывами гранат. Под ногами задрожала земля. Оцепенев, мы наблюдали кошмарную картину: человеческие тела, куски одежды взрывной волной подбрасывало выше трехэтажного здания тюрьмы. «Боже, расстреливают, рвут гранатами! Варвары! Люди, спасайтесь, кто может!» – кричали в толпе. Ад продолжался около четверти часа».

Так описал эту бойню один из немногих оставшихся в живых узников. После экзекуции палачи хладнокровно добили всех раненых. Осужденным за бытовые преступления было приказано сносить тела расстрелянных в воронки от авиационных бомб. Затем трупы засыпали негашеной известью и присыпали землей*. «Почерк» у нелюдей с красными звездами на фуражках везде был одинаков.

* * *

Классик беларуской литературы Василь Быков в своей последней книге «Долгая дорога домой» раскрыл эпизод своей биографии, который скрывал долгие годы. Вскоре после начала войны, летом 1941 года, его – 17-летнего паренька, приехавшего на заработки в украинский город Шостка, мобилизовали в саперный батальон. При отступлении на восток в Белгороде Быков отстал от своей колонны, заблудился и устроился на ночлег в разрушенном доме. Там его и арестовал военный патруль. При обыске у Быкова нашли вырванную из учебника карту, на которой он отмечал положение на фронтах. Лейтенант НКВД, разбиравший дело Быкова, вынес вердикт – «Шпион!». Быкова вместе с другими бедолагами заперли в подвале.

---

* Цит. по книге: «Энциклопедия заблуждений. Война» Москва – Донецк, 2004, с. 220.

Когда началась сильная бомбежка Белгорода, людей стали выводить из подвала по одному. Пришла очередь и Быкова. Его отвели к забору, где он увидел мертвые тела своих сокамерников и понял, что и его сейчас убьют. Вот как он об этом вспоминал:

> «Не выдержал – слезы ручьями потекли из глаз. Красноармеец (конвоир – *Авт.*) остановился, видно удивленный моим безмолвным плачем, и неожиданно бросил: "Беги, пацан! Быстро!" Изо всех сил рванул я по картофельным грядам к пролому в заборе, с дрожью ожидая, что усатый вот-вот выстрелит в спину. И он действительно выстрелил. Но – в воздух»*.

Так Василь Быков остался жить. Неизвестный красноармеец-конвоир его помиловал. Но тысячи других помилования не получили.

***

Был ли какой-то смысл в казнях заключенных? Если НКВД пыталось уничтожить свидетелей, то в тюрьмах Белостока, Гродно и Бреста их досталось немцам более чем достаточно. Если НКВД стремилось истребить «контру» и антисоветчиков, то, в конечном итоге, эти жестокие расправы лишь усиливали антисоветские настроения среди людей. Расстреливали, как правило, «политических», осужденных по контрреволюционным статьям – людей, абсолютное большинство которых не было виновно в приписанных им преступлениях. Уголовники, убийцы мало беспокоили чекистов – ведь они не были «классово чуждыми».

Кто несет ответственность за расстрелы заключенных? Как уже сказано, до сих пор не обнаружены директивные документы о порядке эвакуации, которые относились бы к первым десяти дням войны. Документы свидетельствуют, что при принятии решений о ликвидации «контрреволюционных элементов», местные органы НКВД-НКГБ (включая конвойные части) основывались на устных распоряжениях и инструкциях, или на собственной инициативе.

В некоторых документах имеются сведения, кто из работников НКВД, НКГБ и конвойных войск отдавал в ходе эвакуации приказы о расстреле заключенных в конкретных случаях. Например, начальник тюрьмы г. Глубокое Приемышев (чьи действия позже одобрил секретарь ЦК КПБ Пономаренко), начальник Тюремного управления НКВД БССР Степанов, политрук тюрьмы г. Ошмяны Клименко и уполномоченный НКВД Авдеев, секретарь Гродненского горкома КПБ Позняков.

Руководители высшего ранга в найденных документах не упоминаются, хотя основополагающие решения могли исходить только от них.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Василий Михайлович Матох (1981 г.р.) окончил исторический факультет Белгосуниверситета, работает научным сотрудником в государственном архиве Минской области. Автор свыше 50 статей по вопросам беларуской истории, опубликованных в газетах и журналах.

---

* Быков В. «Долгая дорога домой». Минск, 2005, с. 45–46.

ГОРЕЛА ЛИ ЗЕМЛЯ ПОД НОГАМИ ОККУПАНТОВ?

Сергей ЗАХАРЕВИЧ

ПОТЕРИ ВРАГА — ВЫМЫШЛЕННЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ

И во время войны, и после нее потери противника в результате действий партизанских формирований значительно завышались. Вот что, например, писал бывший начальник Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) Пантелеймон Пономаренко уже через много лет после войны в своей книге «Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг.»:

> «Советские партизаны и подпольщики за время войны нанесли фашистской армии огромный урон в живой силе. Они уничтожили, ранили и пленили свыше 1,6 миллиона солдат и офицеров вермахта, военно-строительных организаций ТОДТ, немецких чиновников оккупационной администрации, военных железнодорожников и колонистов».

Далее эти цифры у него разнесены по республикам и областям, а также по видам потерь. В частности сказано, что партизаны якобы взяли в плен 45 тысяч германских солдат и офицеров. Трудно представить, что могли делать партизан с таким количеством людей.

Намного ближе к истине данные историка-коммуниста из бывшей Германской Демократической Республики В. Кюнриха, полученные им на основе анализа немецких архивных документов. По его подсчетам, за все время войны немецкая сторона потеряла на оккупированной территории СССР около 550 тысяч военнослужащих. Причем в указанную цифру входят, помимо самих немцев, их союзники (итальянцы, венгры, румыны и прочие), а также «восточные воины-добровольцы» из украинских, российских, беларуских, латвийских и прочих подразделений (включая многочисленные охранные части «шуцманшафтен»). Как видим, ущерб в людях, причиненный врагу, завышен в три раза!

Партизанские командиры наводняли ЦШПД донесениями о своих военных успехах, которые абсолютно не соответствовали действительности. Вот два типичных примера.

Партизаны бригады «Железняк», которой командовал присланный из Москвы в июне 1942 года чекист Иван Титков (отряд, ставший основой для бригады, создал Степан Манкович, бывший секретарь Бегомльского райкома КПБ) несколько раз подряд взрывали один и тот же пешеходный мостик, использовавшийся только местным населением. Но в Москву после каждого подрыва шли сообщения о взрыве разных «стратегических мостов». Кстати говоря, и Титков, и Манкович получили звезды Героев Советского Союза.

После операции «Герман», проведенной немцами в Налибокской пуще 13 июля – 8 августа 1943 года, партизанский командир доложил об уничтожении штаба эсэсовского батальона Дирлевангера и его самого, а также о «3000 убитых и раненых врагах, 29 взятых в плен, 60 уничтоженных автомашинах, 3 танках

и 4 бронемашинах. Потери партизан составили 129 человек убитыми, 50 ранеными, 24 пропали без вести».

В действительности Дирлевангер умер после войны, а его штаб не пострадал. Потери немцев в указанной операции составили 52 человека убитыми и 155 ранеными, 4 пропали без вести. (Преувеличение в 14 раз!). Действовал обычный механизм приписок и очковтирательства, характерный для всех без исключения сфер жизни в СССР.

Партизаны в деревне.
«Агитка» советской пропаганды

В то же время Дирлевангер сообщил в рапорте о 4280 убитых и 654 взятых в плен «бандитах». Правда, большинство среди них – это гражданские лица, поляки и беларусы, в том числе жители местечка Налибоки, полностью уничтоженного нацистами.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЙСТВИЙ ПАРТИЗАН

Вообще говоря, главным критерием эффективности партизанского движения является конкретный результат, который оно дает в плане помощи действиям своей армии НА ФРОНТЕ. По отношению к советским партизанам можно с уверенностью ответить – такой помощи было мало или она вообще отсутствовала.

Целесообразно сравнить действия советских партизан с опытом финской армии периода «Зимней войны» 1939–40 гг. Финны не гнались ни за массовостью, ни за глубиной проникновения на подконтрольную противнику территорию. Они сделали ставку на взаимодействие партизан с действующими на фронте частями. В соответствии с этим принципом действия финских диверсионных групп имели следующие характерные черты:

- группы были компактными и немногочисленными;
- они состояли из бойцов, хорошо подготовленных к действиям на вражеской территории;
- группы действовали не дальше фронтового тыла противника, поэтому каждая их боевая операция отражалась на состоянии войск РККА на фронте;
- диверсионные операции были тесно связаны с фронтовыми операциями своих войск; вслед за действиями партизан всегда следовали действия войск;
- диверсионными группами руководили офицеры, имевшие специальную подготовку для решения таких задач и постоянную радиосвязь с командованием своих армейских частей.

Аналогично воевали британские «коммандос» в Северной Африке. Они не гонялись за коллаборационистами, не выпускали тоннами листовки, не пытались

совершать налеты на гарнизоны. Британское командование сделало ставку на один конкретный вид действий, способный принести реальную пользу действующим войскам – операции против вражеских аэродромов.

Тактика была простая: отряд в 10–20 человек на парашютах либо на вездеходах перебрасывался в тыл противника. Там они, предварительно разведав объект, атаковали заранее избранный аэродром. Чтобы вывести из строя самолет, не обязательно подвешивать под него мину (хотя если время и обстановка позволяли, делали и это) – достаточно расстрелять его из пулеметов.

В результате считанное количество бойцов добилось серьезных тактических успехов. Конечно, случались и неудачи, как же без них. Зато успешные операции с лихвой окупали все провалы. Например, 12 декабря 1941 года на аэродроме Тамита группа капитана Блера Мэйна уничтожила 24 самолета. 21 декабря 1941 года на аэродроме Аджедабьи группа лейтенанта Фрейзера уничтожила 37 итальянских штурмовиков. Повторный рейд на Тамиту 24 декабря 1941 года принес группе под командованием Дэвида Стирлинга еще 27 уничтоженных самолетов. И так далее.

Нетрудно понять, сколь серьезной проблемой обернулись действия «коммандос» для командования стран Оси в Африке, если нехватка авиации и без того являлась постоянной головной болью. А тут еще наличные самолеты десятками уничтожают на тыловых аэродромах!

Тесно взаимодействовал с наступавшими частями Вермахта и полк спецназначения «Бранденбург-800»...

Земли Беларуси в период немецкой оккупации

В отличие от них, в Москве долго определяли приоритетные цели для партизанских акций – начиная с повалки телеграфных столбов и кончая налетами на вражеские гарнизоны. Вот конкретный пример. В 1942 году в Москве тремя изданиями вышла небольшая книжечка Ю. Вебера «Спутник партизана». В ней сказано:

> «Каждый партизан должен искать противника, чтобы уничтожить его. Истребляя фашистов, разрушай и дезорганизуй их тыл, питающий гитлеровцев. Знай те объекты в тылу врага, уничтожение или разрушение которых принесет ему наибольший ущерб и ослабит его силы».

Партизаны минируют мост

Далее идет перечисление этих объектов: а) коммуникации; б) средства связи; в) транспортные средства; г) аэродромы; д) артиллерийские парки; е) склады; ж) мастерские и предприятия. Смысл разъясняется. Например, под коммуникациями имеются в виду железные, шоссейные, грунтовые и проселочные дороги; дорожные мосты; железнодорожные сооружения; автозаправочные колонки. Правда, о том, как разрушать, к примеру, грунтовые и проселочные дороги, нет ни слова. Но общая идея понятна: надо уничтожать всё и всех, более того – смело ввязываться в бой с регулярными войсками. Особенно впечатляет в этом смысле глава под названием «Уничтожай танки врага!». Там говорится, в частности, следующее:

> «Смелому танк не страшен. Чем смелее встречаешь вражескую машину, тем легче ее уничтожить. Ищи сам фашистские танки и истребляй их... Боритесь с танками группами в 4–6 человек. Двое – трое бросают по машине из укрытий бутылки или гранаты. Остальные расстреливают выпрыгивающий из машины экипаж» (!).

Вражеский танк и на фронте не всякой артиллерийской батарее удавалось подбить. Что уж говорить о партизанах. Как видим, московские начальники не имели ни малейшего понятия о специфике партизанских действий.

Удивляться тут нечему. Люди они были невоенные. Например, начальник ЦШПД Пономаренко окончил институт инженеров железнодорожного транспорта, но всю жизнь работал в партийных органах. Начальник Беларуского ШПД Петр Калинин до войны был заместителем наркома земледелия БССР, потом секретарем Гродненского обкома партии. Все его образование – семилетка да еще годичная школа парторганизаторов.

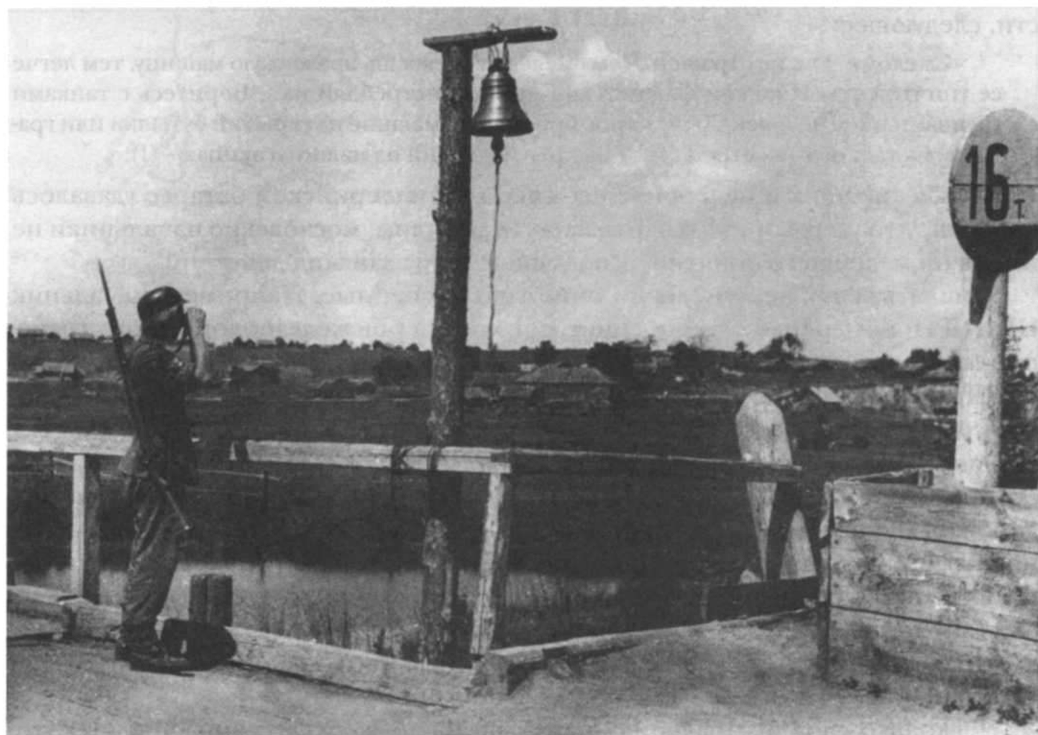
Только к лету 1943 года ЦШПД решил сделать ставку на разрушение железнодорожных путей и на подрыв эшелонов. Однако фронт находился далеко от основных партизанских зон; подрыв эшелона где-нибудь под Витебском никак не влиял на исход операции, скажем, под Ростовом. Кроме того, чтобы действия на железнодорожных коммуникациях вообще имели смысл, требовалось перекрыть партизанскими «пробками» все основные магистрали от Ленинграда до Крыма. Ничего такого не наблюдалось в помине.

Несколько слов о нападениях партизан на вражеские гарнизоны. Некоторым современным писателям немецкие гарнизоны мерещатся чуть ли не в каж-

дой деревне. Дескать, десятки, а то и сотни солдат засели в блокгаузах и блиндажах, окружили себя колючей проволокой, устроили наблюдательные вышки и огневые точки. Это мираж. У немцев не хватало войск, чтобы организовывать крупные опорные пункты в своем тылу.

Гарнизоны имелись лишь в сравнительно крупных населенных пунктах, и состояли, как правило, из местных полицейских, иногда – из небольших групп военнослужащих немецких тыловых и вспомогательных частей. Например, гарнизон деревни Березино (в Докшицком районе БССР), считавшийся одним из самых сильных в Витебской области, насчитывал всего лишь 14 человек при 6 ручных пулеметах (его наличие объясняется тем, что возле деревни находился мост через Березину). Никакого урона этому гарнизону численностью немногим больше пехотного отделения партизаны местной бригады «Железняк» причинить не смогли. Немцы, убедившись в подавляющем превосходстве противника (партизан насчитывалось несколько сотен) после двух дней осады покинули деревню без потерь.

Кстати говоря, оперативно руководить действиями партизан применительно к нуждам армии ЦШПД не мог и по техническим причинам. У подавляющего большинства партизанских отрядов вплоть до 1944 года отсутствовала радиосвязь со штабом в далекой Москве. Да что там партизаны! По состоянию на лето 1942 года из 387 разведывательно-диверсионных групп, заброшенных в тыл противника Разведывательным управлением Генштаба РККА, радиостанции имели только 39 (10,08 %).

Немецкий часовой на мосту возле Чаус (май 1944 г.)

«РЕЛЬСОВЫЙ КОНЦЕРТ»

Крепко подумав, высшее партизанское командование решило в 1943-м году помочь «родной Красной Армии» массовым разрушением железнодорожных линий в тылу врага.

14 июля 1943 года Пономаренко издал приказ «О партизанской рельсовой войне». Вот когда пригодилось железнодорожное образование. Эта широкомасштабная акция началась в ночь на 3 августа и проходила в два этапа. Первый назывался «Рельсовая война» (август – сентябрь), второй – «Концерт» (сентябрь – ноябрь).

Действия партизан наконец-то приурочили к наступлению советских фронтов на центральном и южном участках. Им поставили целью срыв воинских перевозок врага путем вывода из строя большого количества железнодорожных путей. В обеих операциях участвовали почти 200 партизанских соединений, отрядов и групп общей численностью до 100 тысяч человек. Само собой, все они получили «нормативы по рельсам».

Уже 7-го августа начальник ЦШПД доложил Сталину, что «план уничтожения 213 тысяч рельсов будет выполнен до середины августа». Однако по сводкам самого штаба, план удалось выполнить лишь к середине сентября. По немецким же данным, в августе партизаны подорвали всего лишь 25 тысяч рельсов.

Всего во время операции «Рельсовая война» (с 3 августа по 16 сентября), согласно сводкам ЦШПД партизаны подорвали в тылу вражеской группы армий «Центр» более 160 тысяч рельсов. Но по данным противника в 8 раз меньше – 20,5 тысяч рельсов (1).

Если верить докладам партизанских командиров, нормативы они выполнили, однако прервать вражеские перевозки не смогли. Более того, операция «Рельсовая война» имела удивительные последствия. Так, в июне (когда она еще не начиналась, а немцы готовились к наступлению под Курском) группа армий «Центр» получила 1822 эшелона. В июле беларуские партизаны – согласно сводкам ЦШПД – произвели 743 крушения поездов. Но оккупанты доставили своим войскам на центральном направлении 2282 эшелона – на 460 поездов (20,16 %) больше, чём в июне! В августе, переключившись на подрыв рельсов, беларуские партизаны смогли устроить только 467 крушений поездов. А войска группы «Центр» получили 2159 эшелонов, всего лишь на 123 эшелона меньше, чем в июле, но на 337 больше, чем в период подготовки июньского наступления!

В чем причина подобного казуса? В первую очередь – приписки в партизанских донесениях. Способствовали им организованное ЦШПД «социалистическое соревнование» между отрядами «по выполнению месячных планов боевой работы», а также установленные приказом Пономаренко еще 3 августа 1942 года «нормы подвигов» для награждения партизан золотыми звездами Героев Советского Союза:

> «За крушение военного поезда не менее 20-и вагонов, цистерн или платформ с живой силой, техникой, горючим или боеприпасами с уничтожением состава с паровозом, ...за уничтожение складов с горючим, боеприпасами, продовольствием, амуницией, ...за нападение на аэродром с уничтожением материальной части, за нападение

или уничтожение штаба противника или военного учреждения, а также радиостанции и за другие выдающиеся заслуги» (2).

Так что удивляться нечему. Одна из особенностей советского строя заключалась в том, что руководители всех рангов, снизу доверху, всегда и везде лгали о «достигнутых успехах». Именно так обстояло дело и на войне. Тем более, что проверить партизанские сводки было не то что трудно, а чаще всего невозможно. Отсюда и невероятные успехи.

После войны Пономаренко признал:

«Как правило, партизаны не ожидали результатов минирования. Результаты по большей части уточнялись по сведениям местных жителей, посредством агентуры, доносившей командованию партизанских соединений о результатах минирования в том или ином месте, или по захваченным документам противника и показаниям пленных». Нередко партизаны опирались только на слухи. Более того, один и тот же подорванный эшелон записывали на свой счет сразу несколько партизанских соединений» (3).

Приведем пару примеров:

«По сведениям диспетчерского бюро станции Минск, в июле 1943 года на участке железной дороги Минск – Борисов партизаны подорвали 34 эшелона.

По данным же только четырех партизанских бригад, действовавших в этом районе (1-й Минской, «Пламя», «Разгром» и «За Советскую Беларусь»), ими на этом же участке было подорвано более 70 эшелонов. «Если к этому прибавить эшелоны бригад имени Щорса, «Смерть фашизму», имени Флегонтова, – говорилось в письме одного из минских партизанских руководителей, направленном в Центральный штаб партизанского движения, – то увеличение достигнет 5, если не 6 раз. Это происходит потому, что работа подрывных групп недостаточно контролируется, а партийные и комсомольские организации не взялись еще за борьбу против очковтирательства» (4).

Аналогичный пример связан с фактом убийства 22 сентября 1943 года гауляйтера генерального округа «Белоруссия» Вильгельма Кубе. Он погиб в результате взрыва мины с часовым взрывателем, которую установила под его кроватью горничная Елена Мазаник. Девушку завербовал агент внешней разведки НКВД капитан Николай Хохлов. Мину ей принесла из расположения спецгруппы НКВД «Артур» связная Мария Осипова. Никакие партизаны здесь и рядом не лежали. Но как только Кубе погиб, командиры сразу четырех отрядов поспешили сообщить в Москву, что это – их рук дело! Однако вернемся к рельсовой войне.

«В 1943 году в ходе операции «Концерт» партизанам только в Беларуси предстояло подорвать 140 тысяч рельсов. Многие бригады отрапортовали о значительном перевыполнении плановых показателей. Пономаренко радостно докладывал Сталину: бригада Дубровского справилась с заданием на 345%, бригада Маркова – на 315%, бригада имени Заслонова – на 260%, бригада Романова – на 173%, бригада Белоусова – на 144%, бригада народных мстителей имени Воронянского – на 135%, бригада Филипских – на 122%...

Цифры радовали начальственный глаз, только вот немецкие эшелоны все шли и шли к фронту. В ходе войны ни одна оперативная перевозка Вермахта на востоке не была сорвана, ни одна крупная наступательная операция германских войск не началась с опозданием из-за действий партизан» (5).

Кроме приписок, другая важная причина провала операций «Рельсовая война» и «Концерт» заключалась в том, что свои основные коммуникации немцы хорошо охраняли. Генерал Ф. Меллентин отметил в мемуарах, что если в какой-либо местности появлялись немецкие армейские части, партизаны оттуда моментально «испарялись» (6).

Сталин приказал во что бы то ни стало убить гауляйтера Кубе — он своим поведением опровергал выдумки советской пропаганды о немецких чудовищах

Как же в таком случае выполнялся «норматив по рельсам»?

Очень просто — главные магистрали партизаны повреждали лишь изредка, а чаще всего выводили из строя объездные, малоиспользуемые и даже вовсе не используемые линии. Восстанавливалось же полотно очень быстро — уложить два ряда рельс, это не многоквартирный дом построить.

Тем не менее, в связи с усилением активности партизан, немцы вдоль основных линий спилили лес и выкосили всю растительность на 100 метров по обе стороны полотна. После этого лежать подрывникам стало негде, а проходившие перед важными эшелонами дозорные дрезины поливали пулеметным огнем любую подозрительную кочку, любой куст. Впереди паровозов немцы стали цеплять одну-две платформы, нагруженные мешками с песком. Взрыв под платформой выводил из строя на короткое время полотно, но не причинял вреда поезду.

Кроме того, они приказали путевым группам обследовать пути непосредственно перед прохождением эшелонов.

СКОЛЬКО БЫЛО ПАРТИЗАН?

Уже 26 июня 1941 года партийно-советское руководство БССР издало приказ о создании первых 14 партизанских отрядов. Они состояли из 1162 бойцов: 539 сотрудников НКГБ, 623 сотрудника НКВД. Очень скоро эти отряды были уничтожены либо рассеяны.

Первый секретарь ЦК КПБ Пантелеймон Пономаренко 19 августа 1941 года доложил в ЦК ВКП(б), что к 1 августа на оккупированной территории БССР действовал 231 партизанский отряд общей численностью свыше 12 тысяч человек. Исследователь истории партизанского движения, бывший полковник КГБ В.И. Боярский утверждает иное:

> «Но как удалось установить уже после войны, к 1 августа 1941 г. на территории Белоруссии действовал только 61 партизанский отряд, а не 231» (7).

Ничего себе преувеличение — «всего лишь» в 3,8 раза!

Леса и болота Беларуси летом 1941 года заполонили десятки тысяч красноармейцев, части которых были разгромлены в ходе «блицкрига». В своем большинстве они стремились раствориться среди местного сельского населения. Немцы до лета 1942 года их не трогали, а позже попытались изолировать. Лишь в ответ на это бывшие красноармейцы в одиночку и группами стали уходить в леса, где создавали свои лагеря. К ним присоединялись беглые военнопленные и иногда евреи, бежавшие из гетто. Главной целью таких лесных групп являлось выживание, вовсе не борьба с оккупантами.

В августе – декабре 1941 года на оккупированной территории БССР бойцы и командиры РККА, оказавшиеся в окружении, создали только 25 отрядов.

В тот же период из-за линии фронта в Беларусь были заброшены 437 отрядов и групп общей численностью 7251 человек (в среднем, 16–17 человек в каждом формировании). Но уже к январю 1942 года от 523 отрядов и групп (61 + 25 + + 437) осталось только 50 (9,56 %). Остальные либо погибли в боях, либо распались, либо вышли обратно в советский тыл.

> «Партизанские отряды, сформированные в спешке из необученных бойцов, не имели связи с командованием, снабжения, нужного снаряжения, приспособленных к зиме укрытий. Не имея возможности оказать помощь раненым, испытывая острую нехватку оружия и боеприпасов, они очень быстро расходовали свой ресурс, становились небоеспособными, распадались или гибли» (8).

За период с января 1942 по июнь 1943 года НКВД БССР направил в оккупированные районы Беларуси 48 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 771 человек (в среднем, 16 человек в группе). Кроме того, с помощью подпольных партийных органов на местах удалось создать еще 11 диверсионных групп.

Антипартизанский плакат времен войны

По сведениям Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), к началу летнего наступления (20 июля 1944 года – начало операции «Багратион») на территории одной только Беларуси действовали 272.490 партизан, объединенных в 150 партизанских бригад и 49 отдельных отрядов. По данным же современных исследователей (В.Н. Андрианов, В.И. Боярский и др.) в них состояло около 143 тысяч человек – на 47,52 % меньше (9).

Столь крупное расхождение в цифрах еще раз доказывает, что центральный штаб и лично товарищ Пономаренко питали неисправимую склонность к преувеличениям.

В то же время в Вермахте и войсках СС, в военизированных формированиях типа «шуцманшафтен» (охранявших коммуникации, склады, лагеря военнопленных), во вспомогательной полиции, в органах СД и гестапо служило не менее полутора миллиона бывших советских граждан! Добавьте к ним свыше четырехсот тысяч человек, находившихся на гражданской службе у новой власти. Эти цифры говорят сами за себя.

В Беларуси корпус Беларуской краевой обороны к апрелю 1944 года насчитывал 21.628 человек (39 пехотных и 6 саперных батальонов). Летом 1944 года из числа бойцов этого корпуса на территории Германии была сформирована 30-я (1-я беларуская) ваффен-гренадерская дивизия СС (3 полка, 2 отдельных батальона, 2 дивизиона), действовавшая во Франции против «маки», а позже — против союзных войск.

Бойцы Беларуской самообороны
(зима 1943 г.)

Точное число беларусов, активно сотрудничавших с немецкими оккупантами, подсчитать трудно. Но обращает на себя внимание тот факт, что даже весной 1944 года, когда возвращение «советов» выглядело уже неизбежным, на призывные пункты Беларуской краевой обороны явились свышее 40 тысяч жителей генерального округа «Белоруссия», площадь которого равнялась лишь одной трети от довоенной площади БССР. А в Союзе беларуской молодежи (на той же территории) насчитывалось до 100 тысяч юношей и девушек.

Учтем и тот факт, что за период с осени 1944 по лето 1945 года органы НКВД арестовали в БССР около 100 тысяч человек по обвинению в «пособничестве оккупантам».

ВСЕНАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ?

Беларуский народ, в своей массе крестьянский, как всегда во времена жесточайших государственных катаклизмов сделал ставку на выживание, терпеливо дожидаясь, кто победит — Гитлер или Сталин. Да и за что было крестьянам любить советскую власть в целом и «товарища Сталина» в частности? И за что ненавидеть немцев?

> «Отнюдь не все белорусы прониклись коммунистическим духом, и немецкие войска, оккупировавшие эти места в 1941 году, были в основном хорошо приняты мест-

ными жителями. За это немцы обращались с белорусами не столь сурово, как в других оккупированных областях» (10).

Позицию благожелательного нейтралитета заняло подавляющее большинство жителей Беларуси, а многие считали немцев освободителями от большевистского ига.

Служащие беларуской вспомогательной полиции из Несвижа

«Но ведь, — возразят мне, — немцы в отношении славян придерживались положений плана «Ост», предусматривающего их поголовное уничтожение!». Московские историки до сих пор пытаются убедить в этом население бывших «братских» республик.

Но дело в том, что план «Ост» разрабатывался ДО войны; уже после первых ее недель немцы серьезно скорректировали свою «восточную политику» в отношении беларусов и украинцев. Реальность первого года оккупации Беларуси была иной, нежели нам долбили многочисленные профессиональные лжецы-историки с партбилетами.

А как же Тростенец, спросят меня. В Тростенце уничтожали в первую очередь евреев (которые в любом случае были обречены), работников партийно-советского аппарата, сотрудников НКВД и политический состав РККА, но не гражданское население Беларуси.

В инструкции центрального контролера политики в восточноевропейских областях Альфреда Розенберга рейхскомиссару генерального округа «Остланд» Генриху Лозе сказано:

> «Целью имперского уполномоченного для Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии должно являться создание германского протектората /курсив мой – *Авт.*/ с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть великой германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями рейха и уничтожения нежелательных элементов».

В мае 1942 года Розенберг заявил:

> «Немецкое руководство готово поддержать усилия, направленные на такое развитие Белоруссии, чтобы она стала навсегда сильным и процветающим государством — форпостом германского рейха».

Где здесь у главы «расового ведомства» Германии просматривается план по уничтожению всех беларусов?

Из той же «оперы» приказ генерал-квартирмейстера Вермахта от 25 июля 1942 года № 11/4590 об освобождении военнопленных немцев Поволжья, прибалтов, украинцев и беларусов.

Популярный тезис о «всенародной борьбе в Беларуси против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны» – это миф, созданный беларуской историографией советского периода. То, что он не соответствует реальности, легко доказать с помощью общедоступных статистических данных.

По переписи населения в декабре 1939 года население БССР составило 8.912.200 человек. Сведения о возрастной структуре не указаны, но мы можем руководствоваться переписью 1959 года, когда детей в возрасте до 16 лет было 31,3% от общей численности населения. Можно считать, что к июню 1941 года число взрослых граждан БССР составляло примерно 6.122.700 человек*.

По сведениям ЦШПД (как показано выше, сильно преувеличенным) в 1941–42 годы в советских партизанских отрядах на территории Беларуси (включая спецгруппы НКГБ-НКВД и Разведывательного управления Генштаба РККА) насчитывалась до 97 тысяч человек. Правда, Беларуский штаб партизанского движения в 1944 году подсчитал, что число партизан в БССР к концу 1941 года составляло всего лишь 5 тысяч человек, а в 1942 – 73 тысячи, однако возьмем за основу «официально признанную» цифру (11).

Юноши и девушки из Союза Беларуской Молодежи (фото 1944 г.)

Для полноты картины к партизанам добавим еще и подпольщиков. Их «официальная» численность за всю войну определена в 70 тысяч человек. Если учесть, что в 1941–44 годы в советском партизанском и подпольном движении в Беларуси, по официальным сведениям, приняли участие до 374 тысяч человек и приложить пропорцию соотношения числа партизан в 1941–42 гг. и за всю войну к числу подпольщиков, получим около 17 тысяч подпольщиков для 1941–42 годов.

Эти несложные подсчеты показывают, что из 6 млн. 122,7 тыс. человек взрослого населения БССР (18 лет и старше к началу войны),

Командир подразделения БКО беседует с местными жителями

* Игнорируя естественный прирост населения в 1940–41 гг., который должен был увеличить эту цифру.

в 1941–42 годы более или менее активное участие в борьбе с немцами приняли максимум 114 тысяч – не более 1,86%.

Иными словами, в первый период войны активно выступило на стороне коммунистов менее 2% жителей Беларуси (естественно, без учета мобилизованных в Красную Армию), а свыше 98% из них отнеслось к немцам более или менее лояльно (12).

К июлю 1944 года, в результате кардинальных изменений в ходе войны в пользу СССР и жестокой оккупационной политики немцев, эта пропорция заметно изменилась в сторону увеличения поддержки будущих победителей, но масштабов «всенародной борьбы» все же не достигла.

Попутно надо подчеркнуть, что реальное участие жителей Беларуси в борьбе против нацистов было еще меньше, чем показывают приведенные цифры. Ведь в 1941–42 гг. партизанские отряды на 95–100 % состояли из сотрудников органов НКВД и партийно-комсомольских активистов, заброшенных из-за линии фронта, а также из «окруженцев» (бойцов и командиров РККА, пограничных и внутренних войск НКВД).

Вот что пишет об этом Вячеслав Боярский:

> «Именно органы и войска НКВД (пограничные, внутренние и другие) сыграли ведущую роль в развертывании партизанского движения, создании отрядов и диверсионных групп на первом этапе партизанской борьбы, т.е. до мая 1942 года.
>
> ...К сожалению, ранее столь откровенно не говорили. Ведь именно это утверждала немецкая пропаганда. Соглашаться с противником было просто невозможно. И вообще дико звучало, поскольку речь шла о «ВОЙНЕ НАРОДНОЙ»! Вот никто и не соглашался ни во время войны, ни после нее, ни сейчас. Все лавры принято было отдавать партии» (13).

НАРОДНЫЙ ГНЕВ ИЛИ СТАЛИНСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ?

Поговорим о том, как создавался «всенародный гнев» на оккупированных территориях. Ненависть Сталина к «оккупированным» была вызвана тем, что он прекрасно понял – умирать за него они не станут. Поэтому решил обернуть против немцев немецкую же практику. Обычно, в случае появления в каком-либо районе партизан и совершении ими диверсионных актов, оккупационные власти реагировали стандартно – они в отместку наказывали население деревень того же района. Немцы рассуждали логично – где партизаны берут продовольствие? Правильно – у населения окрестных деревень. Вот и накажем эти деревни.

То, что у местных жителей не было выбора, и пулю от партизан в случае отказа в помощи можно было запросто получить как «фашистскому пособнику», немцев не волновало. Бывший председатель Верховного Совета Республики Беларусь Николай Дементей сказал однажды: «Днем немцы, ночью партизаны. Куда ж бедному беларусу податься?».

Документы свидетельствуют, что партизаны систематически грабили гражданское население. Иногда отдельные лица подвергались за это наказаниям. Но в целом партизанское руководство считало грабежи закономерным явлением. По самым скромным подсчетам, в 1943–44 гг. при средней численности бе-

ларуских партизан 120 тысяч человек, им требовалось в месяц минимально 3600 тонн продовольствия (из расчета 1 кг в день). Это по нормам полуголодного тылового пайка. А по фронтовым нормам надо было 6300 тонн (1,75 кг в день). В данной связи Боярский пишет:

> «Поэтому в подавляющем большинстве случаев партизаны просто реквизировали продовольствие у местных жителей, выдавая им символические расписки, обещавшие компенсацию после войны. Изъятие продовольствия в семьях «пособников врага» (полицаев, старост и других), обрекавшее их на голод, вообще было делом само собой разумеющимся» (14).

* * *

Сталин решил использовать в своих целях немецкую практику репрессий в отношении сельских жителей в районах партизанских действий. Для этого требовалось лишь активизировать действия партизанских отрядов и диверсионных групп: партизаны будут провоцировать немцев на репрессии против местного населения, а население возненавидит немцев и начнет бороться с ними.

Технология была простая до примитива — диверсионный отряд совершает акцию в каком-либо оккупированном районе, а расплачиваются за нее жители деревень этого района. Вот так немцы «прижмут» народ, он «разлюбит» немцев, и разгорится борьба с ними.

Арестованный партизан

Столь немудреной тактике можно было бы противопоставить не менее простую стратегию — при любом раскладе событий к гражданскому населению репрессий не применять, напротив — всячески способствовать экономическому процветанию оккупированного региона. Тогда серьезная партизанская война была бы невозможна.

Но беда Третьего рейха заключалась в том, что политику «подмандатных территорий» определяли всевозможные розенберги со своими расовыми идеями, да и особенностью германского менталитета являлось стремление в ответ на любой террористический акт подполья расправляться именно с населением оккупированных территорий.

Тем не менее, приступить к реализации избранного плана Сталин в 1941 и 1942 году не смог — не до того было. Лишь с весны 1943 года в оккупированных районах страны стал понемногу разгораться пожар.

Репрессии немцев в отместку за повышенную активность партизан не заставили себя ждать. В 1943–44 г. в Беларуси были сожжены 628 деревень (186 из них после войны так и не восстановили).

Таким образом, развертывание партизанского движения в оккупированных республиках и областях явилась подставой собственного населения – его гибель Сталина не волновала. И все же народ на борьбу с «немецко-фашистскими оккупантами» не восстал. Сталин не учел, что беларусы за 200 лет российской оккупации привыкли к репрессиям, а потому заняли привычную позицию выжидания, сжавшись в комок.

Увеличение числа беларуских партизан, начавшееся с осени 1943 года связано вовсе не с «пробуждением сознания» – просто фронт покатил на запад и «оккупированные» стали принимать сторону победителя. А если бы он «катил» дальше на восток, немцы не одну дивизию ваффен-СС из беларусов сформировали бы, а пять.

Немецкие солдаты сжигают беларускую деревню

Спровоцированное Сталиным немецкое кровопускание оккупированному населению в конечном итоге большой пользы РККА не принесло. Лишь намного увеличило число жертв среди советских граждан, оставшихся на территории, которую летом 1941 года «доблестная» Красная армия в кратчайшие сроки оставила противнику. Вот что пишет об этом В.И. Боярский:

> «...Надо добавить ошибочную и по своей сути преступную установку партийно-политического руководства СССР жечь жилье, «гнать немца на мороз», уничтожать домашний скот. Подобные действия партизан и диверсантов вынуждали население в целях выживания самим охранять свои деревни, бороться с «поджигателями», толкало его к сотрудничеству не с партизанами, а с оккупантами» (15).

ИСТОЧНИКИ

(1) Боярский В.И. Партизаны и армия: история утерянных возможностей. Мн., 2001, с. 224–225.

(2, 3, 4, 5) Кузнецов И.Н. Партизанское движение: правда и мифы. // «Белорусская деловая газета», № 44 от 24.06. 2005.

(6) Меллентин Ф. Бронированный кулак вермахта. Смоленск, 1999./

(7, 8, 9) Боярский В.И. Цит. Соч., с. 158, 161, 238.

(10) Уильямсон Г. СС – инструмент террора, Смоленск, с. 245.

(11) Калинин П.З. Партизанская республика. /2-е изд./ Мн., 1968, с. 367.

(12) Ляльков И. Настроения населения БССР перед войной. // «Деды», вып. 1, с. 109.

(13, 14, 15) Боярский В.И.. Цит. соч., с. 71, 200, 161.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Сергей Захаревич (1975 г.р.) по образованию экономист, по интересам — историк. Живет в Минске, работает в промышленности. Получил известность своими книгами «Босфорский поход Сталина, или провал операции «Гроза» (2007 г.) и «Большая кровь: Как СССР победил в войне 1941–1945 гг.» (2009 г). В настоящее время готовит к печати исследование о партизанах.

IV. ТОТАЛИТАРИЗМ В БССР

ДОСТИЖЕНИЯ СОЦСТРОИТЕЛЬСТВА В ЗЕРКАЛЕ СПЕЦСЛУЖБ

Татьяна ПРОТЬКО

Вопрос эффективности экономики тоталитарных систем – предмет научной дискуссии, ведущейся и в наши дни. Научные труды, созданные до середины 1990-х гг. и посвященные этому вопросу, убеждают читателей в необыкновенной эффективности советской экономики 1930-х годов. Даже в наиболее критической версии истории Беларуси советского периода говорится:

«Тем не менее, в результате административных методов руководства промышленность республики в годы второй и третьей пятилетки развивалась достаточно высокими темпами. Объем валовой продукции промышленности с 1932 по 1937 гг. вырос почти в 1,9 раза. Были построены такие крупные предприятия, как Оршанский льнокомбинат, Кричевский цементный, Гомельский стеклянный, Могилевский авторемонтный заводы, вторая очередь БелГРЭС и десятки других. Валовая продукция промышленности восточных областей БССР в 1940 г. достигла 2377,8 млн.руб., превысив уровень 1913 года в 23 раза. Среднегодовая численность рабочих в 1940 году достигла 276,7 тыс. человек».

Выводы об эффективности советской экономической системы могут быть пересмотрены с введением в научный оборот данных архивов ОГПУ-НКВД-КГБ, особенно материалов их экономических отделов (управлений). Правда, в настоящее время доступные для исследования документы фрагментарны, по ним невозможно составить новые численные показатели развития тех или иных отраслей. Но даже те документы, которые хранятся в Национальном архиве Беларуси, архивах КГБ РБ, позволяют сделать менее оптимистические выводы, чем те, которые считаются общепринятыми.

Указанные документы интересны по двум аспектам:

1. Они свидетельствуют об отношении граждан к тем или иным достижениям, отражают неофициальное общественное мнение относительно этих достижений.

2. Они представляют видение экономики глазами специалистов – экспертов и аналитиков органов госбезопасности. Правда, специального аналитического подразделения в этих органах не было, поэтому аналитика белорусских чекистов носила скорее качественный, чем количественный характер. Но и этого достаточно для критического взгляда на официальные рапорты о «достижениях».

Материалы критического содержания всегда богаты ссылками на мнение конкретных людей и конкретные обстоятельства, они более или менее пространны, содержат доводы и рассуждения. Критические аналитические документы должны были показывать «читателям» в структурах КП(б)Б или ВКП(б)

В целях экономии места редакция сократила список источников, использованных автором.

активную работу спецорганов, побуждать советских и партийных чиновников к принятию конкретных мер «по своей линии». Или же, что стало главным в конце 1930-х годов, обосновать правомерность действий органов ОГПУ-НКВД.

Трудно оценить, насколько правдивы были аналитические материалы этих органов. Можно обоснованно предполагать, что желание играть все более важную роль в политической и экономической жизни страны способствовало некоторому «сгущению красок». Однако бесспорно и то, что в них правильно отражена «цена» экономического развития, качественно оценены его результаты.

Количественные достижения экономического развития, выраженные в тоннах, километрах или «увеличении во столько-то раз» важны для анализа развития государства в целом. Однако для рядовых граждан они мало что значат. На политическую активность гораздо сильнее влияют факторы повседневной жизни. Поэтому органы НКВД, наряду с анализом экономических показателей, анализировали и общественное мнение, которое рассматривалось как гарант стабильности государства.

Общественное мнение страны имело два выражения: публичное, высказанное по радио, на страницах газет и журналов официальными лицами страны, и непубличное. Поскольку все СМИ рассматривались прежде всего как средства агитации, критические выступления здесь всегда были строго выверены соответствующими партийными структурами и органами контроля.

В начале и середине 1930-х годов спецорганы специально анализом прессы не занимались: «дела» по опубликованным сигналам заводились только тогда, когда поступало соответствующее указание из партийных структур. А в конце 1930-х годов любое критическое высказывание в прессе уже само по себе могло стать и становилось предметом следствия. Специального обращения в структуры НКВД со стороны партийных органов более не требовалось.

Изменение порядка возбуждения дел официально объяснялось наличием в партийных органах большого числа оппозиционно настроенных граждан, выявленных в процессе партийных чисток. Так, в январе 1937 года секретарь ЦК КП(б)Б Николай Гикало, выступая на пленуме ЦК, отметил:

> «Целый ряд фактов показывает о том, что у нас потеря бдительности на известных участках и со стороны руководителей, и со стороны наших партийных организаций, включая и ЦК КП(б)Б есть. А раз так, то надо сделать соответствующие выводы для того, чтобы не развернулась эта потеря бдительности на отдельных участках и неумение быстро перестраивать работу...
>
> На самом деле, если мы возьмем Белоруссию с точки зрения борьбы и деятельности вражеских контрреволюционных троцкистско-зиновьевских элементов, то мы проделали большую работу. Это было проделано и во время проверки, и особенно во время обмена партийных документов. Да и после обмена партийных документов мы вновь должны проделать соответствующую работу по очистке рядов наших от врагов. Соответствующие цифры вы знаете. Речь идет об огромном количестве людей, но в то же время мы еще не уверены в том, что мы до конца освободились от этих вражеских людей».

Контроль за общественным мнением осуществлялся по социальным группам на основе информации с предприятий, из учреждений и организаций. Между

тем, в конце 1930-х годов масштабы недовольства стали всеобщими, что послужило одной из главных причин для создания чекистами (по указке с самого «верха») легенды о существовании объединенного антисоветского подполья и для развертывания кампании по его «ликвидации».

***

Наряду с высокой оценкой материальных достижений советской системы, распространенным является мнение о том, что советские белорусы были счастливы тем, что имели, и охотно соглашались потерпеть до лучших времен, которые, согласно агитаторам и идеологам КП(б)Б-ВКП(б), обязательно скоро наступят.

Свидетельством поддержки экономической политики руководства со стороны трудящихся руководство компартии считало ударную работу, массовое участие в стахановском и ему подобных движениях, социалистическое соревнование. Починами, призывами к новым рекордам во всех отраслях народного хозяйства, информацией о съездах, собраниях, совещаниях стахановцев и ударников отмечены большинство месяцев в хронике экономической жизни СССР и БССР. Однако в реальной жизни все обстояло далеко не так возвышенно, как написано в книгах и газетах тех лет.

10 октября 1935 года газета «Правда» опубликовала передовую статью «Стахановское движение надо организовывать». В ней отмечалось, что «на предприятиях начали формироваться стахановские бригады, проводились слеты и собрания стахановцев.

К 1 ноября 1935 года в промышленности БССР было 9935 стахановцев (11% всех рабочих), в начале 1936 г. – 24.359. Декабрьский (1935 г.) пленум ЦК ВКП(б) поставил задачу сделать стахановское движение формой производственной деятельности каждого рабочего. В конце 1935 – начале 1936 гг. на многих предприятиях БССР проводились стахановские смены, дни, пятидневки, декады, месячники (январь – март).

О том, как относились к стахановцам на местах, что говорили о стахановском движении на предприятиях, в колхозах, свидетельствуют докладные записки, которые направлялись в ЦК КП(б)Б и в Москву. В 1936 году спецслужбы информировали о мнении «народных масс»:

> «Стахановцев выдумали потому, что большевики чувствуют свою гибель, они знают, что все люди против них, поэтому хотят заманить на свою сторону разными приманками», «дослужишься – получишь картофельную медаль», «нет расчета по-стахановски работать: много заработаешь, так много удержат».

Особо выделялось мнение крестьян:

> «Дать стахановцам худшую землю и пусть попробуют поднять урожай», «всем на работу в колхозы выходить не нужно, пусть выходят одни стахановцы, которых премировали», «стахановскими методами больше заставляют работать, теперь жестче эксплуатируют, чем при капитализме», «дураки только работают по-стахановски и теряют свое здоровье».

Стахановское движение не пользовалось большой популярностью и среди рабочих: спецслужбы систематически сообщали о срыве стахановского движения, компрометации стахановцев. В мае 1936 года секретарю ЦК КП(б)Б Н. Ги-

кало была направлена докладная записка «О фактах противодействия стахановскому движению на предприятиях БССР». Главной причиной срыва были названы слухи о снижении расценок и повышении норм выработки, вызванной стахановским движением. Даже на тех предприятиях, где движение было достаточно хорошо организованно (добрушская фабрика «Герой труда», бобруйская фабрика «Октябрь» и др.), антистахановские настроения были значительными.

В записке приводились факты антистахановских настроений в Минске, Бобруйске, Гомеле, Минском, Климовичском, Костюковичском, Быховском, Добрушском, Освейском, Кличевском и других районах. Так, слесарь Антин, работавший на добрушской фабрике «Герой труда», говорил рабочим: «Вы работаете, а часть зарплаты идет тем, кто выдумал эту стахановщину, вот так обманывают нашего брата: сперва дадут много рабочим выиграть, в потом в два раза больше обманут, вот и свобода». Слесаря арестовали.

Каменщик гомельского стеклозавода им. Сталина Точилин сказал: «Становятся стахановцами те, кто ближе к начальству». Его дело было передано в суд.

На объектах государственного значения размах «стахановского энтузиазма» прямо зависел от активности спецслужб. Там, 26 июня 1936 года нарком внутренних дел БССР Израиль Леплевский докладывал в Москву о результатах стахановского декадника по строительству дорог: сделано 896 км дорог при плане 751 км, план озеленения выполнен на 140,4%.

Все индустриальные и транспортные объекты первых трех пятилеток — и «великие», и обыкновенные люди строили вручную. Так подносили кирпичи на стройках

«Сейчас особо нажимаем на окончание строительства мостов, на вывозку гравия, на сборку местного камня. Нажимаем, чтобы темпы работ по строительству стратегических дорог, взятые в стахановской декаде, сохранить на достигнутом уровне. Одновременно на участок посылаю группу работников НКВД для проверки правильности произведенных расходов и точного учета количества добытых материалов».

Начальников окружных, городских и районных органов НКВД обязывали «ставить перед РИКами и райкомами» вопросы, связанные со строительством:

«Предлагается вам непосредственно и немедленно включиться в дело строительства дорог и принять надлежащие меры к тому, чтобы все работы были закончены в установленные правительством и наркомом Союза тов. Ягода сроки, обеспечить высокое качество работа, стопроцентное выполнение постановления СНК о трудучастии».

Таким образом, трудового энтузиазма «масс», якобы обеспечивавшего достижения в социалистическом строительстве, на самом деле не было. Энтузиас-

тов, веривших в идеалы коммунизма, было относительно немного, общественное мнение в целом не было расположено в их пользу, оставаясь нейтральным, скептическим или скрыто враждебным. Но органы безопасности систематически отслеживали враждебные настроения и изолировали их носителей, что позволяло создавать в обществе иллюзию всенародной поддержки экономического курса руководства республики и СССР.

Массовые репрессии второй половины 1930-х годов имели не только политический характер, но и экономический. Описывая реальное состояние экономики в различных справках и докладных записках, спецорганы не смели ставить под сомнение правильность экономической политики ВКП(б)-КП(б)Б, поэтому часто объясняли бедственное положение отдельных отраслей народного хозяйства «вредительством».

Так, 19 июня 1937 года инспектор при НКВД БССР Кац подготовил обширную справку «О проведенных национал-фашистской организацией вредительских, подрывных и разрушительных актах в промышленности и финансовом хозяйстве БССР». Опираясь на этот документ и подобные ему материалы, кратко рассмотрим реальное состояние основных отраслей народного хозяйства.

Главной проблемой топливно-энергетического комплекса, от развития которого прямо зависело состояние промышленности БССР, был разрыв между потребностями и реальным обеспечением тепловых электростанций топливом. Основные энергоцентры – Белгрэс им. Сталина, теплоэлектростанции Минска, Гомеля, других городов систематически недополучали топливо, что вызывало перебои с подачей электроэнергии на предприятиях. Отсутствие достаточного количества топливных баз, непосредственно снабжающих крупные энергетические центры, заставляло искать топливо иногда на очень далеких расстояниях от центра, что «значительно удорожало себестоимость электроэнергии», загружало транспорт.

В 1937 году было фактически сорвано строительство Минской ТЭЦ, вторая очередь Белгрэс строилась уже 4 года, «затянут до бесконечности вопрос о строительстве Гомельской станции». Отсутствие квалифицированного единого руководства отраслью («Белэнерго» ликвидировали еще в 1934 году) вызывало частые аварии на электростанциях, что объяснялось результатом «диверсий». В докладной записке, направленной руководством НКВД в октябре 1937 года в ЦК КП(б)Б отмечалось «угрожающее положение с обеспечением топливом большинства предприятий БССР».

Индустриализация БССР должна была осуществляться быстрыми темпами. Однако по большинству важнейших объектов промышленного строительства наблюдался долгострой, что вело к значительному омертвлению капиталов. Так, строительство Оршанского льнокомбината и Минской обувной фабрики было затянуто на 2 года, Могилевского труболитейного завода – на 2,5 года, механического цеха Минского металлозавода им. Кирова – на 3 года, Гомельского жирового комбината, Быховского ацетонного завода – на 3,5 года и т.д. В результате стоимость строительства предприятий значительно превышала сметы. Например, на строительство Могилевского труболитейного завода было затрачено 4,7 млн. рублей вместо запланированных 1,08 млн. руб.

Для огромного числа строек, начатых в 1930-х годах, не хватало кирпича и извести. Этими материалами в первую очередь снабжались предприятия военного значения, а строительство культурных и научных учреждений, жилых помещений обеспечивалось в последнюю очередь. Например, в 1936 году в Минске были сорваны стройки театра и здания Академии Наук. На стройках не хватало не только кирпича, но также извести и древесины. Недостаток извести объяснялся тем, что строительство известкового завода у деревни Левая Руба (недалеко от Витебска) было начато в спешке, не только без разработанного проекта, но и без геологических изысканий запасов сырья!

Улица Ленинская в Минске в 1935 году

К 1 октября 1940 года в Наркомате промышленного строительства БССР выполнение годового плана по тресту «кирпичной промышленности составило 48,6%», по тресту «черепичной промышленности» — 58,3%. На кирпичных заводах отмечались задержки с выплатой зарплаты, большая текучесть кадров и, как следствие, выпуск значительного количества бракованной продукции, которую ОТК принимало 3-м сортом. Кроме того, испытаний кирпича на изгиб и морозостойкость вообще никто не проводил, так что качество кирпича 1-го и 2-го сортов тоже вызывало сомнения.

В аналогичной ситуации находились предприятия стекольной промышленности, которые проверили в октябре 1940 года. План был выполнен ими на 72,9%, недопроизведено 4366,3 тыс. штук бутылок, 13252,5 тыс. штук лампового стекла, 6019,6 тыс. штук аптекарской посуды, зеркал на 1289,5 тыс. руб., что составило 30–60% от запланированного количества.

Технологические режимы на производстве повсеместно нарушались, отсюда высокий процент брака, по некоторым видам изделий до 65%. Простои на заводах по разным причинам составляли в среднем 28 дней в квартал!

Усиленное строительство энергетически емких промышленных предприятий, направление туда основных капиталовложений затормозило развитие предприятий пищевой и легкой промышленности, которая «на сегодняшний день совершенно не развита». «Колоссальное количество» овощей, ягод, грибов ежегодно выбрасывалось из-за отсутствия перерабатывающих предприятий.

Кустарные заводы трестов «Белплодовощ» и «Белкоопплодовощ» выпускали только полуфабрикаты, которые из-за очень низкого качества люди не покупали, и их приходилось выбрасывать на свалку. Строительство пищевых предприятий велось без анализа наличия сырьевой базы (например, завод консервированного молока в Рогачеве), с большими строительными недоделками (Гомельский жирокомбинат, Витебский холодильник и др.), «что вызывало систематический простой на производстве».

Во второй половине 1930-х годов было принято решение производить в БССР искусственный (синтетический) каучук. Для этого требовался спирт, на производство которого направляли до 50% всех капиталовложений в пищевую промышленность. Однако строительство спиртзаводов и их расширение осуществлялось без анализа наличия сырьевой базы (картофеля), заводы часто простаивали из-за отсутствия сырья, его приходилось привозить издалека, что влекло увеличение себестоимости продукции.

Швейная отрасль в БССР занимала центральное место в системе легкой промышленности. Поскольку оценивались только высокие количественные показатели, фабрики выпускали массовый брак, качество продукции было очень низким. У швейных изделий отсутствовали отделки, фасоны одежды были предельно простые и не модные.

Особенно тяжелой была ситуация в сельском хозяйстве. 31 марта 1938 года нарком НКВД Борис Берман направил в Москву «Докладную записку о вредительстве в сельском хозяйстве БССР».

В записке отмечено: на 1 января 1938 года в БССР коллективизировано 685.095 дворов (87,5%). По проверенным 5919 годовым отчетам колхозов, в 1937 году средняя выдача на один трудодень в БССР составляла: зерновыми 1 кг 708 грамм и 35 копеек деньгами. По ряду колхозов доход был еще ниже. Поскольку требовалось вводить в севооборот новые земли, что было достаточно сложно при уровне механизации того времени, в колхозах массово приписывали посевные площади. Почти ни в одном хозяйстве не было правильных севооборотов.

За 1937 год конское поголовье сократилось на 64.626 коней, «отношение к лошадям в колхозах варварское, за него, как правило, никто не отвечает», крупный рогатый скот сократился на 58.400 голов.

Зоотехническая и ветеринарная службы были не укомплектованы. По штату на 1938 год зоотехников в республике следовало иметь 921 – реально было 716 (77,7 %), ветеринарных врачей, соответственно, 441 и 184 (41,7 %). В ряде районов (Бегомльском, Краснопольском, Россонском) ветврачи вообще отсутствовали. Им не предоставляли жилье по месту работы, не обеспечивали средствами передвижения по району. По этой причине многие ветеринары покинули БССР. Спецорганы отмечали отсутствие в республике племенной работы, слу-

чаи варварского обращения с животными и забоя стельного скота, большое число истощенных колхозных лошадей – 50.031 весной 1939 года.

В тяжелом состоянии была ситуация с ремонтом сельскохозяйственной техники. Запасные части на склады Бельсельхозснаба поступали без учета потребности в них, поэтому в одних районах запчасти «лежали мертвым капиталом», а в других их не хватало. В Белсельхозснабе никому не нужных деталей выявили на сумму 229.930 руб., их завезли туда еще в 1935–36 гг.

Передовая работница Минской обувной фабрики (фото 1930-х гг.)

В ряде докладных записок и справок, написанных весной 1938 года и направленных в НКВД СССР или в ЦК КП(б)Б, отмечена тяжелая ситуация, связанная с обеспечением населения пищевыми продуктами и предметами первой необходимости. Повсеместно отмечены очереди за мясом, рыбой, картошкой, сахаром, керосином, мануфактурой, обувью. Очереди были обусловлены тем, что продукты питания и промышленные товары поступали в продажу нерегулярно, с большими перебоями.

По состоянию на 1 апреля 1938 года была составлена специальная Справка о перебоях в снабжении населения продуктами и промышленными товарами по БССР. В ней указана следующая картина: в Минске потребности населения по мясу удовлетворялись лишь на 22,8 %. В день городу необходимо 10–12 тонн мяса, в квартал – 900 тонн, но реально поступало 205 тонн.

Не удовлетворялись потребности населения по колбасным изделиям, рыбе, молоку, сыру, маслу. Так, при плане 225 тонн рыбы в квартал получено 90 тонн; при плане завоза молока 10–12 тонн в сутки отпускается 2 тонны; из наряда в 21 тонну сыра в квартал привозили 13 тонн; при плане завоза 286 тонн масла поступило 186 тонн, и т.д. Естественно, что в продаже перечисленные продукты питания фактически отсутствовали.

Не лучше выглядела ситуация со снабжением промышленными товарами. В Минск на квартал хлопчатобумажных изделий должны были доставить на 10 млн. руб., реально получили на 7,7 млн.; галош – на 2,7 млн. руб., реально – на 1,9 млн. руб.; план по обуви составлял 2,3 млн. руб. – получено на 1 млн. руб., то есть в два раза меньше.

Следует отметить, что в справке речь идет о невыполнении плановых заданий, а не об удовлетворении реальных потребностей населения. Планы были значительно ниже этих потребностей. Например, план по завозу женских чулок (100 тыс. руб.) был выполнен. Несмотря на это в каждом магазине собирались ежедневные очереди по 200–300 человек, ожидавших поступления чулок.

Естественно, что в условиях дефицита процветала спекуляция. Работа торговых организаций Минска не отвечала «возросшим культурным требованиям трудящегося населения»:

«Магазины содержатся в антисанитарном состоянии, обслуживание потребителей неаккуратное и медленное. Витрины оформлены такими товарами, которыми магазины не торгуют. Имеются факты обмана потребителей и грубого отношения к ним. Книги жалоб и предложений пестрят жалобами потребителей, на которые руководители торгующих организаций не реагируют... Доставка товаров в магазины идет неудовлетворительно, а выборка их из баз проводится нерегулярно. За последнее время наблюдались перебои в торговле сахаром, мылом, маслом, спичками, керосином, табачными изделиями и др. В результате этого, создаются большие очереди, которые образуются задолго до открытия магазинов и проявляются тенденции запастись товарами».

В других городах БССР снабжение было еще хуже. Были проверены Бобруйск, Борисов, Гомель, Краснополье, Лепель, Мозырь, Мстиславль, Орша, Осиповичи, Петриков. Во всех городах мясо в магазинах кооперации вообще не продавалось, очереди «за мануфактурой, когда она есть», были по 300–500 человек (!), за керосином по 100–400 человек.

В августе 1937 года была составлена справка, в лаконичной форме отражавшая состояние торговли печеным хлебом, промышленными товарами и продуктами в 77 городах и районах БССР. Только из 12 районов не было получено сведений по причинам технического порядка. Во всех городах не было в продаже в достаточном количестве мануфактуры, одежды, галош, чулок, платков, ниток, обуви (особенно детской). Перебои со снабжением сливочным маслом, мясом, рыбой, подсолнечным маслом, керосином или вообще полное их отсутствие в течение нескольких месяцев подряд – характерная черта для всех районов БССР. Не было перебоев только в торговле хлебом.

Органы госбезопасности следили и за состоянием облика белорусских городов. По Минску, в частности, было отмечено, что город «по своему внешнему виду имеет вид заброшенного города: крыши не красятся и не ремонтируются, карнизы на домах обломаны. Из общего числа улиц (415) замощено только 31».

Следует отметить особенности советского бюджетного планирования. Объем прибылей в бюджете, как правило, завышался. В справке НКВД БССР от 19 июня 1937 года указано:

«Под видимостью борьбы за выполнение доходной части государственного бюджета, куда поступала в виде отчислений часть прибылей промышленности, вредители производили через Госбанк изъятие собственных оборотных средств предприятий в покрытие непоступающих в госбюджет отчислений от прибылей. В результате такого изъятия доходов от арестов и закрытия текущих счетов получилось, что многие отрасли и предприятия республиканской промышленности оставлены были совершенно без оборотных средств (стекольная, кожеобувная и пр.)».

Не имея оборотных средств, предприятия простаивали из-за отсутствия сырья, с отключенным электричеством. Заработная плата рабочим «выплачивалась со значительными перебоями, что вызывало недовольство среди них».

Люди по-разному реагировали на происходящее в республике. Во второй половине 1930-х годов участились случаи самоубийств. Вот данные за неполные

три года: 1935 год – 100, 1936 год – 169, первый квартал 1937 года – 37 случаев самоубийств. Более половины покончивших собой (193 человека) – мужчины в возрасте от 20 до 50 лет.

Во второй половине 1930-х годов в республике наметился рост вооруженных грабежей: в 1936 году за грабежи и бандитизм были осуждены 349 человек, за 7 месяцев 1937 года – 198. Наркому НКВД Б. Берману руководители угрозыска направили в октябре 1937 года докладную записку, в которой причиной роста бандитизма и грабежей назвали «нерасстрельные» приговоры судов в отношении убийц и бандитов:

> «Грабители, действовавшие с оружием, проявлявшие в отношении потерпевших дерзкие формы насилия (ранения, убийства), не только не приговаривались судом к расстрелу, но наоборот, осуждались к незначительным срокам заключения в ИТЛ».

Отмечался и рост хулиганства, особенно в Минске. Для усиления борьбы с хулиганами «на наиболее пораженных хулиганством улицах» с 12 октября 1937 года пришлось дополнительно ввести 25 подвижных постов милиции. Рост хулиганства отмечался также в Бобруйске, Витебске, Гомеле, Могилеве, Орше, Полоцке, в Богушевском, Добрушском, Дубровенском, Климовичском, Круглянском, Рогачевском, Чашникском, Шкловском районах.

Таким образом, спецорганы БССР были достаточно полно осведомлены о реальной ситуации в экономической и повседневной жизни страны. Полученная ими информация передавалась в ЦК КП(б)Б, руководству страны, но при этом оставалась строго секретной, известной лишь очень узкому кругу лиц.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Татьяна Протько (1951 г.р.) — историк и общественный деятель. Окончила физический факультет БГУ (1974). В 1975–79 работала в БГУ на кафедре физики полупроводников.

Кандидат философских наук (1983). С 1984–научный сотрудник Института истории НАН. С 1995 — председатель Беларуского Хельсинкского комитета.

Автор монографий «Эксперыментатар з Беластоцкай гімназіі: Кароль Чаховіч» (1990), «З гісторыі рэпрэсій супраць беларускага сялянства. 1929–1934» (1992), «Пакутнік за веру і бацькаўшчыну: Метрапаліт Мельхісэдэк» (1996), «Вынішчэньне сялянства: Вёска Ўсходняй Беларусі пад цяжарам бальшавіцкіх рэпрэсіяў 30-х гг.» (1998), «Становление советской тоталитарной системы в Беларуси. 1917–1941» (2003) и других.

ИЗДЕРЖКИ НЕБЫВАЛЫХ УСПЕХОВ

Ирина РОМАНОВА

Известный в России историк Арон Гуревич отмечал, что установки людей по отношению к смерти – своего рода индикатор характера цивилизации:

«Вычленение ее /смерти/ в качестве антропологического аспекта социально-культурной тотальности вполне оправдано и дает возможность в новом ракурсе, более глубоко и многосторонне увидеть целое – общественную жизнь людей, их ценности, идеалы, надежды и страхи, их отношение к жизни, их культуру и психологию» (1).

Не менее информативным для понимания состояния общества является изучение не отношения к смерти вообще, а проблемы суицида. Доминирующее в обществе отношение к суициду, закрепленное в соответствующих стереотипах восприятия этого явления, позволяет дать оценку взаимоотношений человеческих «квантов» в любой общественной системе. Чем в большей степени социум продвинулся от патриархальной «соборности» к либеральной «атомарности», тем чаще за индивидуумом признается право распоряжаться собственной жизнью, тем более неотъемлемым становится это право.

***

Причины самоубийств были предметом анализа для самых выдающихся умов человечества: заниматься поиском ответов на «последние» вопросы бытия было модно во все времена. Побудительные мотивы суицидов трактовались самым различным образом, объяснения искали повсюду – от физиологии до теологии. Так, Эмиль Дюркгейм возложил ответственность за суицид на общество; последователи Зигмунда Фрейда – на подсознание.

Большевистские идеологи причислили самоубийство, наряду с пьянством, преступностью и проституцией, к социальным болезням, или, как тогда говорили, к «родимым пятнам» капиталистического прошлого, которые возникли на почве общественной несправедливости и которые при социализме должны были исчезнуть сами собой. В предисловии к одной из советских брошюр 20-х годов сказано: «Социализм поднял жизнь и счастье человека на уровень высшей ценности, объявив непримиримую борьбу со всем, что препятствует реализации этого принципа». В таких условиях самоубийство становилось своего рода вызовом идеологии советского общества и рассматривалось государством прежде всего с политической точки зрения.

Между тем, переустройство бывшей империи сопровождалось бурным развитием промышленности и ростом городов, распадом крестьянского уклада жизни, маргинализацией городского населения, утратой общественного влияния религии, ослаблением института семьи, изменением форм повседневной жизни и сферы досуга. То есть, бурно развивались те самые социально-культурные процессы, которые, по Дюркгейму, неминуемо влекут за собой подъем уровня самоубийств.

Суицид в 20–30 годы стал своего рода некоей социальной эпидемией, охватившей весь СССР и Беларусь как его составную часть. Характерная черта этого явления в том, что оно ощутимо (как никогда прежде или впоследствии) затронуло культурную, политическую и иные элиты страны.

К концу 20-х годов статистика самоубийств приобрела столь тревожный вид, что партия перевела ее в разряд секретных, обсуждение проблем суицида в научной и массовой печати исключалось. Случаи самоубийства или попытки самоубийства обязательно расследовались, окончательное заключение было предметом внимания Бюро ЦК. Имело значение, кто покончил с собой – рядовой член общества или лицо, наделенное властью, «советский элемент» или «классово чуждый». В соответствии с этим выносился посмертный приговор покончившему с собой.

В случае суицида рядовых членов общества осуждались служебные лица, которые своими действиями довели жертву до самоубийства. Например, в 1932 году расследовалось дело о попытке самоубийства колхозницы Здольниковой (колхоз имени МОПР, Витебский район):

> «Выяснилось, что она бросилась в колодец по причине самого безобразного отношения к ней со стороны администрации и рабочкома, ее несколько раз перекидывали с одной работы на другую... Горком партии обсудил этот вопрос и вынес решение: секретарю ячейки вынесли суровый выговор и сняли с работы, председатель рабочкома и директор колхоза сняты с работы, исключены из партии и союза и отданы под суд» (2).

В таких условиях местные власти стремились регистрировать случаи самоубийства под видом несчастных случаев или естественных смертей. Начал действовать механизм приписок и отписок, достоверный учет прекратился.

***

В прежние времена факт самоубийства радикально изменял ход любого социального конфликта: суицид рассматривался как аргумент в пользу невиновности или сомнительности вины наложившего на себя руки, либо, как минимум, смягчал его вину в глазах общества. Но к середине 30-х годов ситуация изменилась: в таком вопросе власть не могла пренебречь своими идеологическими и социальными установками.

В качестве примера приведем следующий факт: угроза покончить жизнь самоубийством единоличницы Смолер в связи с тем, что она не имеет чем выполнить мясопоставки и денежные платежи, а муж осужден на воровство, была расценена следующим образом:

> «С целью компрометации советских законов и вызова недовольства среди отсталой части населения единоличников стала на путь явной провокации». ОРПО ЦК КП(б)Б поручило райпрокурору провести следствие по делу, привлечь виновную к ответственности. Местная парторганизация на общих сходах колхозников должна была разъяснить «сущность этой провокации, мобилизовав массы колхозников и единоличников на выполнение хозяйственно-политических кампаний» (3).

Факты самоубийства среди партийных кадров оценивались еще более жестко: покончил с собой – значит враг, который запутался в преступлениях, а самоубийство – доказательство вины. Идеологическим обоснованием осуждения са-

моубийц стало, по сути дела, объяснение суицида, предложенное церковью в средние века: самоубийство происходит в результате того, что в душу проникает бес и пожирает ее изнутри. В новой материалистической трактовке «душу изнутри» пожирал антисоветизм. Так, во время следствия по делу о самоубийстве председателя Хойницкого райисполкома Я.А. Марченко «выяснилось»:

«Работая много лет на руководящей партийной и советской работе в республике он соприкасался со многими разоблаченными ныне как враги народа, а с некоторыми из них имел близкую связь... Основным мотивом его самоубийства несомненно является ряд вредительских актов, совершенных им в районе, ответственность которую он, безусловно, должен был нести».

В постановлении Бюро РК по этому вопросу самоубийство Марченко квалифицировано как «антисоветский, враждебный акт, совершенный с целью избавиться от ответственности» (4).

На счету масштабного исторического эксперимента – строительства социализма «в одной, отдельно взятой за горло стране» – особенно много доведенных до самоубийства литераторов. Г. Чхартишвили в своем исследовании «Писатель и самоубийство» рассматривает «настоящую эпидемию самоубийств, выкосившую литературу от Есенина до Фадеева».

В годы, предшествовавшие массовым чисткам, государственную машину весьма эффективно подменяли рапповские и лефовские «проработки». Так, гонения на идеологической почве стали причинами самоубийств Андрея Соболя (левая критика вменила ему в вину недостаток оптимизма и рефлексию), Виктора Дмитриева (был исключен из рядов Российской ассоциации пролетарских писателей и признан «идеологически чуждым»), Леонида Добычина (был раскритикован за «объективизм» и «политическую близорукость») (5).

Как свидетельствуют факты, нередко причиной самоубийства творческих людей становился вызов в НКВД «на беседу» – Ю.И. Галич, Н.И. Дементьев; страх ареста и арест – А.Л. Бем, Паоло Яшвили; последствия перенесенного ареста – И.А. Болдырев (Шкотт), И.Я. Габай (Гончаренко). Не перенесла испытаний, выпавших на ее долю поэтесса Марина Цветаева. Она повесилась в Елабуге поздней осенью 1941 года.

Одной из главных причин самоубийств Сергея Есенина и Владимира Маяковского, несомненно, стала социальная атмосфера вокруг них. А самоубийство ведущего теоретика пролетарской литературы Александра Фадеева видимо было запоздалым раскаянием в связи с разоблачением «культа личности»?

* * *

Люди творческих профессий относятся к так называемой группе высокого суицидального риска, что объясняется их особой эмоциональной незащищенностью. Однако самоубийства стали массовым явлением не только среди них.

Самоубийства шли волнами: с введением НЭПа и первых номенклатурных привилегий стали стреляться большевики, пришедшие к выводу, что революцию продали и предали; с отменой НЭПа начали вешаться «советские буржуи», резко возросло количество бытовых самоубийств. К 1934 году уровень самоу-

бийств по сравнению с 1917 годом по стране поднялся ровно вдвое, а в Москве почти втрое.

Довольно широкую известность получили случаи самоубийства на почве репрессий. Следует признать, что самоубийство является не только актом свободы человека, но и может быть достойным выходом из недостойной ситуации. Самоубийство было последним и единственным способом избежать ареста, прекратить издевательства во время следствия. Во многих случаях оно выступало как сознательная форма протеста, как средство доказать свою невиновность и отвести репрессии от родных и близких.

Смена политического курса в начале 30-х годов сопровождался массовыми кампаниями разоблачений «нацдемов» в БССР. Проводники прежней политики стали не просто неугодны, но и были отнесены к стану врагов.

20 ноября 1930 года пытался покончить с собой поэт Янка Купала.

В письме, направленном из ЦК КП(б)Б в ЦК ВКП(б), отмечалось:

> «...Все это происшествие рассматривается нами как протест против нашей политики борьбы с национал-демократизмом. Мы решили не требовать от Янки Купалы признание в участии в Союзе Вызволения Белоруссии и сосредоточить свои силы на требовании выступить с открытым осуждением контрреволюционной деятельности группы белорусских интеллигентов, арестованных по делу СВБ. Думаю, что это нам удастся» (6).

«Старший брат» требовал всего человека, без остатка...

Во время той же кампании был исключен из партии и снят с должности Президент Белорусской Академии наук Всеволод Игнатовский «как сознательно проводивший на протяжении всего периода пребывания в партии национал-демократическую установку в своей работе, являющийся фактически кулацким агентом в партии... как чуждого элемента, игравшего на руку нацдемовской контрреволюции».

После очередного допроса в ОГПУ Игнатовский 4 февраля 1931 года застрелился. А 7 июля 1933 года, во время заседания Политбюро ЦК КП(б)Украины, рассматривавшего его вопрос, застрелился обвиненный в национализме заместитель председателя СНК и Госплана УССР Николай Скрыпник.

***

Следующая волна самоубийств среди партийно-советского руководства на почве репрессий связана со сталинской кампанией «большого террора» 1937–38 годов.

По одной из версий, не умер «от гангрены легких», а покончил с собой 11 апреля 1937 года редактор газеты «Советская Белоруссия» и журнала «Полымя», глава Государственного издательства БССР Дмитрий Жилунович (он же поэт Тишка Гартный).

Застрелился в поезде 22 апреля 1937 года бывший председатель СНК БССР Язеп Адамович.

Застрелился 31 мая 1937 года «запутавшийся в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения» бывший первый секретарь ЦК КП(б)Б Ян Гамарник.

В перерыве работы XVI съезда КП(б)Б застрелился 16 июня 1937 года председатель ЦИК БССР Александр Червяков.

Во время очередного допроса 21 июня 1937 года выбросился из окна 5-го этажа здания НКВД, «не дав показаний о своей контрреволюционной деятельности», председатель СНК БССР Николай Голодед (7).

Пытался покончить с собой в ходе следствия в НКВД нарком земледелия Казимир Бенек, арестованный 9 мая 1937 года. Его вернули к жизни, но лишь для того, чтобы расстрелять в феврале 1938.

Во время кампании по борьбе с «буржуазно-националистической антисоветской организацией бывших боротьбистов» в Украине застрелил свою жену и покончил с собой секретарь ЦК КП(б)У и председатель СНК Украины П.П. Любченко.

Есть серьезные основания предполагать, что нарком тяжелой промышленности СССР Серго Орджоникидзе 18 февраля 1937 года покончил с собой.

При проведении кампании по ликвидации «пятой колонны», когда основанием для репрессий становилась национальность гражданина, покончил с собой обвиненный как «участник латышской фашистской организации» помощник командующего Белорусского военного округа по ВВС А.Я. Лапин. В предсмертной записке он написал: «Мне надоело жить, меня сильно били, поэтому я дал ложные показания и наговорил на других лиц. Я ни в чем не виновен» (8).

Параллельно с «врагами народа» кончали жизнь самоубийством и люди, несогласные с линией партии либо обвиненные в «уклонах» от нее.

Например, покончил с собой партийный деятель и дипломат, один из руководителей «Новой оппозиции» Адольф Иоффе.

Председатель ВЦСПС Михаил Томский (Ефремов) застрелился в 1936 году во время открытого процесса над Зиновьевым и Каменевым, когда на заседании его имя было упомянуто в их показаниях. Тем не менее, его участие в антипартийном заговоре было признано доказанным.

Брат убежденного сторонника Сталина Лазаря Моисеевича Кагановича нарком оборонной промышленности и авиационной промышленности М.М. Каганович застрелился после того, как Сталин обвинил его в том, что он «якшался с правыми» (9).

***

Во второй половине 30-х годов связь с троцкизмом стала одним из самых популярных обвинений. В случае навешивания такого ярлыка приговор был максимально суров, а следствие «устанавливало» связи и контакты «троцкиста» (позже – «шпиона» и «врага народа»). Автоматически под подозрение попадали все родственники и знакомые обвиняемого.

Наиболее известные самоубийцы в БССР

Язеп Адамович
(1897–1937)

Ян Гамарник
(1894–1937)

Николай Голодед
(1894–1937)

Всеволод Игнатовский
(1881–1931)

Александр Червяков
(1892–1937)

В такой атмосфере кончали с собой не только руководители высшего звена, но и рядовые партийцы, обвиненные в троцкизме. Так, заведующему ОРПО ЦК ВКП(б)Б Георгию Маленкову была направлена докладная записка «О самоубийстве двух членов партии, обвинявшихся в троцкизме», в которой сказано:

> «При трупе Каплан обнаружена оставленная им записка, из них одна в партком Наркомместпрома о его антипартийном поступке, связи с сестрой жены, исключенной из партии за троцкизм и записка о причинах, толкнувших его к самоубийству, где он пишет, что исключен из партии без вины, что этого позора он перенести не может и выбирает лучше смерть, чем жизнь...» (10).

Но надежды лиц, решавшихся на самоубийство, на то, что их добровольный уход из жизни будет расценен как доказательство невиновности, как правило, не

сбывались. Даже такая форма протеста против царящего в стране произвола не гарантировала безопасность родных и сохранение доброго имени жертвы. Например, как «члены семьи предателя» в 1937 году были репрессированы родственники Всеволода Игнатовского: расстреляны сыновья Юрий и Валентин, а его вдова осуждена на 8 лет лагерей. Жена Яна Гамарника была приговорена к 8 годам тюремного заключения, а затем еще к 10; она умерла в лагере, их дочь отправили в детдом. В 1937 году были арестованы мать, брат, сын, и три сестры жены упомянутого выше П.П. Любченко.

Документы свидетельствуют, что причиной самоубийства нередко становилась невозможность вынести «методы советского следствия». Так в докладной записке 1939 г. прокурора БССР Новика «О недопустимых действиях, допускаемых при допросах в органах НКВД» отмечалось:

> «В больницу (Наровлянский район) был доставлен Бачино Франц Антонович, раненый гвоздем в грудь, где ему оказана медицинская помощь. По объяснению Бачино, он ранил себя, желая покончить самоубийством, ввиду избиений его в РО НКВД. Об этом райпрокурору стало известно уже после того, как Бачино был расстрелян по решению НКВД БССР за шпионаж» (11).

О том, какой ужас вызывал у простых людей «беспредел» карательных органов, свидетельствует следующий факт. В 1938 году за воровство 2 кг муки колхознице колхоза «Путиловец» Меховского района Павленко Евдокии Яковлевне бригадир пригрозил, «что она, Павленко, за воровство муки будет отвечать в уголовном порядке и ей будет не менее 10 лет». Колхозница незамедлительно повесилась. Далее в докладной отмечалось: «Среди колхозников на месте проведена соответствующая разъяснительная работа» (12).

После «ликвидации нацдемов и врагов народа» последовала следующая волна репрессий. Теперь врагами стали те, кто провел предыдущие этапы кампании – руководители «доблестных органов» ОГПУ-НКВД. Начали стреляться люди с «железным сердцем». Покончили с собой: комиссар государственной безопасности 3-го ранга, один из ближайших сотрудников Н.И. Ежова и организатор массовых репрессий В.М. Курский, комиссар государственной безопасности 3-го ранга М.И. Литвин.

После XX съезда КПСС и начавшейся кампании по разоблачению «культа личности» застрелился один из руководителей ГУЛАГа генерал-полковник К.А. Павлов, а несколько позже, после начала расследований в МВД, – заместитель министра внутренних дел по войскам, Герой Советского Союза генерал И.И. Масленников.

***

Даже выборочное знакомство с материалом свидетельствует, что тоталитарная власть нетерпимо относится к любому проявлению свободного выбора человеком своей судьбы. В том числе и к такой его крайней форме как самоубийство. И одновременно она легко жертвует тысячами граждан, «мешающими», по мнению партийного руководства, «правильному» развитию общества. А «полезных» граждан эта власть постоянно побуждает к самопожертвованию, в том числе и прямому – через альтруистическое самоубийство (прославление подвигов Матросова и Гастелло, лозунг «последняя пуля себе» и т.д.).

Советская эпоха дает богатый материал для иллюстрации и осмысления множества фактов подавления в человеке одного из наиболее сильных инстинктов – инстинкта самосохранения. В преодолении «воли к жизни» СССР преуспел как ни одно другое государство минувшего столетия.

ИСТОЧНИКИ

1. Гуревич А.Я. Филипп Арьес: Смерть как проблема исторической антропологии // Ф. Арьес. Человек перед лицом смерти. М., 1992, с. 30.

2. НАРБ. Фонд 4. Опись 21. Дело 391, лист 78.

3. Там же, дело 1306, лист12.

4. Там же, дело 992, листы 19, 21.

5. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. М., 2000, с. 386.

6. НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 233, л. 8а.

7. Там же, д. 1805, л. 51-52.

8. Залесский К. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000, с. 268.

9. Там же, с. 201.

10. НАРБ. Ф. 4. Оп. 21. Д. 889, л. 260.

11. Там же, д. 1724, л. 16.

12. Там же, д. 1315, л. 163.

КПБ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Анатоль ВЕЛИКИЙ

БЕЛАРУСИЗАЦИЯ

Одно из центральных мест в общественно-политической жизни Беларуси 20-х годов занимала политика беларусизации. За последние два десятилетия отечественные историки сделали многое для освещения этой проблемы. Однако, рассматривая ее, большинство авторов ограничивается анализом решений январского и октябрьского Пленумов ЦК КПБ в 1925 г. и октябрьского Пленума 1926 г., определивших отношение КПБ к беларусизации**.

Этого явно недостаточно, ибо то, что официально декларировалось и обсуждалось на многочисленных партсобраниях, серьезно отличалось от того, что тоже обсуждалось, но никогда не делалось достоянием гласности, оставалось неизвестным даже большинству членов партии, хранилось под грифами «секретно» или «совершенно секретно».

Вместе с тем, требует корректировки и переосмысления тезис о том, что «политика беларусизации являлась конкретным проявлением национальной политики компартии Беларуси» и что ее истоки – «в ленинской большевистской национальной программе».

Значительно ближе к истине суждение академика НАН, доктора исторических наук Михаила Костюка:

> «Чтобы не допустить реализации идеи национальной независимости и отчасти удовлетворить стремления местных национальных деятелей в этом вопросе, руководители партии и государства вынуждены были пойти на осуществление политики беларусизации».

Именно «вынуждены были пойти», чтобы не утратить контроль над проявлениями национальных устремлений беларусов. Мнение Костюка подтверждает и тот факт, что до 1924 года партия не уделяла значительного внимания национальному вопросу.

Об этом свидетельствуют высказывания тогдашнего первого секретаря ЦК КП(б)Б Александра Криницкого. В докладе «О политическом отчете ЦК КПБ и материалах по очередным вопросам национальной политики» он заявил:

> «В 1921 году во весь рост встал вопрос о том, что вся партия должна взяться за проведение национальной политики. Однако здесь мы видим такое явление, что еще в 1921 и даже в 1923 гг. политический отчет ЦК, ЦБ почти не затрагивал национальной политики и, например, один из докладчиков в 1923 г. в заключительном слове сказал, что этот вопрос, возможно, мало обсуждался на заседаниях ЦБ».

Еще одним свидетельством того, что национальная проблема мало беспокоила высшее партийное руководство Беларуси в 1921–23 гг., является перечень вопросов, обсуждавшихся на заседаниях Центрального Бюро (ЦБ). Например,

---

* Из книги «Таталітырызм» (Мінск, 2007, с. 88–104). Перевод и редакция А.Е. Тараса.

** В статье название партии приводится без форманта (б) – большевиков. – *Прим. ред.*

в первом квартале 1921 года вопросы нацполитики рассматривались 1 раз, во втором – 2, в третьем – 3, в четвёртом – 3, а всего 9. Для сравнения: за аналогичный период вопросы партийного строительства обсуждались 16, 46, 32, 26 раз (всего 120); советского – 4, 28, 11, 21 (всего 64); культурного – 7, 5, 8, 16 (всего 36).

В этом докладе обращает на себя внимание еще один важный момент, характеризующий формы и методы партийного руководства национальным процессом. Криницкий отметил:

> «Мы проводим белорусизацию как твердую линию, если хотите, с элементами принудительной белорусизации по отношению к государственному, кооперативному аппарату, партийному, комсомольскому активу... однако в отношении рабочих и крестьян не проводим никакой принудительной белорусизации».

Комуністычная Партыя (бальшавікоў) Беларусі — Год выданьня 2-гі.

Орган Калінінскага Акругкому КП(б)Б і Акрвыканкому.

№ 47 (154) — Нядзеля, 20 чэрвеня 1926 г.

Беларусізацыю неабходна паглыбляць і пашыраць

З 15 чэрвеня па 1-ае Ліпеня па Акрузе праходзіць праверка ведаў працаўнікоў Савецкіх установ, скончыўшых шасьцімесячныя курсы па беларусазнаўству.

Курсы былі ўтвораны пры ўсіх Акруговых установах і ў раённых асяродках і працавалі па 120-цёх гаму. ...

...пляць веды ў гэтым напрамку, атрыманыя на курсах, шляхам грунтоўнай самаадукацыі і ўтварэньні новых гуртоў, семінарыяў і студый.

У нас яшчэ ёсьць хібы і па ўладаньню тэхнікай беларускага пісьменства.

Ёсьць выпадкі, калі таварышы за-

Павышэньне чыгуначных тарыфаў не павінна адбіцца на павышэньні розьнічных цэн.

КООПЕРА

Смысл «беларусизации» заключался в том, чтобы донести большевитские идеи до каждого беларуса: Климовичская газета «Наш працаўнік» (1926 г.)

Криницкий был прав, когда говорил о «принудительной белорусизации» партийного и государственного аппаратов, так как и тот, и другой фактически тихо ее бойкотировали. Представление о том, как бойкот решений высших партийных органов выглядел на местах, дает отчет Витебского окружкома КПБ за 1926–27 гг. Особенность его в том, что период с 1925 до 1927 гг., по мнению ряда беларуских историков, – «время наиболее активного проведения белорусизации». Так вот, во время «наиболее активного проведения белорусизации» Витебский окружком отмечал:

> «При определенном переломе в осуществлении белорусизации организация не смогла еще изучить ни белорусского языка, ни белорусской культуры. Бюро окружкома в ноябре прошлого года (1926 г.) дало задание ответственным товарищам изучить белорусский язык до 1 января 1927 г. При проверке выяснилось, что большинство из

них совсем не читают белорусской литературы, совсем не читают белорусских газет...»

Проверка показала, что работники окружкома знают беларуский язык следующим образом: хорошо – 9 %, средне – 35 %, слабо – 40 %, не знают – 16 %. Еще худшие результаты дала проверка Витебской окружной парторганизации, имевшая в то время 3752 членов. Из них только 208 (5,5%) хорошо знали беларуский язык, 532 (14,2%) – средне, 899 (23,9%) – слабо, 2133 (56,4%) – совсем не знали. В самом Витебске результаты были еще хуже: хорошо знали язык 124 (4,3 %) партийца, средне – 244 (6,5 %), слабо – 795 (21,2 %), вообще не знали – 2589 (69 %).

Оппоненты могут возразить, что пример Витебского округа не характерен, ибо он был наиболее русифицированный. Это так, но партийные решения являлись обязательными для всех коммунистов.

С формальной точки зрения получается, что почти вся партийная окружная организация не выполнила решений ЦК. Удивительная ситуация. Ведь партийная дисциплина уже тогда была настолько сильной, что невыполнение решений высшего партийного органа угрожало самыми серьеными последствиями.

Если же пример Витебской парторганизации рассматривать как «исключение», то возникает вопрос: а почему положение и в столичной организации мало отличалось от ситуации в витебской? Здесь, хотя окружная парторганизация выдвинула лозунг «К 1 января 1927 года актив парторганизации должен говорить на белорусском языке», дело дальше слов не продвинулось.

Обложка журнала «Савецкае будаўніцтва» (выходил в 1924–29 гг.)

Так, в постановлении, утвержденном Бюро Минского окружкома 13 июня 1927 года по результатам рассмотрения вопроса «О проведении белорусизации в Минской организации КПБ» сказано о «некотором сдвиге в партийной организации в отношении к вопросу белорусизации, который проявляется в понимании ее политического значения».

Надо только вдуматься в смысл этого предложения.

Напомним, что с 1 января 1927 года партия должно была заговорить по-беларуски, а здесь только проявляются «некоторый сдвиг и понимание». Учтем и то, что столичная партийная организация, как объявило ее руководство, должна была быть «в этом вопросе образцом для других организаций КП(б)Б».

Не очень изменилось положение и в следующем году. Так, проверка Гомельской парторганизации, проведенная ЦК КПБ в апреле–мае 1928 года, показала:

> «В некоторых случаях встречается враждебное отношение к белорусизации, а также нежелание проводить директивы ЦК по этому вопросу. Например, секретарь партийной ячейки фабрики «Везувий» заявил, что он «Звезду» не читал, не читает и не будет читать».

Напомним, что с 1927 года «Звезда» – печатный орган ЦК КПБ – выходила на беларуском языке, и понятно, что такое отношение к этой газете не рядового партийца, а секретаря ячейки говорит и об его отношении к беларусизации.

Плакат (1929 г.)

Не изменилась ситуация и в 1929 году. На окружном, городском и районном уровнях только констатировалось невыполнение решений относительно беларусизации – и на этом все. Например, в отчете Могилевского окружкома (март 1929 г.) отмечено:

> «Выполнению этой директивы ОК почти что не придал никакого внимания. ОК ни разу не обговорил этого вопроса, никаких практических мероприятий по выполнению этой директивы не предпринимал, и ограничивался только тем, что по докладам отдельных ячеек давал общие директивы «о решительном проведении белорусизации».

Таким образом, тенденция в действиях партаппарата и партии относительно беларусизации проявилась вполне отчетливо. Принимались многочисленные постановления общего содержания, которые никого ни к чему не обязывали, констатировался факт невыполнения их, и на этом все кончалось. Партия, не имея силы отменить беларусизацию специальным постановлением, либо другим директивным решением, «отменила» ее бюрократическим путем.

Естественно, ничего не изменилось, да и не могло измениться и в начале 30-х годов. Дело беларусизации пошло по хорошо отработанной партийно-бюрократической колее: принимались решения о «более решительных мерах», «усилению темпов белорусизации», потом констатировалось отступление от них – и… все повторялась вновь. И что интересно: никого не снимали с работы, никто не получал партийных взысканий. Ни одному из первых секретарей райкома или горкома не объявили выговора, никого не лишили должности, не созывались совещания по фактам невыполнения постановлений ЦК.

Это просто удивительно, потому что партия уже представляла собой строго централизированную корпоративно-бюрократическую систему с жесткой иерархичной подчиненностью и обязательным исполнением решений высших партийных органов – нижними. Ответ на вопрос, отчего так происходило, можно найти, в частности, в словах члена партии из Толочинского района:

> «Если не буду знать белорусского языка, то меня в тюрьму не посадят, а если не дам своевременных сведений (о сельскохозяйственных заготовках, выполнении разных планов и т.д. – *Авт.*), то посадят».

В этих словах, безусловно, значительная доля правды. Сурово наказывали не за незнание языка, а за невыполнение различных хозяйственных проручений и кампаний.

Тот факт, что в начале 30-х годов беларусизация превратилась в формальный бюрократический процесс, в котором никто ни за что не отвечал, по существу свидетельствует: с самого начала реальной проблемой для партии была не проблема беларусизации, а проблема так называемого «национального вопроса», который в СССР следовало ликвидировать вообще.

Рассматривая отношение компартии к беларусизации, необходимо принять во внимание национальный состав КПБ, а также задачи, ставившиеся перед партийными организациями в «национальных республиках». Общее представление о национальном составе КПБ на разных уровнях дает следующая таблица.

Ответственные работники окружного масштаба

Период	Количество	Национальный состав в %				
		Бел.	Рус.	Евреи	Поляки	Проч.
01.02.1924	123	16,3	22,0	40,6	4,9	16,2
01.09.1925	163	27,0	21,4	33,1	3,7	14,8
01.03.1927	262	41,2	13,6	30,5	3,8	10,9

Ответственные работники уездного масштаба

Период	Количество	Национальный состав в %				
		Бел.	Рус.	Евреи	Поляки	Проч.
01.02.1924	817	23,6	26,0	36,9	5,8	7,7
01.09.1925	840	33,7	20,2	31,9	5,5	8,7
01.03.1927	728	50,8	14,2	23,7	3,1	8,2

Национальный состав секретарей сельрайкомов и горрайкомов

		Национальный состав в %				
	Количество	Бел.	Рус.	Евреи	Поляки	Проч.
			Сельрайкомы:			
Январь 1925	100	57,0	18,0	10,0	5,0	7,0
Апрель 1925	100	45,0	21,0	18,0	4,0	6,0
Ноябрь 1925	100	60,0	13,0	11,0	2,0	8,0
			Гор. РК:			
Ноябрь 1926 г.	12	33,5	8,4	50,0	–	8,3

Беларусы были весомо представлены только в сельских райкомах (от 45 до 60 %), тогда как в городских, уездных и окружных партструктурах они составляли меньшинство (от 16 до 50 %). К тому же, надо учесть, что главной идеологемой партии являлся пресловутый «интернационализм». Большинство представителей партаппарата, воспитанных на «интернационалистских взглядах», если не враждебно, то, в лучшем случае, безразлично относились к беларусизации. Всерьез ее задачи и цели воспринимала только небольшая часть так называемых

«национал-коммунистов». Меткую характеристику преимущественной части аппарата дал известный беларуский историк Ростислав Платонов, отметив, что к власти пришли «денационализированные элементы, воспитанные в духе космополитичного интернационализма».

«Беларуские коммунисты» на 3-м съезде КП(б)Б (22–26 ноября 1920 г.) приняли решение о тем, что «КПБ – областная организация РКП». Словосочетание «беларуские коммунисты» недаром здесь взято в кавычки: на тот момент в руководстве КПБ вообще не было беларусов! Характеристика тем, кто пришел к власти и принимал такие решения, было дано в «Заявлении 32-х» (1 февраля 1921 г.)*. В нем подчеркивалось:

> «В Белоруссии не оказалось на месте необходимых кандидатур на ответственные посты и, естественно, у власти очутились те же почти коммунисты, как их называют, бедовский люд, что и раньше».

Этот «бедовский люд» и сформировал беларускую парторганизацию, которая фактически существовала на правах любой другой российской областной парторганизации.

В дальнейшем власти ограничили «беларусизацию» сферой искусства и фольклора

Что же касается общей стратегии в решении национального вопроса, то здесь уже в первой половине 1920-х годов стали преобладать сталинские подходы. Так, на совещании по национальному вопросу в Москве в 1923 году Сталин заявил:

> «Необходимо помнить, что наши коммунистические организации на окраинах, в республиках и областях могут развиваться и стать на ноги, сделаться настоящим интернациональным, марксистским кадром только в том случае, если преодолеют национализм. Национализм – основная идейная преграда на пути выращивания марксистских кадров, марксистского авангарда на окраинах».

О том, что Кремль внимательно следил за осуществлением национальной политики в Беларуси, свидетельствуют ежегодные отчеты ЦК КПБ в ЦК ВКП(б). Например, в ноябре 1926 года, заслушав и обсудив отчет «областной партийной организации», отметив «правильность линии КП(б)Б в национальном вопросе», ЦК подчеркнул необходимость «объяснения национальной политики ВКП(б) и опасности националистических уклонов – как белорусского, так и российского, – и исправления наличных националистических искажений».

---

* Имеется в виду доклад, направленный в ЦБ КПБ от имени 32-х коммунистов-беларусов. Его подписали Степан Булат, Александр Бурбис, Петр Ильючонок, Язэп Кореневский, Иван Куделько, Михаил Куделько (Михась Чарот) и другие. Авторы доклада выступрали за беларусизацию и обеспечение реального суверенитета Беларуси в составе РСФСР. – *Прим. ред.*

Высшее руководство в Минске «правильно» понимало рекомендации Кремля о борьбе с «националистическими уклонами». Когда на 10-м съезде КПБ (3–10 января 1927 г.) сторонники национально-демократического течения высказались за сохранение беларуского культурного облика республики, их назвали шовинистами и контрреволюционерами, что, по большевистской терминологии означало обвинение в самом большом преступлении против советской власти.

Таким образом, можно утверждать, что судьба беларусизации была предопределена с того момента, когда партия взяла ее под свой контроль. Могло ли разрешить сталинское руководство ВКП(б), чтобы в одном из ее «отрядов» разворачивалась национальная работа? Вопрос чисто риторический.

Именно в партии и проявилось наиболее сильное сопротивление беларусизации, которое через ее структуры распространялось на все сферы общества. Именно партия, начав борьбу с «нацдемовщиной», довела ее до логического конца – полного разгрома национального движения и всего, что было связано с беларусизацией.

«РАБОТА» С НАЦИОНАЛЬНЫМИ МЕНЬШИНСТВАМИ

Не меньшее внимание партийные и советские органы во второй половине 20-х – первой половине 30-х гг. придавали работе среди национальных меньшинств, в частности среди евреев и поляков.

Евреи

В августе 1920 года, через месяц после вторичного провозглашения советской власти в Беларуси, когда война с Польшей еще продолжалась, при ЦБ КПБ были созданы еврейская и польская национальные секции, призванные решать вопросы национальной жизни евреев и поляков.

Необходимость создания еврейских секций в партийных органах объяснялась наличием значительного еврейского населения в республике. К концу гражданской войны численность евреев в республике в ее прежних границах составляла примерно 444 тыс. человек (8,2%), которые в своем большинстве проживали в городах и местечках.

Евсекции создали во всех окружных, районных и городских парторганизациях, но руководило работой с евреями во всех партструктурах Центральное еврейское бюро (Евбюро) при ЦБ КПБ, учрежденное 8 августа 1920 года. В письме «Ко всем комитетам партии Литвы и Белоруссии» провозглашалось:

> «При ЦБ Белоруссии создано и уже приступило к работе Главное бюро еврейских коммунистических секций...»

В нем же определялись задачи деятельности Евбюро:

> «1. Ведение агитации и пропаганды как устно, так и письменно среди еврейских рабочих и бедноты; 2. Партийное воспитание членов партии, говорящих на еврейском языке; 3. Борьба против влияния еврейских буржуазных и мелкобуржуазных партий...; 4. Организация еврейского пролетариата в рядах единой коммунистической партии».

Основную роль в беларуской Евсекции играли бывшие активные деятели еврейских партий – в основном выходцы из Бунда, перешедшие на сторону боль-

шевиков и враждебно относившиеся как к сионистам, так и к ортодоксальной еврейской культуре, и вообще к еврейской жизни, основанной на традициях иудаизма. Потому с первых дней своего существования деятельность Евбюро разворачивалась по трем направлениям — борьбы с остатками бундовских традиций и с проявлениями сионизма; ликвидации ортодоксальной еврейской религии, вытеснения еврейских национальных традиций и языка.

Получив своеобразный «карт-бланш» от ЦБ на работу с еврейским населением и ощущая поддержку партаппарата, Евбюро заняло весьма жесткую позицию относительно своих оппонентов — еврейских политических партий, общественных и благотворительных организаций, традиционных еврейских культурных и образовательных заведений — хедеров и иешив. Главной задачей являлась дискредитация их деятельности, а затем и политическое уничтожение оппонентов.

В первую очередь Евбюро повело бескомпромиссную борьбу с Бундом. Об отношении к нему свидетельствуют тезисы Евбюро. В них отмечено:

«1. Бунд, несмотря на свое признание коммунизма, программы и тактики РКП(б), по сути является мелкобуржуазной партией; 2. Благодаря факту своего существования, Бунд становится центром притяжения для националистических элементов еврейской мелкабуржуазной, так называемой социалистической интеллигенции, которая проникает в ряды рабочего движения...; 3. Решительная борьба с Бундом требует отстранения Бунда из всех руководящих органов советской власти».

Главная синагога Минска

Еще более жесткую позицию евсеки заняли относительно еврейских общественных и благотворительных организаций. В упомянутых тезисах отмечена «необходимость полной ликвидации еврейских общественных организаций».

Одной из своих основных задач Евсекция считала проведение политики партии и пропаганду ее идей только на языке идиш: декретом Совнаркома ССРБ от 1 августа 1920 года он, вместе с беларуским, русским и польским, был провозглашен государственным языком. Резко отрицательное отношение евсеков к иври-

ту было обусловлено тем, что иврит для них означал «клерикализм», «националистический сионизм» и т.п.

Наиболее ярко отношение Евсекции к национальной культуре евреев проявилось в вопросах существования хедеров и иешив. На протяжении веков именно эти институты традиционного еврейского образования беларуские евреи считали основой воспитания национального самосознания у детей. Однако евсеки приняли решительные меры к их уничтожению. Так, в январе 1922 года на совещании представителей евсекций обсуждался вопрос «О нашей тактике в борьбе с хедерами». В результате хедеры оказались вне закона – их закрывали, конфисковывали имущество, арестовывали преподавателей (меламедов).

Одновременно с ликвидацией хедеров и иешив началось наступление на раввинов и синагоги. С подачи Евсекции, власти закрывали синагоги и присваивали находившиеся там ценности. Например, в центральной синагоге Минска в 1922 году было конфисковано свыше 32 кг серебра.

Численность раввинов и меламедов стала неуклонно сокращаться: их арестовывали, высылали, им запрещали заниматься религиозной деятельностью.

Однако, несмотря на удовлетворенность деятельностью Евбюро, ЦК КПБ никогда не доверяло евсекам и всегда держало их под контролем. «Наблюдение» за действиями Евбюро осуществлял агитационно-пропагандистский отдел ЦК. Так, все протоколы заседаний Евбюро просматривали и визировали заведующие агитпропотделом. Например, 6 марта 1924 года состоялось заседание Евбюро, а 27 марта заведующий агитпропотделом сообщил, что протокол Евбюро от 6 марта утвержден. Если заведующий агитпропом не соглашался с принятыми решениями Евбюро, то имел право отменить их.

К концу 1920-х годов коммунистический режим уже достаточно прочно установился в стране, и уступки, на которые партия пошла в отношениях с национальными меньшинствами, стали постепенно ликвидироваться. Понятно, что к евсекциям, как, кстати, и ко всем другим национальным секциям, беларуская компартия относилась как к временным инструментам достижения своих целей. Решение вопросов еврейской жизни все более переходило непосредственно к пропагандистско-агитационному отделу ЦК – места для евсекций в этом процессе уже не находилось.

Поэтому 30 января 1930 года Евбюро ЦК КПБ и евсекции были ликвидированы. Ликвидация их, а также других национальных секций означала поворот компартии от лояльного отношения к национальному вопросу к жестким методам борьбы с любыми проявлениями национальных устремлений.

После войны 1941–1945 гг. отношение партии к евреям резко изменилось в худшую сторону. Евреев «вычищали» из парторганов всех уровней. Другой позорной страницей истории компартии стала кампания борьбы с «безродными космополитами», начатая в Москве. Наиболее ярким ее проявлением явилось так называемое дело «врачей-вредителей». Кампания против «врачей-вредителей» началась в Минске сразу же после того, как агентство ТАСС 13 января 1953 года сообщило об аресте группы врачей.

О том, что партийные власти заранее готовились к этой акции, свидетельствуют следующие факты. Уже 14 января в Гомеле – на второй день после сообщения ТАСС – было проведено 350 митингов, на которых присутствовали более 40

тысяч человек и выступили до 800 человек. В отделы партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПБ пошла информация из парторганов о проведении митингов и собраний рабочих, которые одобряли деятельность органов МГБ, арестовавших врачей.

Отметим, что Агитпроп хорошо управлял «ненавистью» народа, перенося ее не только на определенную категорию специалистов, но и на всех евреев. Содержание резолюций, принимавшихся на этих собраниях и митингах, сводилось к следующему: выселить всех евреев в отдаленные районы Сибири и Дальнего Востока; запретить им получать высшее образование, командовать русскими людьми; заставить их работать на фабриках и заводах, на тяжелых физических работах, и т.п.

Следует учесть еще одну особенность этого гнусного «спектакля». Партийные органы всех уровней организовывали митинги среди наименее образованной части населения, аппелируя, главным образом, к эмоциям, а не к уму. Подавляющее большинство митингов состоялось на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах. Именно среди наименее образованной части населения звучали призывы к расправе с евреями. Интеллигенция более сдержанно восприняла эту очередную политическую кампанию.

Провокаторы-чекисты в связи с «делом врачей» придумали, будто бы выдающихся большевиков врачи-евреи загоняли в могилу неправильным лечением, и что ими управляла из США еврейская террористическая организация «Джойнт»

Еврейская часть населения республики в то время испытывала ужас, ожидала самого худшего. Например, профессор Меражинский – заведующий кафедрой Минского мединститута сказал тогда, что после арестов еврейских интеллигентов в Москве то же самое произойдет и в БССР.

О том, какие настроения были среди евреев, свидетельствует высказывание пионервожатой одной из минских школ. Она сказала директору школы, что боится ходить на работу, ибо у нее такое чувство, что ее вот-вот побьют. Политическая кампания должна была найти свое логическое завершение. И оно последовало в виде массовых увольнений из больниц врачей-евреев.

Правда, эта политическая кампания быстро кончилась, так как 5 марта 1953 года умер Сталин. Тем не менее, отношение партийного руководства к еврейскому населению в последующие годы не изменилось. Политика КПСС и КПБ в «еврейском вопросе» определилась на многие десятилетия и не пересматривалась вплоть до запрета КПБ в республике.

Поляки

Другим национальным меньшинством, работе с которым уделялось большое внимание, были поляки. Относительно их просматриваются два этапа: благожелательное отношение с середины 20-х до середины 30-х годов и открытая враждебность после этого рубежа. Оба варианта наглядно видны на примере «польского эксперимента», имевшего место в 1932–37 гг. и связанного с созданим в Беларуси польского национального района.

В октябре 1925 года в составе Койдановского райкома было создано Польбюро, которое должно было заниматься вопросами национальной работы среди польского населения района. Основанием для его учреждения стал тот факт, что значительную часть населения ряда сельсоветов составляли граждане, считавшие себя поляками. Например, в Негорельском с/с, по подсчетам районных властей, таковых было 35%. Примерно такими же цифрами характеризовался состав населения еще нескольких сельсоветов. Поэтому в течение 1927–31 гг. при активном участии Польбюро райкома были созданы еще три национальных польских совета.

Одновременно открывались польские школы, а беларуские переводились на польский язык обучения. Если в 1925 году в районе было всего 5 польскоязычных школ, а в 1930 – 7, то в 1931 году их число возросло до 32, в 1932 – до 40.

В феврале 1932 года Бюро ЦК КПБ приняло решение о преобразовании Койдановского района в польский национальный район и обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой дать согласие на проведение всех мероприятий, связанных с этим преобразованием. Чем же республиканское партийное руководство обосновывало целесообразность создания польрайона? Главным образом, политическими мотивами. Подтверждением является докладная записка ЦК КПБ, направленная в ЦК ВКП(б) в феврале 1932 г. В ней подчеркнуто:

> «Выделение в БССР польского района будет иметь большое политическое значение как за пределами, так и внутри БССР и выбьет из рук классового врага очень часто используемое им оружие о притеснении польского населения в БССР».

Если же смотреть на этот вопрос в более широком контексте, то надо учесть, что московское руководство рассматривало Беларусь как идеальный плацдарм для экспорта революции на Запад, прежде всего в Польшу. Доказательством этому тезису служит, в частности, секретное совещание поляков-коммунистов, состоявшееся в ЦК КПБ в мае 1931 года. Выступая на нем, главный редактор «Звезды» Станислав Будзинский, отметив важность работы среди польского населения Беларуси, заявил:

> «Все эти высокие материи (работа среди поляков – *Авт.*) на определенное время оставим. Варшавская революция чудесно с этим справится. Я полагаю одно: если вы концентрируете внимание на вопросах пролетарской культурной работы здесь, то отодвигаете польскую революцию там».

Следующий выступавший был еще более категоричен:

> «Для меня лично польская работа не является вопросом работы среди польского населения ни в БССР, ни в СССР. Она чрезвычайно глубоко связана с вопросом революции в Польше, и если мы здесь ведем речь о кадрах польработников, то должны

понимать этот вопрос двояко: и для польского населения здесь, и для ждущих нас исторических задач в связи с революцией в Польше».

Однако, не успев по-настоящему развернуться, работа в польрайоне начала постепенно останавливаться, а с 1934 года набирал силу обратный процесс – тихое ее свертывание. Прежде всего, началось сокращение и перевод польских школ в беларуские. Чтобы придать этому процессу законный характер, партийные власти района инспирировали массовые заявления учеников и родителей о невозможности обучения детей на польском языке, об их желании их учиться по-беларуски. В 1935 году процесс уничтожения всего польского пошел более быстрыми темпами и затронул не только школы. Бюро Дзержинского (бывшего Койдановского) райкома партии рассмотрело вопрос о существовании польской газеты «Штурмовец Дзержинщины» и польского рабфака в Дзержинске и приняло решение о нецелесообразности существования как газеты, так и рабфака.

Самыми трагическими страницами в истории «польского района» стали события 1937–38 гг. Бюро ЦК КПБ 2 августа 1937 года приняло постановление, в котором сказано:

> «Ликвидировать Дзержинский район, польские сельсоветы перевести на беларуское делопроизводство в двухнедельный срок, поручить Наркомпросу перестроить сеть польских школ».

Чем было вызвано такое решение? Ответ мы найдем в постановлении Бюро ЦК КПБ от 28 июля 1937 года «О ликвидации политики полонизации, проводившейся национал-фашистами (Голодед, Шарангович, Червяков и другие)».

Тон обсуждению задали приехавшие из Москвы «специалисты по польскому вопросу» – заведующий отделом руководящих партийных органов Георгий Маленков и заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Яков Яковлев (Эпштейн), которые возглавили комиссию по проверке республиканской партийной организации.

Еще более жестким было Постановление Бюро ЦК КПБ, принятое в сентябре 1937 года. В соответствии с ним ликвидировались: польские отделения пединститута, института национальных меньшинств, рабфака БГУ; польские педучилища; Минский и Гомельский детские дома; все польские школы, детские сады. Более того, в соответствии с этим постановлением ликвидировался и сам район как административно-территориальная единица. 12 его сельсоветов отходили к Минскому району, 3 – к Узденскому, 2 – к Заславскому. Одновременно с ликвидацией района было репрессировано почти все его партийное и советское руководство. Постановление фактически ликвидировало все, что с 20-х годов делалось в республике для польского меньшинства. Все польское с той поры власти начали ассоциировать с «вражеским, фашистским, изменническим, шпионским» и т.д. Около половины этнических поляков в БССР было безосновательно репрессировано.

Решение о свертывании национальной работы в польском районе партийное руководство республики приняло в связи с изменением позиции Москвы в отношении перспектив «мировой революции». В середине 30-х годов Сталин и его ближайшее окружение поняли, что их надеждам на развитие и углубление рево-

люционных событий в Европе, в том числе в Польше, не суждено сбыться. Польская революция, перспективы которой обсуждали на минском совещании 1931 года, не сбылись. Поэтому искусственное образование под названием «национальный польский район» стало не нужным ни Минску, ни тем более Москве. Беларусь в очередной раз оказалась заложницей политических игр Москвы.

Однако на том дело не кончилось. В середине августа 1937 года нарком внутренних дел СССР Николай Ежов издал оперативный приказ № 0048, разосланный начальникам всех местных управлений НКВД. В нем говорилось о «многолетней безнаказанной шпионско-диверсионной деятельности польской разведки на территории СССР». Управлениям НКВД поручалось провести в трехмесячный срок широкомасштабную акцию, направленную на ликвидацию «польских шпионов и диверсантов». Так началась печально известная «польская операция», имевшая особо трагические результаты для Беларуси и, в частности, для Койдановщины (Дзержинщины).

В дополнение к тому, что уже произошло, здесь сфабриковали «дело ПОВ» (Польской военной организации), естественно, «контрреволюционной, шпионской и вредительской». Якобы она еще во время российско-польской войны всячески помогала польской армии в борьбе с Красной Армией. Позже она «саботировала проведение коллективизации в районе, занималась вредительством, шпионажем в пользу Польши». По этому делу были арестованы и осуждены сотни поляков – жителей БССР. Первые 11 человек казнили в ноябре 1937 г.

***

Окончание Второй мировой войны привело к установлению новых границ в ряде стран Восточной Европы. Эти изменения самым непосредственным образом затронули Беларусь, которая граничила с уже новой Польшей – прокоммунистической и просоветской.

Установление новой советско-польской государственной границы по так называемой линии Керзона предусматривало передачу Польше части территории Беларуси – Белостокской области (площадь 20,9 тыс. кв. км) и трех районов Брестской области. Определение государственной границы потребовало привести в соответствие с ней и этническую границу. Это было осуществлено путем переселения поляков из западных областей БССР в Польшу и беларусов из Польши в БССР.

Переселение производилось на основании беларуско-польского соглашения от 9 сентября 1944 года и длилось более двух лет. Оно повлияло на судьбы сотен тысяч поляков, живших в западном регионе Беларуси.

За время переселения (1944–1947 гг.) свыше 240 тысяч поляков навсегда оставили Беларусь, переехав в Польшу. Главной причиной, вынуждавшей их уезжать из Беларуси, было неприятие советской власти и всего, что делалось от ее имени – принудительной коллективизации, массовых депортаций, принудительных наборов граждан на работу в удаленные районы СССР, религиозного и национального притеснения, чрезмерных налогов и т.д.

Более всего переселенцев волновал вопрос не где жить, а как жить. В этой связи отметим, что даже промосковская, прокоммунистическая Польша создала более благоприятные условия для простых людей, чем тоталитарная БССР.

В послевоенной Беларуси существенных изменений в повседневной жизни не произошло. Продолжались аресты и депортации, на единоличников безмерной тяжестью легли высокие налоги, кохозников душили обязательствами по сдаче государству сельхозпродукции, принудительными работами на лесозаготовках, систематическими подписками на государственные займы, принудительными наборами на работу на Урал, Дальний Восток и еще многим другим, не менее жестоким и ужасным, чего люди никогда не знали ни до революции, ни в «панской Польше».

Массовый исход поляков стал их молчаливым протестом против тоталитарного государства. Уехало бы намного больше людей, но власти поняли это и весной 1947 года захлопнули дверь. В истории коммунистической Беларуси мирного времени это переселение стало самой крупной волной безвозвратной эмиграции, причем наиболее трудолюбивой, хозяйственной и образованной части сельского населения.

Однако тот факт, что на западе Беларуси осталось немалое число поляков, далеко не приверженных коммунистическому режиму, беспокоило руководство и ВКП(б), и КПБ. Высшее политическое руководство страны буквально через несколько месяцев после освобождения Беларуси определило свое отношение к полякам западного региона республики на ближайшую перспективу.

20 января 1945 года ЦК ВКП(б) принял Постановление «О политической работе партийных организаций КП(б)Б среди населения западных областей БССР», на долгие годы определившее стратегию действий КПБ в отношении поляков. Суть его можно свести к двум тезисам – «советизация» и «русификация».

Очень важная роль в «перевоспитания» польского населения отводилась средней школе и учителям. Для решения этой задачи ЦК ВКП(б) приказал командировать на

Большевиков чрезвычайно раздражал тот факт, что поляки всегда упорно держались за свою католическую веру. Костел Св. Юрия (1767–69 гг.) в дер. Варняны Островецкого р-на (Гродненской обл.)

работу в школах западных областей всех ранее эвакуированных из БССР учителей-беларусов, работавших в школах РСФСР. Кроме того, Госиздату РСФСР к новому учебному году (1946 г.) поручили специально для школ западных областей Беларуси напечатать 1 млн. экземпляров «надежных в идеологическом плане учебников».

Не менее решительно действовал ЦК КПБ. Так, в апреле 1945 года он принял Постановление «О мерах помощи школам западных областей БССР», предусматривавшее радикальные изменения в системе подготовки педагогических кадров, обеспечения школ «марксистской» учебно-методической литературой, улучшение руководства учебной и политико-воспитательной работы и пр.

С целью решения «кадрового» вопроса ЦК КПБ обязал Наркомпрос, обкомы и облисполкомы восточных областей командировать на работу в школы западных областей 400 учителей; направить туда 800 учителей из числа выпускников педучилищ восточных областей и 200 выпускников désинститутов; направить туда тысячу учителей из числа реэвакуированных и основную часть учителей, демобилизованных из Красной Армии.

Массированная идеологическая обработка поляков не ограничивалась только переизданием учебников, подготовкой «надежных и выдержанных кадров». Партийное руководство приняло ряд секретных постановлений, направленных на радикальное решение «польского вопроса». Красноречивым примером является записка первого секретаря ЦК КПБ Николая Гусарова «О состоянии и мерах по улучшению политической работы среди ополяченного белорусского населения и населения польской национальности в западных областях БССР», посланная им в июле 1947 года секретарю ЦК ВКП(б) Андрею Жданову.

Гусаров считал необходимым не только «доложить ЦК ВКП(б) о состоянии политической работы, но и просить указаний по этому вопросу. Он отметил, что, несмотря на проведенную местными партийными организациями значительную агитационно-пропагандистскую работу, политическое положение в западных областях остается «сложным». Как тревожный признак Гусаров отметил:

> «За последние три года значительно возросло количество людей, которые называют себя поляками, несмотря на тот факт, что численность польского населения значительно уменьшилась в результате репатриации в Польшу».

С учетом этого, ЦК КПБ считал нужным:

> «Вести линию на белорусизацию ополяченного белорусского населения и на широкое развитие белорусской и русской советской культуры в западных областях БССР с тем, чтобы в ближайшие годы присоединить к белорусской и русской советской культуре и ополяченных белорусов и оставшееся в республике польское население».

Особую тревогу у Гусарова вызывал тот факт, что в западных областях еще остались 22 польские школы. Он подчеркнул: в республике нет ни достаточного количества учебников на польском языке, ни учителей, которые могли бы вести преподавание по-польски. К тому же, польские учителя, «получив образование и воспитание в учреждениях панской Польши, не желают и не способны вести воспитание учеников в советском духе».

Первый секретарь ЦК высказал суждение, что «необходимость дальнейшего существования польских школ в этих условиях представляется нам весьма сомнительной». Все же он отметил:

> «Одновременное их закрытие могло бы вызвать отрицательную реакцию у польского населения и вызвать нежелательные отклики среди польской зарубежной общественности».

Тем не менее, Гусаров констатировал:

> «Из-за того, что существование польских школ могло бы быть вредным Советскому государству, необходимо постепенно преобразовать польские школы в белорусские и русские путем замены ненадежных неквалифицированных преподавателей-поляков подготовленными и надежными преподавателями русскими и белорусами».

Как пример «правильной работы» среди населения западных областей Гусаров привел факт, что за три года число польских школ сократилось со 144 (1944 г.) до 22 (1947 г.). Отметим, что к концу 40-х проблема «польскоязычных школ» была решена. И в западных областях не осталось польских школ.

Было решено значительно расширить сеть вечерних школ с преподаванием на беларуском и русском языках; открыть в Гродно в 1947–48 гг. политучилища для подготовки «надежных работников» из местного населения; создать в ЦК КПБ штат пропагандистов (10 человек), владеющих польским языком, имеющих надлежащую теоретическую и практическую подготовку для «работы» с поляками.

Говоря об отношении КПБ к полякам, надо упомянуть еще один аспект, который не оставался вне внимания КПБ. Существование общей границы с Польшей, наличие поляков в западном регионе вынуждало компартию Беларуси держать под контролем их связи с Польшей. Пограничные контакты осуществлялись главным образом по линии общественных объединений и партийных органов. Их расширению и углублению должно было способствовать Белорусское отделение общества советско-польской дружбы, открытое в 1958 году и имевшее свои филиалы в разных городах БССР.

Однако и его деятельность, и двусторонние обмены различными делегациями – партийными, профсоюзными, спортивными, молодежными и другими – жестко контролировали партийные структуры. Так, на Бюро ЦК КПБ всегда согласовывались планы приема делегаций, места поездок и встреч. Например, в 1958 году Бюро ЦК КПБ 14 раз рассматривало вопросы отправки беларуских делегаций в Польшу и приема польских в Беларуси.

Одновременно с двусторонними обменами в Беларуси регулярно проводили дни польской культуры (в 1958, 1964, 1972, 1976 гг.), которые проходили формально, по заранее составленным и отработанным сценариям. Пример – первых «дни польской культуры» в БССР в 1958 году:

> «Произошли встречи польских гостей с белорусскими писателями, художниками, композиторами, деятелями культуры»...

При этом не было и не могло быть незапланированных встреч с поляками Гродненщины или Брестчины, на которых бы обсуждались насущные вопросы культурной, религиозной, научной жизни поляков Беларуси. По такому же образцу проходили и все последующие «дни польской культуры» в БССР.

ИЗМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НОМЕНКЛАТУРЫ

Интернациональное по своему составу высшее кремлевское руководство, мобилизуя «советский народ» на победу в войне, реанимировало ряд традиционных великодержавных стереотипов, например, о непобедимости «русского солдата», его исключительной стойкости и прежней воинской славе Российской империи.

После Второй мировой войны эти стереотипы способствовали определенной трансформации понятия «советский народ». Основу его теперь составлял «великий русский народ – первый среди равных народов» СССР. Дальнейшая эволюция этой концепции происходила в направлении негласного разделения остальных народов СССР на благонадежные и не вполне надежные. Говоря условно, в послевоенные годы сложилась своего рода «номенклатурная иерархия» советских народов.

Сразу же после войны Беларусь испытала довольно существенный наплыв россиян – номенклатурного чиновничества, представителей технической и гуманитарной интеллигенции, а также квалифицированных рабочих. В учебниках истории КПСС этот процесс получил название «братской помощи великого русского народа разрушенному войной белорусскому народному хозяйству».

О сильном притоке русских на высшие партийные должности свидетельствуют следующие данные. Первыми секретарями ЦК КПБ являлись русские: с 1944 до 1947 гг. – Петр Пономаренко (1902–1984); с марта 1947 до мая 1950 г. – Николай Гусаров (1905–1985); с июля 1950 до июля 1956 г. – Николай Патоличев (1908–1989).

В 1946 году в аппарате ЦК КП(б)Б среди заведующих отделами беларусов было 44,4 %, и ровно столько же русских. Кстати, в 1944–88 гг. число русских среди заведующих отделами не «опускалось» ниже 35,7 %, за исключением 1971 года, когда их численность упала до 25,0 %. Среди заместителей заведующих отделами русские составили 35%, беларусы – 45 %.

Они думали, что всегда будут хозяевами жизни

Не меньшим было представительство русских и среди секретарей областных комитетов КПБ. Так, по состоянию на 1.01.1946 года 40 % работников этого уровня были русские, 53,3 % – беларусы. Впечатляет и состав высшего государственного аппарата: в 1951 году в правительстве

БССР из 33 человек были 22 русских (66,7 %), 9 беларусов (27,3 %), 1 еврей, 1 грузин (министр госбезопасности).

Подлежали замене представители неблагонадежных народов, в первую очередь – евреи и частично беларусы. (Неблагонадежность беларусов объяснялась фактом их пребывания во время войны на оккупированной территории.) Надо отметить, что до войны евреи занимали довольно заметное место в партийных структурах. Национальный состав секретарей райкомов и горкомов партии в 1939 году был таков: 196 беларусов (70,3 %), 47 евреев (16,8 %), 36 русских (12,9 %). Как видим, евреи занимали тогда второе место среди секретарей райкомов и горкомов партии.

Ситуация коренным образом изменилась после войны. Так, после выборов партийных органов в 1946–47 годах среди первых секретарей РК и ГК осталось всего 2 еврея (1,1 %), вторых секретарей – 8 (4,2 %). Далее замена евреев продолжилась. По результатам выборов в районные и городские партийные организации 1955 года среди секретарей не оказалось ни одного еврея. Эта практика распространилась и на последующие годы. Например, в графе «национальность» справочника для служебного пользования «Данные о составе партийных кадров» вплоть до момента запрета деятельности структур КПБ-КПСС на территории Беларуси в 1992 году среди секретарей горкомов и райкомов партии нет ни одного еврея.

Каковы же были причины «вытеснения» евреев-партийцев? Помимо того, что сказано выше об изменениях в концепции «советского народа», имелись и более конкретные причины.

Во-первых, вскоре после войны по инициативе Сталина началась кампания борьбы с «безродными космополитами». Главной острие ее было направлено не только против представителей творческой интеллигенции, но и против партийных работников-евреев.

Евреи-коммунисты, бесспорно, ощущали такое отношение к себе – игнорирование по национальному признаку. Некоторые даже обращались в высшие партийные инстанции с тем, чтобы привлечь внимание к такому положению и каким-то образом исправить ситуацию. Характерным примером является письмо в ЦК КПСС и, разумеется, в ЦК КПБ, направленное в январе 1954 года старшим инженером Госплана БССР Б. Иоффе. Он, в частностии, отметил:

> «Совсем не вяжется с ленинским принципом осуществления национальной политики и с насущными задачами государства то положение, что из числа людей, которым можно доверять и поручать заниматься делами партии и государства, в настоящее время обойдена значительная группа членов партии еврейского происхождения. Примером такого положения может быть следующий факт: в белорусской партийной организации, в которой примерно 10% составляют члены партии-евреи, не нашлось ни одного, кто бы мог с честью исполнять обязанности члена ЦК КПБ».

Но в первой половине 50-х годов в отношении к еврейству уже полностью сформировалось, и никто не собирался его менять.

Во-вторых, к власти в республиканские партийные структуры разных уровней пришла значительная группа россиян, о чем уже шла речь выше. Многим из них были присущи стереотипы традиционного великодержавного шовинизма – с соответствующим отношением к «инородцам».

Их называли «партизанской мафией»:

Василий Козлов

Владимир Лобанок

Роман Мочульский

Иван Климов

В-третьих, во время войны выделилась группа влиятельных, амбициозных работников-беларусов, действовавших на оккупированной территории: командиры и комиссары партизанских отрядов, соединений, партизанских бригад. Они считали, что проведя всю войну на оккупированной территории, получив высокие правительственные награды, имеют право и впредь определять судьбу республики.

«Партизаны» – так условно можно назвать эту группировку – заняли должности практически во всех партийных структурах – от горкомов и райкомов партии до ЦК КП(б)Б. Достаточно вспомнить несколько фамилий, чтобы понять, кто пришел к власти:

Василий Козлов (1903–1967) – с марта 1941 г. секретарь Минского ОК, а с июля 1941 г. первый секретарь Минского подпольного ОК, с марта 1943 г. командир Минского партизанского соединения, в 1944–48 гг. первый секретарь Минского обкома и горкома, в 1948–1967 гг. председатель Президиума ВС Беларуси;

Владимир Лобанок (1907–1984) – Герой Советского Союза (1943 г.), с августа 1941 до июня 1944 гг. первый секретарь Лепельского подпольного райкома партии, с июля 1944 г. командир Лепельской партизанской бригоды, с 1944 г. последовательно в аппарате ЦК КП(б)Б, председатель Полоцкого, Гомельского облисполкомов, первый секретарь Витебского, Полесского обкомов партии, с 1962 г. первый заместитель председателя, с 1974 – заместитель председателя Президиума ВС БССР;

Роман Мочульский (1903–1990) – Герой Советского Союза (1944 г.), во время войны уполномоченный ЦК КП(б)Б по Минской и Полесской областям, секретарь Минского подпольного обкома, один из организаторов и руководителей соединения партизанских отрядов Минской и Полесской областей, командир партизанского соединения Борисовско-Бегомльскай зоны, в 1947–51 гг. заместитель председателя Президиума ВС.

Иван Климов (1903–1991) – с мая 1943 до июля 1944 года первый секретарь Вилейского подпольного обкома, в 1944–53 гг. первый секретарь Вилейского, Барановичского, Молодеченского обкомов, с 1953 г. первый заместитель, с 1962 – заместитель председателя СМ БССР, в 1968– 74 гг. – заместитель председателя Президиума ВС БССР;

Список можно продолжить, но и по этим фигурам видно, что «партизаны» прочно заняли высшие партийные и государственные должности. Правда, за пределами Минска их позиции были намного слабее. К примеру, в западных областях Беларуси из 1117 партийных работников местными являлись только 121 (10,8 %), все остальные были или русские, или более надежные «восточники».

«Партизаны» не претендовали на партийную независмость от Москвы. Однако «партизанская» корпоративность иногда срабатывала. Например, на июньском (1953 г.) Пленуме ЦК КПБ минская группировка «партизан» не согласилась с позицией Москвы, попытавшейся заменить Н. Патоличева на свою креатуру – Михаила Зимянина (1914–1995).

О том, насколько сильно звучали корпоративные «голоса» секретарей обкомов партии, среди которых было много «партизан», свидетельствует тот факт, что они фактически определили судьбу Петра Машерова. Приехав в Минск в марте 1965 года проводить организационный пленум ЦК, Кирилл Мазуров имел «рекомендацию» Кремля на избрание первым секретарем ЦК КПБ Тихона Киселева (1917–1983). Однако накануне пленума он встретился с первыми секретарями обкомов партии, чтобы «посоветоваться и обсудить» этот вопрос. В ходе «обсуждения» секретари всех обкомов партии единогласно высказались за кандидатуру Машерова, который и стал первым секретарем ЦК КПБ.

Машеров — сын партии, а не народа

Необходимо заметить, что Машеров как «номенклатурщик № 1» республики полностью подчинялся той системе, какой он так преданно служил, являясь многолетним кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Об его приверженности этой системе свидетельствует и тот факт, что коммунистические идеи и интересы он ставил выше национальных. Поэтому, когда в исторической литературе, в мемуарах идет речь о Машерове как «славном сыне беларуского народа», более верно говорить об этом человеке как «славном сыне коммунистической партии», а не народа, ибо «партия» это не только не «народ», но и злейший враг народа. Пример деятельности Машерова как «номенклатурщика № 1» в республике по практической реализации бредовой идеи о создании нового сообщества людей («советского народа») и по проведению тотальной русификации наглядно показывает противоположность понятий «интересы партии» и «интересы народа».

V. ИЗ ИСТОРИИ НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ

СТО ЛЕТ КРАСНОГО КОСТЁЛА

Анатоль ТАРАС

В центре Минска, рядом с Домом правительства, напротив здания Городского совета, стоит католический храм, построенный из кирпича красного цвета. Отсюда его неофициальное название – Красный костёл.

Он был освящен 21 ноября 1910 года. Скоро ему исполнится 100 лет.

Я живу в Минске с лета 1944-го. Самые первые воспоминания моего детства – башни и черепичные крыши Красного костела, деревянный кинотеатр «Первый» рядом с ним (его построили немцы во время войны), три противотанковых «ежа» из сваренных крест-накрест рельсов на месте нынешней гостиницы «Минск». Все рядом, что называется, «в одном букете».

ВОЙНИЛОВИЧ

Костёл построили на средства Эдварда Адама Войниловича (1847–1928), выдающегося беларуского деятеля периода 1880–1920 гг.

Он родился в имении Большая Слепянка (ныне в пределах Минска), принадлежавшем деду по материнской линии. Его отец Адам происходил из древнего шляхетского рода, в течение более чем 300 лет владевшего имением Савичи в Слуцком уезде (повете) Минской губернии. Мать – Анна Монюшко-Ванькович была из старинной фамилии шляхтичей Монюшко. Пан Эдвард написал в своих мемуарах:

> «Войниловичи не пришли ни с Востока, ни с Запада – они коренные, местные, кость от кости, кровь от крови того народа, который когда-то хоронил своих предков в этих курганах (сегодня – на сельских кладбищах) и родную белорусскую землю сохой пашет».

В 1865 году Эдвард окончил Слуцкую гимназию, в 1869 – Петербургский технологический институт. Год работал инженером-механиком на заводе Путилова в Петербурге, еще год простым рабочим стажировался на заводах Германии и Бельгии. Потом прошел курс обучения в сельскохозяйственной академии Сеттегаста в Силезии.

С осени 1872 года молодой пан Эдвард постоянно жил на родине и занимался сельским хозяйством. Он был богатым помещиком (в 1874 году, после смерти отца, унаследовал имение Савичи в Минском повете, Пузово в Слуцком повете и другие).

Очень важное место в его жизни занимала общественная деятельность. С 1876 года был членом, позже вице-председателем, а затем много лет подряд председателем Минского Земельного товарищества (Аграрного общества).

В 1906 году Эдварда Войниловича избрали от помещиков Минской губернии членом Государственного совета Российской империи. В Госсовете он занимал важный пост члена финансовой комиссии.

Свыше 35 лет пан Эдвард являлся почетным судьей Слуцкого уезда. Эту должность он расценивал как знак доверия местного населения и не пропустил без уважительной причины ни одного судебного заседания!

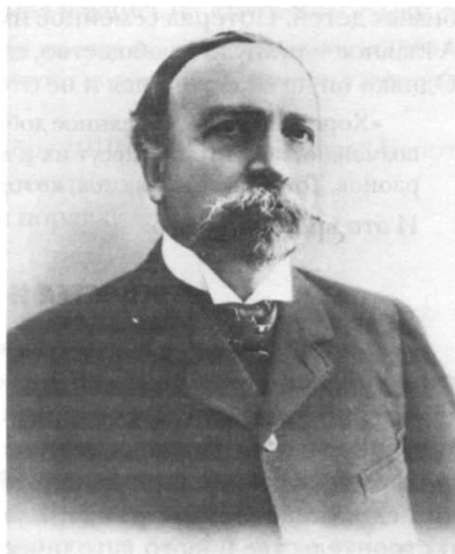
Долгое время Войнилович был председателем Благотворительного товарищества в Слуцке. Из своих личных средств он щедро обеспечивал интернат при товариществе, где несколько десятков малоимущих молодых людей из обедневших шляхтичей и крестьян получали бесплатный кров и питание.

После введения самоуправления в Минской губернии (в 1911 г.) был избран депутатом губернской земской управы от «польской» (т.е. католической) курии Слуцкого повета.

В 1917 году работал в земских организациях вместе с деятелями беларуского национального движения Аркадием Смоличем и Романом Скирмунтом.

По мере развала русско-германского фронта после революции то одно, то другое помещичье имение становилось жертвой погромов, совершаемых дезертирами при участии местных жителей. Жертвой такого погрома 19–21 февраля 1918 года оказалось и имение Савичи. Было частью разграблено, частью варварски уничтожено (порезано, порвано, сожжено) культурное наследие семьи Войниловичей, собиравшееся с XVII века. Это большое количество художественных картин, собрание семейных портретов, библиотека (свыше 5 тысяч томов), а также огромный архив личных писем и документов. Самому пану Эдварду пришлось скрываться от погромщиков, посягавших на его жизнь. Позже он писал:

> «Больнее всего было то, что среди самых враждебно настроенных людей оказались те, у которых не только родители, но даже деды родились и провели всю жизнь на службе у моих предков, внуков которых я помогал воспитывать»*.

Эдвард Войнилович

Несмотря на это, чуть позже он защитил их от немецких военных властей, собравшихся вешать наиболее активных местных негодяев (6 человек). По ходатайству Войниловича смертную казнь им заменили высылкой вместе с семьями в окрестные деревни. Истинный христианин, он считал, что его долг — защищать соседей и земляков, несмотря на то, что они «погрязли в грехах, а сердца их ожесточились».

* На мой взгляд, в этом нет ничего странного. Крестьяне в своей массе (как общественный класс) лишены не только исторической памяти, но и чувства благодарности. Сегодня это тоже прекрасно видно на примере многих соотечественников. – *Авт.*

Во время немецкой оккупации Войнилович от имени местных помещиков выдвинул план восстановления Великого Княжества Литовского в форме федерации Беларуси и Летувы. Учредил «Сообщество Минских крестьян», возглавил его, и на этом посту всеми силами и средствами защищал имущество сельчан, уничтожаемое реквизициями оккупантов. Поддержал провозглашение БНР в марте 1918-го.

В мае 1919 года он вместе с архитектором Леоном Дубейковским (1869–1940) создал в Варшаве «Польско-беларуское общество для политического и культурного сотрудничества на Беларуси». Среди наиболее видных членов общества надо упомянуть помещика Романа Скирмунта (1868–1939), княгиню Магдалену Радзивилл (1861–1945), писателя Мельхиора Ваньковича (1892–1974).

В конце августа 1919 года Войнилович вернулся в свое имение Савичи и продолжил общественную деятельность в Слуцке. В это время он поддерживал план создания суверенной Беларуси в конфедеративном союзе с Польшей, отвергал идею раздела нашей страны между Польшей и РСФСР. К сожалению, ни Пилсудский, ни Дмовский, ни Грабский, ни другие польские идеры не прислушались к его мнению.

6 июля 1920 года, в связи с отступлением польских войск, Эдварду Войниловичу пришлось навсегда покинуть родные места. Нет сомнений в том, что большевики предали бы его смерти (тому доказательство – трагическая судьба Романа Скирмунта). Он уехал к родственникам в Быдгощ. Последние годы жизни пан Эдвард тяжело болел и отошел от общественной жизни. Умер в Быдгоще 16 июня 1928 года, там его и похоронили.

Судьба жестоко преследовала Эдварда Войниловича. Он потерял горячо любимых детей. Потерял семейное имение Савичи и практически все имущество. А главное – рухнуло то общество, служению которому посвятил всю свою жизнь. Однако он не ожесточился и не отчаялся. Вот его подлинные слова:

> «Хорошая мысль, содеянное добро, даже если не дают своих плодов немедленно – возможно, когда-то принесут их и дадут всходы, как зерна пшеницы из гробниц фараонов. Тогда припомнят тех, которые когда-то были сеятелями»...

И это время пришло.

КОСТЕЛ И ЕГО СВЯЩЕННИКИ

Пан Эдвард решил воздвигнуть величественный храм в память о своих детях, слишком рано ушедших из жизни – в память о сыне Симоне, прожившем 12 лет (1885–1897) и дочери Елене, прожившей 19 (1884–1903). Отсюда официальное название храма – Святых Симеона и Елены.

На общих собраниях католиков Минска 9 и 19 марта 1905 года его план встретил единогласное одобрение. Власти удовлетворили ходатайство верующих о строительстве нового католического храма. Торжественная закладка фундамента состоялась 6 сентября 1906 года. Первый камень заложил ксёндз Казимир Михалкевич, настоятель храма Святой Троицы на Золотой Горке.

Проект храма в романском стиле разработал варшавский архитектор Томаш Пайздерский (1864–1908), на основе своего же проекта костёла в Ятросине под Познанью (построенном на деньги князей Чарторыйских). Ради обеспечения

единого стиля строения, Пайздерский сам выбрал образцы для всех деталей внутреннего и внешнего убранства, включая фасонный и облицовочный кирпич, дверные ручки и петли. С той же целью все скульптурные и камнетесные работы внутри костела (алтари, амвоны, балюстрады, полы и прочее) поручили выполнить мастеру Зигмунду Отто из Варшавы.

Строительство обошлось Войниловичу в 300 тысяч рублей. Чтобы величина этой суммы стала более понятной, отмечу, что летом 1914 года дойная корова стоила на рынке в Минске от 40 до 50 рублей (ныне хорошая корова стоит около 2-х тысяч долларов). По нынешнему курсу – около 12 млн долларов.

В самый разгар стройки – в 1908 году – архитектор Пайздерский умер. Дело довел до конца архитектор Гай, тоже из Варшавы.

Проект Красного костела

В 1909 году на башни были подняты три колокола – «Михаил» (972 кг) – названный так в честь покровителя Могилевского архиепископства, «Эдвард» (527 кг) – названный в честь Войниловича, и «Симон» (311 кг) – названный в честь сына.

Главный вход в костёл украсил барельеф из белого мрамора. Он изображал герб Минска – Матерь Божию с ангелами, имел надпись на латинском языке:

> «Великой славе Божией эту святыню святой памяти своих детей Симона (1885 + 1897) и Елены (1884 + 1903) посвящают и жертвуют родители – Олимпия Узловская и Эдвард Войнилович. Год Господень 1907».

Наконец, наступил день торжества: 21 ноября 1910 года декан Витольд Чечот и ксёндз Витольд Томашевич торжественно освятили костёл.

За 22 года работы его ксендзами были, по порядку:

1. Адам-Наполеон Акка (в 1910–1911)
2. Люциан Жолондковский (в 1911–1918)
3. Франтишек Левговд (в 1919–1920)
4. Винцент Ключинский (в 1920–1922)
5. Адам Пучкарь-Хмелевский в 1922–1928 гг.

6–7. Севрук и Маевский в 1928–32 гг.

В июле 1920 года, в ходе российско-польской войны, войска большевиков заняли Минск. Спустя три года эти безбожники полностью ограбили костел. Из него вывезли почти все – иконы, церковную утварь, мебель, часы, занавесы, даже чернильницы! Воинствующие атеисты сбросили колокола с башен на землю и увезли в переплавку.

Тем не менее, богослужения в храме продолжались. Верующие пожертвовали все, что смогли – иконы, столы, стулья, лавки... Но в 1932 году власти закрыли костел, а его помещения отдали государственному Польскому театру

БССР. Однако через 5 лет в связи с массовыми репрессиями, осуществлявшимися в 1937–38 годах против этнических поляков, здание бывшего костела Совнарком БССР передал киностудии «Советская Белоруссия».

Касцёл бязбожнікі закрылі,
каб атэістаў не асляпляў
і на чыстую воду з грахамі
не выводзіў, не выкрываў.

Каб не перашкаджаў
выконваць сатанінскую паслугу,
дый не енчыла змучаная душа,
а смела пайшла
ў бязбожную дарогу.
Касцел закрылі,
каб не яднаў людзей
малітвамі
і незямною, Божай сілай.
(Вл. Завальнюк)

ДВА КСЕНДЗА

Адам Пучкарь-Хмелевский. Он был не только священником, но также общественным и культурным деятелем Беларуси. Родился 24 декабря 1891 года в местечке Ивенец Минского повета (ныне в Воложинском районе). В августе 1903 – июне 1911 учился в Минском реальном училище, в 1911–1916 гг. – в Католической духовной семинарии в Петербурге. Рукоположен в сан священика в 1916 году и назначен викарием в Бобруйский костел. В 1920 году был арестован ЧК как один из многочисленных в то время заложников (это было сделано в отместку за военные успехи Польши на фронте).

С 1922 по 1928 годы был ксендзом храма св. Симеона и св. Елены в Минске.

В 1926 году на съезде католических священников бывшей Минской губернии отец Адам выступил с предожением создать католическую диацезию во главе с беларуским епископом, подчиненную непосредственно Ватикану, а не польской иерархии.

В 1928–30 гг. он служил в храмах в местечках Койданово, Заславль, Волковичи. В 1930–33 гг. был ксендзом кафедрального собора в Минске.

В 1933 году органы ГПУ СССР, БССР и УССР сфабриковали дело «шпионско-вредительской польской военной организации» (ПОВ). Его первыми жертвами стали ксендзы. В период между 26 июня и 15 сентября 1933 года в БССР была арестована большая группа священников римско-католической церкви. Чекисты изобразили руководителем сети ПОВ в БССР Пучкаря-Хмелевского. Они арестовали его 3 августа 1933 года (по другим данным, на полтора месяца раньше – 26 июня).

«Особое совещание» ГПУ БССР 24 февраля 1934 года приговорило ксендзов Адама Пучкаря-Хмелевского, Адольфа Крживицкого, Мечислава Собачинского и ряд других к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. С марта 1934 года

отец Адам находился в Дмитровском лагере ОГПУ Московской области, в сентябре того же года был отправлен в Беломоро-Балтийский лагерь в Карельской АССР. В 1938 году дело Пучкаря-Хмелевского подверглось пересмотру, его приговорили к смертной казни и расстреляли 1 сентября 1938 года. Через 18 лет – 30 октября 1956 года – его реабилитировал трибунал Белоруского военного округа «ввиду отсутствия состава преступления».

Винцент Годлевский. В сентябре 1941 года из Вильни в Минск приехал ксендз Винцент Годлевский и заново открыл храм.

Это был удивительный человек. Родом из деревни Шуричи (в нынешнем Свислочском районе), он еще в юности избрал путь служения Богу. В 1912 году Годлевский окончил Виленскую католическую духовную семинарию, а в 1916 – Петербургскую католическую духовную академию.

Смысл своей религиозной и общественной деятельности он видел в том, чтобы помочь беларусам стать нацией, а Беларуси – независимым государством. Годлевский участвовал в заседаниях Первого Всебеларуского съезда в декабре 1917 года, в апреле – мае 1918 входил в состав Рады БНР. Еще раньше, в мае 1917 года, был одним из учредителей «Беларуской христианской демократии» (фактически – партии), активно участвовал в работе ее газеты «Крыница». БХД существовала в Западной Беларуси до декабря 1936 года, когда ее запретили польские власти.

Винцент Годлевский (сидит в центре, в очках) с группой минских учителей в 1942 году

За активную национально-политическую деятельность ксендз Годлевский подвергался преследованиям со стороны польских властей. Его арестовывали в июне 1925, в марте 1926, в марте 1927 года. После третьего ареста осудили на два года тюремного заключения по обвинению «в подстрекательстве населения к бунту с целью отделения беларуских земель от Польши». Срок лишения свободы он отбывал в Мокотовской тюрьме в Варшаве.

В 1936 году Годлевский выступил с инициативой создания Беларуского национального фронта. С мая 1936 по сентябрь 1939 года издавал газету «Беларускі фронт», в которой опубликовал много своих статей. Редакция отстаивала беларускую политическую линию, свободную от чужих влияний, защищала беларуские национальные ценности, политические, общественные и культурные интересы беларусов. Годлевский считал, что новая война в Европе, приближение ко-

торой ощущали тогда все мыслящие люди, может привести к кардинальному изменению соотношения сил на континенте. В этой связи он призывал беларуских патриотов быть готовыми к реализации исторического шанса на независимость своей страны.

В январе 1942 года отец Винцент стал одним из учредителей Беларуской незалежницкой партии. Члены БНП, работавшие в созданных немцами органах местного управления, готовили нелегальные структуры беларуского национального движения (в том числе вооруженные группы) для одновременного выступления против нацистов и против большевиков. Иными словами, они верили в невозможное...

О политическом «весе» беларуского ксендза красноречиво свидетельствует следующий факт. Нелегальные представители государственного Комитета обороны СССР вели с ним тайные переговоры о возможности участия беларуских националистов в борьбе против германских нацистов. Речь шла об освобождении из советских лагерей заключенных-беларусов и формировании из них национальной армии по типу польской армии генерала Андерса. Однако договориться не удалось. Годлевский считал коммунистов такими же слугами Сатаны, как и нацистов.

23 декабря 1942 года «Беларуская газэта» (печатный орган БНП) поместила большую статью Годлевского, посвященную 25-й годовщине Первого всебеларуского съезда. В ее текст было заверстано стихотворение поэтессы Натальи Арсеньевой «Годзе!» (Хватит!), содержавшее смелые строки:

Што далі нам калі чужыя?
Ці калі хто – наш плач
усьцішыў?
Дось!
Напружым пастронкі жылаў,
Самі злыбеды нашы
скрышым!..

Вечером того же дня Винцента Годлевского арестовали чины СД и отвезли в лагерь Тростенец. Здесь офицер по фамилии Хойзер ночью расстрелял священника. Ему шел 53-й год... Точные причины аресты и казни не выяснены до сих пор.

Красный костел без крестов,
когда в нем находился Дом кино

ДОМ КИНО

С момента освобождения Минска от нацистов летом 1944 года костёл не работал. Городские власти снова пере-

дали его здание киностудии «Советская Белоруссия». А с 1971 года в течение 19 лет здесь находился Дом кино. Хорошо, что не свинарник, как в бывшем княжеском дворце в Гольшанах, и не склад книг, вывезенных из немецких библиотек, как в минском костёле Святого Роха.

Бог уберег храм от современных Геростратов. «Главный коммунист» БССР Петр Машеров уже распорядился снести костел, который якобы «портил лицо социалистического города», но тут его настигла внезапная смерть. Это случилось 4 октября 1980 года.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОСТЕЛА

В 1989 году, на пасху, минские верующие начали кампанию действий за возвращение костела церкви. В этом движении приняли участие несколько тысяч человек – мужчины и женщины, старики и молодежь. Ими руководил комитет во главе с Анной Нитиевской и Владиславом Лаппо. Полтора года каждый вечер после работы, а в выходные дни днем, в любую погоду 200–300 верующих (состав группы менялся) устраивали крестный ход вокруг здания.

Наконец власти не выдержали и 21 ноября 1990 года, в день 80-летия Красного костела, Мингорисполком издал постановление о возврате здания церковной общине. В тот же вечер первый католический архиепископ независимой Беларуси Тадеуш Кондрусевич отслужил благодарственный молебен в помещении на втором этаже здания.

Ксендз Владислав Завальнюк

Новым ксендзом и настоятелем Красного костела по приглашению общины стал отец Владислав Завальнюк (1949 года рождения). Он магистр теологии, кандидат исторических наук, писатель, поэт.

Несет слово Божие людям с молодых лет. Начал в Молдавии в 1974 году, продолжил в украинских городах Измаил и Болград. Там был арестован «за религиозную пропаганду» и выслан в Казахстан. Служил в Целинограде (ныне Астана). Местные власти отказали ему в прописке, вообще создали невыносимые условия жизни, и ему пришлось уехать в Красноярск. Позже служил в Смоленске, в Латвии, Эстонии, Литве и, наконец, в Беларуси (в Глубоком, Мосаре, Полоцке, Витебске).

Сегодня можно привести убедительную статистику: за 100 лет своего существования костел использовался по предназначению только 42 года: в 1910–1932 и 1990–2010 гг. Какие еще нужны доказательства лицемерия большевиков (предпочитавших называть себя «коммунистами»)?! Во все времена они заявляли, что в СССР существует «свобода совести» – то есть, верующие могут свободно исполнять в храмах религиозные обряды своих конфессий. Одновременно, под аккомпанемент лживых заклинаний, храмы повсеместно закрывали, а священников и наиболее активных верующих репрессировали...

ПЕРЕНОС ПРАХА И МЕМОРИИ ВОЙНИЛОВИЧА

Благодаря стараниям отца Владислава прах выдающегося сына беларуской земли Эдварда Войниловича 11 июня 2006 года был перезахоронен в Красном костеле.

Одновременно большая группа верующих – более 50 тысяч подписей (!) – обратилась к городским властям с просьбой о переименовании улицы Берсона, проходящей возле храма, в улицу Войниловича. Поначалу казалось, что справедливость восторжествовала. 26 сентября 2007 года решением Минского городского исполкома улица Станислава Берсона была переименована в улицу Эдварда Войниловича.

Однако уже через месяц Министерство юстиции приняло постановление, согласно которому данное решение было признано «юридически необоснованным» (!).

Выходит, что по мнению юристов, состоящих на службе у беларуского государства, мы должны помнить и прославлять не своих патриотов, а тех, кто выступал против нашей независимости, против нашего языка и против христианской церкви. Поляк-большевик Станислав Берсон был именно таким врагом независимой суверенной Беларуси и беларуской «мовы», не говоря уже о христианстве. Конечно, польские легионеры расстреляли его 21 апреля 1919 года в местечке Рудамино не за это. Но, на мой взгляд, они не ошиблись.

Мемориал Эдварда Войниловича у стены Красного костела

Формальным предлогом для отмены решения горисполкома послужило письмо какой-то женщины, заявившей, что «нельзя допустить, чтобы в нашей столице улица была названа в честь помещика». Как видим, люди, увлеченно рассуждающие о «правовом государстве», признали мнение одной гражданки (фамилию которой они скрывают) юридически более весомым, чем мнение 50 тысяч граждан! Если это не издевательство над верующими людьми и не извращение самого смысла законодательства, то что?

Кроме того, в принятом решении нет даже элементарной логики. Ибо можно задать риторический вопрос: а разве не помещиками были Пушкин и Лермонтов, Багратион и Пожарский, Лазарев и Нахимов, Огарев и Грибоедов, Пестель и Рылеев, Суворов и Кутузов, Одоевский и Лев Толстой? Однако улицы, названные в честь этих прославленных деятелей соседнего государства, никто не собирается переименовывать. И никаким бди-

тельным гражданкам, равно как и юристам, их фамилии в названиях улиц абсолютно не мешают.

Верю, что рано или поздно справедливость восторжествует: на стене Красного костела появится табличка, которой место именно здесь – улица Эдварда Войниловича, 1.

Красный костел сегодня

ЗЕМЛЯ ФЕРДИНАНДА РУЩИЦА

Алесь БЕЛЫЙ

10 декабря 1870 года в старом, почти 200-летнем деревянном шляхетском доме в Богданове (ныне – Воложинский район) в семье Альвины и Эдварда Рущицов родился сын Фердинанд. Имена Эдвард и Фердинанд неизменно чередовались в роду. Деда художника звали Фердинандом, а его сына – Эдвардом.

Род Рущицов происходил из-под Бреста, но в начале XIX века перебрался под Вильню, в тогдашний Ошмянский повет, сначала получив в приданое имение Войгяны, а затем отсудив у соседей Богданов. Оба имения оставались во владении рода до конца Второй мировой войны.

Отец (как и двое его братьев, дядей художника) окончил Брестский Пажеский корпус, дослужился до чина капитана. Во время службы в Либаве (ныне Лиепая) познакомился с дочерью датского шкипера Альвиной Мунк, на которой в 1858 году женился.

Уволившись из армии, отец будущего художника служил довольно крупным железнодорожным чиновником. В родовое богдановское гнездо семья возвращалась постоянно, хотя бы наездами, но жить и работать подолгу приходилось то в Либаве, то в Минске – от которого, впрочем, до Богданова было не так уж далеко. Именно в будущей столице Беларуси Фердинанд провёл 1880-е годы, успешно окончив классическую гимназию и проявив недюжинные способности к рисунку, первые уроки которого ему преподал местный учитель.

Итак, Рущиц – почти минчанин. Помнит ли об этом наш мегаполис, стремительно прирастающий железобетонными окраинами? Трудно назвать хотя бы ещё 2–3 имени столь известных в европейском масштабе художников, тесно связанных с Минском – но, похоже, городу, увлёкшемуся безудержным ростом благосостояния, не до Рущица. Да и в Богданове об этом признанном мастере символического пейзажа мало что напоминает.

Большинство картин Рущица, в том числе самые знаменитые его шедевры, написаны на маленьком клочке земли, в окрестностях Богданова и недалёкого Вишнева – местечка, давшего миру немало звучных имён: взять хотя бы президента Израиля Шимона Переса, польского композитора Мечислава Карловича или беларуских патриотов ксендза Владислава Чернявского и поэта Петра Бителя. А недалеко – овеянные легендами Гольшаны и Баруны...

Эти места, каждый уголок, каждый пригорок, рощицу, ручей художник по сотне раз исходил и чуть ли не прополз на коленях вдоль и поперёк, ко многим из этих до боли любимых уголков обращался взглядом, карандашом и кистью не раз, как к старой водяной мельнице, к богдановскому и вишневскому костёлам, или к отцовскому дому. Наверное, эти места заслуживают того, чтобы искусствоведы и историки снова прочесали их, квадрат за квадратом, опознав и нанеся на карту каждый склон и изгиб ручья. Но всё как-то недосуг. Оба дома Рущицов, и старый деревянный, и построенный отцом каменный, и хозяйственные постройки – сгорели в 1944 году во время наступления Красной армии, а биб-

лиотеку и архив разграбили ещё раньше, после первого прихода Советов. Уцелела лишь могила художника.

По окончании гимназии 20-летний Фердинанд поступил на факультет права Петербургского университета. Попутно он посещал занятия в Академии Художеств как вольный слушатель. Но карьера юриста, выбранная по совету родителей, мало привлекала его, и через два года он оставил университет, убедившись, что не может жить без кисти и мольберта. В 1892–97 годы Рущиц учился в Академии Художеств у знаменитых пейзажистов Ивана Шишкина и Архипа Куинджи. Отец и мать с пониманием отнеслись к этому малопрактичному выбору. Они неизменно оказывали сыну не только материальную поддержку (даже каникулы молодой Фердинанд проводил в Дании или Швеции), но и пристально следили за его успехами, помогая, утешая и подбадривая.

Выбор учителей не был случаен: Рущица интересовал почти исключительно пейзаж, но пейзаж символический; почти всегда безлюдный – однако полный намёков на внутренний мир наблюдателя, понятных только посвящённым. Люди, если и присутствуют на картинах Рущица, никогда не попадают в центр внимания, они размыты и подчёркнуто безлики – наверное, чтобы показать что художник обращается к каждому человеку, предлагая узнать себя – как сына Божьего! – и в пахаре, и в пилигриме, и в случайном прохожем. Даже в совершенно безлюдном пейзаже чувствуется всё наполняющий и всё осмысливающий взгляд Творца. Постепенно вырабатывался фирменный творческий стиль художника, тревожный и сдержанно-торжественный, «музыкальный», неуловимо напоминающий Грига.

Несмотря на очевидное влияние матери-датчанки, Рущиц остался певцом своей земли – Виленщины, Восточной Литвы – ведь ещё и в начале XX века этот уголок земли между Вилией и Нёманом никто Беларусью не называл. Рущиц – художник несомненно христианский, хотя и в своей религиозности он старательно избегал прямых указаний, слащавой набожности, верноподданного клерикализма.

После окончания Академии Фердинанд оправился в поездку по Европе, откуда привез массу талантливых пейзажей, и вернулся в Богданов, на иждивение родителей, которых это, похоже, не тяготило. Работа «по специальности» не предвиделась. В «бабье лето» 1898 года он довольно легко и быстро написал картину, многозначительно названную «Земля», которая стала самым знаменитым его произведением.

16 сентября в своём богдановском дневнике он так описал начало работы:

> «Набросал углём «Землю». Воспользовавшись прекрасной погодой, идём с Мамой и Папой на поле, где копают картофель. Паутина. Тёплый и ясный день, безветренный. Жёлтая листва деревьев на фоне голубого неба».

Однако «Земля» не имеет ничего общего с этой умиротворённой картиной сбора урожая. Пара громадных, угрюмых, чёрных волов, меланхолически тянущих за собой упряжку с плугом, и погоняющий их с проклятиями пахарь, медленно пробираются по одному из бесчисленных, усеянных принесёнными ледником камнями, холмов Ошмянской гряды. Хмурое, неприветливое небо с тревожно клубящимися облаками нависло над склоном, как будто надавив на троицу

ненавидящих друг друга каторжников, чтобы сделать их работу ещё тяжелее, ещё невыносимее. Склонившийся над плугом, в поте лица своего, человек как будто демонстративно отвернулся от неба, чтобы не замечать его дразнящей близости. Небо и земля – в своём извечном конфликте, и зависший между ними человек – то ли героический Сизиф, приговорённый Небом к бессрочной каторге, то ли бессильный Иов, ожидающий исхода пари между Богом и Сатаной. И разве эта чёрная дуга – всего лишь склон холма где-то в окрестностях Вишнева и Богданова? Да ведь это же шар самой Земли, планеты настолько маленькой, что не будь пахарь занят работой, он бы съёжился от озноба и приступа клаустрофобии, как Маленький Принц.

«Земля» явственно перекликается с «Падением Икара» Брейгеля: там тоже в центре внимания упряжка пахаря, а вовсе не упавший с неба заносчивый Икар. Разве что Рущиц, известный своей склонностью к минимализму (пожалуй, чисто литвинской), убрал с картины все несущественные детали. А может, и не Рущиц, а сама история этого края, несоизмеримо более бедного, чем густо населённая людьми и предметами Фландрия. Абсолютный минимум форм и красок.

Весной 1899 года «Земля» впервые была выставлена в Петербургской Академии художеств, а зимой в Варшаве, где её сразу же купила галерея «Захэнта». Слава картины и имя её автора молниеносно разнеслись в польскоязычной прессе: Фердинанд Рущиц, литвин с Ошмянщины. Тридцатилетний художник стал знаменитым.

«У костела» (1899 г.)

На протяжении 1899 года Рущиц работал над картиной «У костёла», представляющей не только скромный деревянный костёл в Богданове, но также и определённую модель взаимоотношений Неба и Земли – в развитие идеи предыдущей картины. Тревожное и прохладное небо Понёманья-Литвы, оно же – Небо – как будто вклинивается между костёлом и соседним зданием. Но замечают ли его коленопреклонённые богомольцы, чьи взгляды прикованы к костёлу? Не намёк ли это на то, что Бог постоянно рядом, хотя необязательно – в привычных ритуалах? Картина «У костёла» – единственное произведение Рущица в нашем Национальным художественном музее, да и вообще в Беларуси. Косвенный,

но достаточно верный признак того, что среднеобразованного белоруса наследие художника не привлекает и не вдохновляет.

Труднее всего далась Рущицу работа над картиной «Старые яблони». В Богданове был огромный сад, частично одичавший, с лабиринтами зарослей. Весной 1900 года художник загорелся идеей нарисовать одну и ту же группу старых яблонь в разные времена года, при разном освещении — своеобразный триптих, аналога которым история искусств ещё не знала. Цветущие яблони на фоне весеннего заката; яблони, покрытые тёмно-зелёной листвой, усыпанные созревающими плодами, в пасмурный июльский день; и, наконец, голые яблони на снегу, на фоне яркого солнечного света. Годом позже Рущиц писал в своем дневнике:

«Старые яблони» (1900 г.)

> «Со времени моей «Земли» ни один мотив так меня не преследовал, как эти яблони. Повсюду они мне мерещатся, всё принимает вид яблок, даже буквы, когда пытаюсь читать. Везде эти крупные, спелые, сочные плоды, похожие на груди молодой женщины».

Этюды и наброски следовали один за другим, идеи вспыхивали и с разочарованием отбрасывались, но по-настоящему работа продвигалась только с одной из картин задуманного шедевра. В октябре 1900 года Рущиц, совершенно изнурённый погоней за недостижимым идеалом, через силу её закончил, навсегда расставшись с первоначальным замыслом триптиха. Полгода каторжного труда — и столь скромный итог, совершенно неоправданный, если судить лишь рыночными критериями. Но «Старые яблони» действительно удались — полные скрытой эротики и какой-то сгустившейся тревоги, предчувствия медленно надвигающейся катастрофы.

«Осенний ветер» (1904 г.)

Они, наверное, могли бы служить аллегорической декорацией к «Вишнёвому саду» Чехова, написанному примерно в то же время. Ироническая насмешка над некогда юными красавицами яблонями, бесстыдно, навязчиво предлагающими наблюдателю свою наготу? Или скорее нежность и сострадание к судьбе несчастных деревьев, оцепеневшим от ужаса, ожидающим безжалостного топора и костра на свалке? И не отправится ли вскоре вслед за яблонями усиленно пудрящаяся старуха Европа?

В 1929 году картину приобрёл польский Сенат для парадного зала, сейчас она экспонируется в Варшавском Национальном музее.

Наконец пришло признание: в 1904 году Рущица пригласили на должность профессора в Школу изящных искусств в Варшаве, а в 1907 году – в Академию Художеств в Кракове, тогда находившемся под властью Австрии. Он окружён вниманием, активно участвует в общественной жизни, с удовольствием делится со студентами секретами мастерства.

Но художника-литвина неудержимо тянуло на Родину. Принадлежность к польской культуре по языку определяет не всё: польскоязычные литвины – Мицкевич, Сырокомля, Здзеховский, Скирмунт весь XIX век и начало XX терзались неопределённостью, к какой же стране они принадлежат – к Польше или к Литве? К Беларуси?

В 1908 году произошел неожиданный для многих перелом: Рущиц отказался от успешной карьеры в Кракове и вернулся в свою любимую Литву. И... оставил мольберт! «Почему Рущиц перестал писать маслом?» – изумлялись его поклонники в Варшаве, Кракове и Вильне. Все его знаменитые картины были написаны примерно за десятилетие с 1898 по 1908 годы. Один из лучших пейзажистов в истории мировой живописи – но посвятивший своё творчество малоприбыльному литовскому («западнобеларускому», с современной точки зрения) пейзажу, лишённому платежеспособных, или хотя бы мало-мальски щедрых почитателей. Устал от экономического абсурда? Не захотел повторяться?

Художник с женой Региной (1920-е гг.)

До конца жизни художник так ни разу прямо и не ответил на этот вопрос. Он много преподавал: с 1919 года руководил факультетом изящных искусств в возрождённом Виленском университете. В разное время его учениками были, в частности, известные беларуские художники Язэп Дроздович (1888–1954) и Пётр Сергиевич (1900–1984). Творческие интересы Рущица сместились в сферу декоративно-прикладного искусства, театральных декораций, книжной графики и дизайна.

Он жил то в Богданове, то в Вильне, и неустанно воспевал красоту Виленщины в театральных постановках, плакатах, дипломах, искусствоведческих очерках и эссе. В 1913 Фердинанд наконец женился – на Регине Рук, младшей его на 22 года. Жену он ласково называл Гиной.

Повышение общего уровня художественной культуры, символическое осмысление пространства обществом заботило его больше, чем индивидуальное самовыражение. Много сил он отдавал организации ярмарок народного искусства – прежде всего, реорганизации ежегодного праздника в честь дня Святого Казимира, небесного покровителя Литвы, в полномасштабный фестиваль европей-

ского уровня. Составление «виленских верб» – декоративных композиций из весенних веточек вербы, сухих цветов, цветных ленточек благодаря патронажу Рущица (и, вероятно, самого святого) приобрело черты высокого искусства, стало престижным, начало восприниматься как неотъемлемая часть души Литвы. Художник верил сам и хотел заставить поверить других, что этот край, с его выглаженными ледником холмами, с усеянными камнями полями, с хмурым, вечно дождливым небом («Литва» от «лить») – не какая-то Богом забытая провинция, а страна со своей красой, со своими эстетическими вкусами.

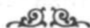
О требовательности художественного вкуса Рущица ходили анекдоты. Говорили, например, что встретив гуляющую по Вильне даму с недостаточно подходившей к шляпе ленточкой, он не мог пройти мимо и обязательно устраивал для неумелой модницы «сеанс эстетического ликбеза», – впрочем, с величайшей галантностью.

В 1918 году Рущиц участвовал в войне против большевиков в составе добровольческой армии польскоязычных литвинов Виленщины. Двумя годами позже активно поддержал создание Средней Литвы – своеобразного государства на стыке границ современных Литвы и Беларуси, со столицей в Вильне. Это была последняя попытка удержать баланс между собственно Литвой и Польшей. Впрочем, в 1922 году Средняя Литва вошла в состав возрождённой Польши, не сохранив даже автономию: опрометчивый шаг польских националистов, дорого стоивший им впоследствии.

В последние 15 лет жизни Рущиц активно участвовал практически в каждом общественно значимом проекте Вильни: это создание серебряного саркофага святого Казимира (1922), реставрация и коронация чудотворной иконы Матери Божьей Остробрамской (1927), открытие памятника Адаму Мицкевичу в Париже (1929). И, как обычно – преподавание, театральные постановки, книги, выставки...

На 63-м году жизни (в 1932 году) его разбил паралич. Благодаря самоотверженной опеке жены и дочери здоровье частично вернулось к художнику, который учился писать левой рукой, но 30 октября 1936 года Бог призвал его к себе – в том самом Богданове, где он когда-то появился на свет.

Возможно, то была милость: не довелось увидеть ни чудовищно кровопролитной войны, ни разорения родного Богданова, ни краха той культуры, созиданию которой он посвятил всю жизнь. Есть ли шанс у этой культуры хотя бы частично вернуть утраченные позиции в нашей стране, вместе с интересом к творчеству Рущица, станет ясным в ближайшие десять – пятнадцать лет.

БОНА СФОРЦА И КОНФЕРЕНЦИЯ

Анатоль ТАРАС

22 октября 2009 года в помещении Национальной библиотеки прошла международная конференция ученых-историков на тему «Итальянское Возрождение в Беларуси. Бона Сфорца и эпоха Возрождения».

Организатором и спонсором конференции выступило посольство Республики Италия в Беларуси. Первоначально оно планировало двухдневное мероприятие. Однако реалии жизни заставили внести коррективы в этот план.

Во-первых, выяснилось, что ни одно беларуское научное учреждение не ведет исследований по указанной тематике. Исключение – кафедра романского языкознания Белгосуниверситета, представившая доклад и 6 сообщений, однако языкознание – не история. Во-вторых, на подготовку конференции было отпущено всего полтора месяца – слишком мало для сочинения потенциальными участниками полноценных докладов.

Авторы на скорую руку «перелицевали» свои ранее написанные тексты, чтобы они формально соответствовали заявленной теме. В результате вместо симфонии получилась сумбурная разноголосица – каждый рассказывал сугубо о своем, не заботясь о том, как его тема «стыкуется» с другими.

Всего было заявлено 25 докладов и 11 сообщений. Правда, ряд докладчиков так и не появился на конференции. А «вольных» слушателей набралось немного, человек 10–12. В основном, ими оказались студенты БГУ, специализирующиеся по итальянскому языку.

Разумеется, чиновники подчеркнули огромное значение устроенного ими мероприятия. Именно к утверждению этого тезиса свели свои речи директор Национальной библиотеки Роман Мотульский, посол Италии Джулио Преджони, посол Летувы Эдминас Багдонас, посол Польши Генрик Литвин, представительница министерства культуры Наталья Авдеева. Их взаимные похвалы и комплименты зародили у меня подозрение, что имеет место типично бюрократическое мероприятие, устроенное в основном ради отчета о деятельности означенных ведомств на территории нашего суверенного государства. Вскоре я убедился, что так оно и есть*.

Конференция началась с того, что две профессорши из университета города Бари (Белли д'Элиа Пина и Доменика Паскулли Феррара) показывали на экране цветные слайды архитектурных памятников своего города, повторяя время от времени, что королева Бона приехала в Краков именно оттуда. Лично для меня осталось загадкой, какое отношение храмы, замки и крепостные сооруже-

* Кстати говоря, в самом начале мероприятия я попытался договориться с дамой из дирекции библиотеки относительно публикации в альманахе одной – двух фотографий с конференции, ибо штатный фотограф делал снимки. В ответ мне было сказано, что «все фотографии – собственность библиотеки» и что «без моего /начальствующей дамы/ разрешения фотограф ни о чем с вами /мной/ говорить не будет». Затем дама покинула зал заседаний, больше я ее не видел. Такое вот культуртрегерство согласно святому принципу наших чиновников «хоть сам не гам, другому ни за что не дам».

ния Бари имеют к распространению идей итальянского Возрождения на территории ВКЛ.

Затем молодая и симпатичная профессорша Дайнора Поцюте из Вильнюсского университета сообщила присутствующим о некоем монахе жемойтского происхождения, жившем в первой половине XVI века. Разуверившись в догматах католицизма, он перешел в лагерь так называемых диссидентов, призывавших верующих к возрождению «чистоты» раннего христианства. «Фишка» ее доклада сводилась к тому, что королева Бона покровительствовала ренегату и своевременно предупредила о том, что костел готовит расправу с ним, после чего означенный субъект благополучно сбежал в соседнюю Пруссию. Там он примкнул к лютеранам.

Несколько докладов не имели даже косвенного отношения ни к королеве Боне, ни к идеям Возрождения, тем паче – в ВКЛ. Например, «Беларуские земли в старинной итальянской картографии» (Лев Козлов), «Римская теория происхождения итальянских князей» (Сергей Санько), «Легенда о римском происхождении шляхты ВКЛ» (Олег Дернович), «Рецепция римской республиканской и имперской идеи в ВКЛ» (Алексей Дермант), «Музыкальное воспитание на основе полифонии Дж. Палестрини» (Николай Шиманский), «Токката XVI века и ее эволюция в творчестве композиторов Венецианской школы» (Марина Мрачко). Что касается двух последних, то докладчики иллюстрировали свои тезисы нотами. В Академии музыки, которую они представляли, это было бы уместно. Но на конференции историков ноты выглядели весьма странно.

Короче говоря, все это было слеплено на скорую руку и «притянуто за уши».

Разумеется, вспомнили Скорину (Николай Мушинский, Георгий Голенченко). Как же без него? Зря, что ли, он побывал в Падуе?! Уже давно у нас Скорину из человека превратили в символ: «Скорина то, Скорина это». Нет ни одной вещи на свете, к которой он не имел бы отношения. Это касается и пресловутого Риссорджименто (Возрождения).

Два доклада были посвящены Николаю Гусовскому (Владимир Короткий, Виктор Старостенко). Оказывается, его «Песня о зубре» (1523 год) – посвященная детальному описанию образа жизни зубров и приемов охоты на них – «выражает ренессансный эстетический идеал поэта, с его верой в гармонично развитого, духовно и физически совершенного человека». Вполне может быть, хотя лично я в поэме ничего такого не вижу. Правда, читал ее давно, мог не заметить. Все же я не понял, в чем связь между зубрами и королевой. Насколько мне известно, сам Гусовский не имел к Боне ни малейшего отношения – жил в Польше (в Плоцке), служил тамошнему епископу. А свою знаменитую поэму написал в Риме, в Ватикане, куда прибыл в составе посольства ВКЛ.

Еще два докладчика (Ирина Богданович, Александр Лопата-Загорский) говорили о том, как образ Боны воплощен в произведениях беларуских писателей. Известно как. Дескать, эта коварная дама уморила нашу красу и гордость – Барбару Радзивилл, за то, что сын Боны – Сигизмунд II Август – взял в жены прекрасную литвинку вместо еще одной чернявой итальянки, протеже своей мамочки. Отравила невестку (весной 1551 года) и думала, что это ей сойдет с рук. Но безутешный сыночек пообещал мамке ее саму загнать в гроб. Подальше от

греха Бона в начале 1556 года уехала в родной Бари. Однако возмездие настигло злобную свекруху. Ее отравил молодой любовник, некий Лоренцо Паппакода – якобы за оскорбление. Лично я думаю, что причина была иная, скорее всего – определенная сумма премиальных.

Кстати говоря, присутствующим показали цветной слайд скульптуры в одном из храмов Бари, изображающей Бону в последний год жизни. Неведомый мне скульптор изваял старуху с мерзкой иссохшей физиономией. Вот что значит реализм в искусстве. Вообще-то ей было всего лишь 63 года, но в те времена такой возраст считался глубокой старостью...

С большим вниманием выслушал я доклад Светланы Морозовой из Гродненского университета «Идея церковной унии в общественно-политической жизни ВКЛ XV века». Не потому, что он содержал какие-то сенсационные новости. Дело в ином. В своей книге о войнах Московии с ВКЛ в XIV–XVII веках я посвятил этому вопросу параграф «Несколько слов о Флорентийской унии». К сожалению, ученая дама – профессор, доктор наук, заведующая исторической кафедрой, не сказала ничего нового по сравнению с моей популярной работой, изданной четыре года назад! Примерно такой же «уровень научных достижений» демонстрировали почти все доклады и сообщения.

Королева Польши, Великая княгиня Литвы Бона Сфорца в возрасте 55 лет (1549 г.)

Несколько докладов мне понравились (Анастасии Скепьян, Юрия Бохана, Валерия Яворовского, Николая Волкова), но они «утонули» в бассейне общей скуки.

Кстати, участники конференции обошли молчанием наиболее многочисленный контингент итальянцев в Литве – военнослужащих-наемников. Даже столь известного человека, как Аллесандро Гваньини (автора знаменитой «Хроники европейской Сарматии») никто не вспомнил. Впрочем, если учесть, что три четверти присутствующих составляли женщины, это не удивляет. Военное дело им глубоко безразлично. Куда интереснее обсуждать убранство какого-нибудь пыльного алтаря или обломанного саркофага.

Кроме того, не упоминалась и не обсуждалась деятельность так называемых «польско-литовских братьев» или социниан. Между тем, именно это мощное религиозное движение, существовавшее на территории Речи Посполитой около 80 лет – с 1579 по 1658 год – в наибольшей мере причастно к распространению идеологии Возрождения в ВКЛ.

В конференции участвовали вежливые, культурные, приятные люди. Но «хороший человек» – не профессия. Слушая их выступления, я невольно вспомнил строки из студенческого фольклора времен своей молодости:

Один студент канаву рыл,
Другой в канаве ползал.
Никто вреда не приносил,
Не говоря уже о пользе.

Именно такими словами – в отличие от устроителей – я оцениваю значение проведенной конференции. По сути дела, ничего нового ни о королеве Боне Сфорца, ни о вкладе итальянцев в культуру ВКЛ мы не узнали. Да, приехали в ее свите примерно три десятка итальянских дворян. Но в Краков, а не в Вильню или Полоцк. Да, с ее подачи стали приглашать из Италии в Польшу, а потом и в Литву специалистов – архитекторов, живописцев, музыкантов, поваров, портных, даже парикмахеров. Да, некоторые поляки и литвины сами ездили в Италию – посмотреть на страну, а то и поучиться в ее университетах. Так все это и раньше было известно, без специального заседания.

Сын Боны король и великий князь Сигизмунд II Август в 1551 году

И еще один вывод я сделал для себя на будущее. Если научную конференцию организуют чиновники, ничего хорошего из этого не может получиться в принципе. Но обращаться к специалистам за рекомендациями они категорически не желают. А уж обсуждать свои решения – и подавно.

Вы бы видели, как оскорбилась библиотечная начальница, когда какой-то Тарас – доктор наук, профессор, старший научный сотрудник, к тому же намного старше годами – попытался с ней дискутировать. Она мгновенно заткнула рот этому наглецу!

ДЕДЫ
ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 3

Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем: А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь
Электронный адрес: AETaras@tut.by

Подписано в печать 22.02.2010.
Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура «NewBaskervilleC». Усл.-печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 25,0.
Тираж 150 экз. Заказ №

Издатель А.Н. Вараксин.
ЛИ № 02330/0131774 от 6.03.2006 г.
e-mail: editpol@tut.by

Издательский проект «Неизвестная история»

Изданы

(1) А.Е. Тарас. **Войны Московской Руси с Великим Княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII веках.** (800 стр., 197 илл., 37 карт и схем). Издательство «Харвест».

(2) А.Е. Тарас. **Анатомия ненависти: Русско-польские конфликты в XVIII–XX вв.** (800 стр.; 57 цвет. репрод., 340 ч/б илл., 25 карт и схем). Издательство «Харвест».

(3) А.П. Грицкевич. **Западный фронт РСФСР 1918–1920: Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию.** (592 стр., 12 карт). Издательство «Харвест».

(4) В.В. Деружинский. **Тайны беларуской истории.** (560 стр., 220 илл., 13 карт). Издательство «ФУАинформ».

(5) Коллектив авторов. **История имперских отношений: беларусы и русские. 1772–1991.** (608 стр.; 64 илл., 7 карт). /Издание 3-е/ Издательство «ФУАинформ».

(6) Ю.В. Чернявская. **Белорусы: От «тутэйших» — к нации.** (512 стр., 148 илл., 5 карт). Издательство «ФУАинформ».

(7) И.Л. Солоневич. **Россия в концлагере.** (592 стр.; 44 фото, 2 карты). /Издание 2-е/ Издательство «Современная школа».

Готовятся к изданию

(1) А.А. Грицанов, А.Е. Тарас. **Научный антикоммунизм и антифашизм: Популярный учебник для всех.** Издательство «ФУАинформ».

(2) Зм. Сасноўскі. **Гісторыя беларускай музыкі ад старажытнасці да сярэдзіны XX стагодзя.** Издательство «ФУАинформ».

(3) А.Е. Тарас. **Грюнвальд, 15 июля 1410 года.** Издательство «ФУАинформ».

(4) А.Е. Тарас. **Оршанская битва 8 сентября 1514 года.** Издательство «ФУАинформ».

(5) Коллектив авторов. **Предыстория беларусов с древнейших времен до XIV века.** Издательство «Харвест».

(6) А.П. Грицкевич. **Борьба за Украину. 1918–1920 гг.** Издательство «Современная школа».

(7) А.Е. Тарас. К**расный костёл в нашей жизни.** Издательство Минской парафии Римско-католической церкви.

* * *

«Деды» – научно-популярное издание, предназначенное широкому кругу читателей, интересующихся прошлым своей страны и ее народа. В дайджесте представлены статьи и очерки, освещающие неизвестные или малоизвестные современным читателям события нашей истории.

Часть текстов перепечатана из беларуских изданий (в переводе на русский язык), часть – публикуется впервые.

Редакция ставит задачей ознакомление читателей с узловыми проблемами развития беларуской нации, с интересными персонажами и событиями, с наследием национальной интеллигенции.

ISSN 2075-5376

